
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2020. Том 18, № 2

Содержание

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И.* О задачном подходе в искусственном интеллекте и когнитивных науках 5
- Душкин Р. В.* Критика «Китайской комнаты» Дж. Сёрла с позиции гибридной модели построения искусственных когнитивных агентов 30
- Целищев В. В., Хлебалин А. В.* Разрыв интенционального и экстенционального в математике 48
- Головкин Н. В.* Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология: эссенциалистская трактовка установления истины 59
- Шевченко А. А.* Эпистемическое обоснование: деонтологические аспекты 75
- Фролов К. Г.* Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель 85

Социальная философия

- Диев В. С.* Методологические основания анализа, оценки и управления риском 98
- Трубицын О. К.* Спор о новой исторической стадии: марксизм и концепция постиндустриального общества 108
- Сакаева З. Л.* Нормативная правовая текстуальность как один из модусов выражения правосознания 118

<i>Аблажей А. М.</i> Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири: сравнительный анализ советского и постсоветского опыта	129
<i>Шмаков В. С.</i> Сельские локальные сообщества: функциональный анализ социокультурного развития	144
<i>Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.</i> Семья в моделях национальной политики Российской Федерации: реалии и возможности	154

История философии

<i>Козырева О. А.</i> О несовместимости экстернализма и картезианской модели знания о себе	168
<i>Горан В. П.</i> Рене Декарт против Пьера Бурдена: проявления невозможности компромисса	181
<i>Нечипоренко А. В.</i> Понятие позиции и позиционное мышление	195

Научная жизнь, полемика и дискуссии

<i>Шеремет А. А.</i> Категориально-системное мышление как инструмент реинжиниринга интеллектуальной деятельности (ответ на вызов современной когнитивной ситуации). Рецензия на книгу: Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): Учебник. М.: ИНФРА-М, 2020	208
<i>Муллобоева Д. А.</i> Особенности становления таджикского просветительства	214
<i>Прись И. Е.</i> Скептическая проблема – псевдопроблема. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Часть II. Скептический сценарий бесмыслен	222
Информация для авторов	236

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2020. Vol. 18, no. 2

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

<i>Vityaev E. E., Goncharov S. S., Sviridenko D. I.</i> On the Task Approach in Artificial Intelligence and Cognitive Sciences	5
<i>Dushkin R. V.</i> On J. Searle's "Chinese Room" from the Hybrid Model of the Artificial Cognitive Agents Design	30
<i>Tselishchev V. V., Khlebalin A. V.</i> The Gap between the Intensional and Extensional in Mathematics	48
<i>Golovko N. V. D.</i> Dennett's Real Patterns as a Modal Ontology: Essentialist Interpretation of Truth-Making	59
<i>Shevchenko A. A.</i> Epistemic Justification: Deontological Aspects	75
<i>Frolov K. G.</i> Intellectual Integrity as Intellectual Virtue	85

Social Philosophy

<i>Diev V. S.</i> Methodological Foundations of Risk Analysis, Assessment and Management	98
<i>Trubitsyn O. K.</i> The Debate on the New Historical Stage: Marxism and the Concept of Post-Industrial Society	108
<i>Sakaeva Z. L.</i> Normative Legal Textuality as One of the Modes of Expression of Legal Consciousness	118
<i>Ablazhey A. M.</i> The Position of Science and Scientist in the National Republics of Siberia: A Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Experience	129

<i>Shmakov V. S.</i> Rural Local Community: A Functional Analysis of Socio-Cultural Development	144
<i>Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G.</i> Family within the Models of Ethnic Policy in the Russian Federation: Realities and Opportunities	154

History of Philosophy

<i>Kozyreva O. A.</i> On the Incompatibility between Externalism and Cartesian Account of Self-Knowledge	168
<i>Goran V. P.</i> Rene Descartes against Pierre Bourdieu: Manifestations of the Impossibility of Compromise	181
<i>Nechiporenko A. V.</i> The Concept of Position and Positional Thinking	195

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Sheremet A. A.</i> Categorical-Systemic Thinking as a Tool for the Reengineering of intellectual Activity (Response to the Challenge of the Modern Cognitive Situation)	208
<i>Mulloboeva D. A.</i> Special Aspects of the Formation of Tajik Enlightenment	214
<i>Pris I. E.</i> The Sceptical Problem Is a Pseudo-Problem. Open Lecture: Does the External World Exist? Part II. The Sceptical Scenario Is Meaningless	222
Instructions to Contributors	236

УДК 004.055, 004.82, 510.62, 510.67

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29

О задачном подходе в искусственном интеллекте и когнитивных науках

Е. Е. Витяев, С. С. Гончаров, Д. И. Свириденко

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН

Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Аннотация

Данная работа продолжает серию работ по задачному подходу в искусственном интеллекте. Как было отмечено ранее, агентный подход, описанный в монографии Стюарта Рассела и Питера Норвига «Искусственный интеллект. Современный подход», может быть более аргументированно представлен в рамках задачного подхода. В настоящей работе будет показано, что не только задачи оснований математики и искусственного интеллекта, но и многие познавательные функции, осуществляемые человеком и анализируемые в когнитивных науках, также могут быть описаны и изучены в рамках задачного подхода. В частности, в настоящей работе показано, что аналогом понятия «задача» в когнитивных науках является понятие цели и что теория функциональных систем (ТФС), описывающая целенаправленное поведение, может быть представлена как решение мозгом задач по достижению целей и удовлетворению потребностей. Это дает возможность напрямую сопоставлять задачи искусственного интеллекта с естественными когнитивными процессами и, тем самым, выявлять перечень тех задач «естественного» интеллекта и схем их решения, которые могут успешно использоваться при решении задач искусственным интеллектом.

Ключевые слова

искусственный интеллект, общий искусственный интеллект (AGI), когнитивные науки, агентный подход, задачный подход, целенаправленная деятельность, цель и задача, теория функциональных систем, принятие решений, рациональный агент, моделирование рационального агента

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-11-011176)

Для цитирования

Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И. О задачном подходе в искусственном интеллекте и когнитивных науках // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 5–29. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29

On the Task Approach in Artificial Intelligence and Cognitive Sciences

E. E. Vityaev, S. S. Goncharov, D. I. Sviridenko

Sobolev Institute of Mathematics SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This work continues a series of publications on the task approach in artificial intelligence. As noted earlier, the agent-based approach described in the monograph by Stuart Russell and Pieter Norvig "Artificial Intelligence. The Modern Approach", may be more argumentatively presented within the framework of the task approach. This paper will show that not only the problems of the bases of mathematics and artificial intelligence, but also many cognitive functions performed by humans and analyzed in cognitive sciences, can also be described and studied within the framework of the task approach. In particular, this paper shows that the analogue of the concept of task in cognitive sciences is the concept of goal and that the Functional Systems Theory (FST), which describes purposeful behavior, can be presented as the brain's solution of tasks to achieve goals and satisfaction of needs. It gives the chance to compare directly the tasks of artificial intellect with natural cognitive processes and, thereby, to reveal the list of those tasks of "natural" intellect and schemes of their solution which can be successfully used for the solution of artificial intelligence tasks.

Keywords

artificial intelligence, general artificial intelligence (AGI), cognitive science, agent-based approach, task approach, purposefulness activity, purpose and task, Functioning System Theory (FST), decision making, rational agent, rational agent modeling

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation (research project no. 17-11-01176)

For citation

Vityaev E. E., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. On the Task Approach in Artificial Intelligence and Cognitive Sciences. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 5–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29

1. Введение

Данная работа продолжает серию работ по задачному подходу в искусственном интеллекте [Витяев, Гончаров, Свириденко, 2019]. Как было отмечено ранее, наиболее продвинутым подходом в современном искусственном интеллекте, носящем синтетический характер, является *агентный подход*, описанный в монографии Стюарта Рассела и Питера Норвига «Искусственный интеллект. Современный подход» [Рассел, Норвиг, 2006], позволяющий с единых методологических пози-

ций и, что очень важно, в единых терминах, где ключевыми понятиями являются понятия «рациональный агент» и «среда», обсуждать различные направления в искусственном интеллекте. Особенно полезным агентный подход, как нам представляется, оказался для такого бурно развивающегося направления искусственного интеллекта, каковым является так называемый общий искусственный интеллект (AGI), о чем говорят попытки дать содержательные определения AGI его современными «апостолами» (см.: [Goertzel, 2010])¹.

Бен Гёрцел (Ben Goertzel): «Общий интеллект – это способность достигать сложных целей в сложных средах»;

Шейн Легге (Shane Legg) и Маркус Хуттер (Marcus Hutter): «Интеллект измеряет способность агента успешно действовать в широком диапазоне сред»;

Пей Ванг (Pei Wang): «Интеллект – это способность системы адаптироваться к своей среде, работая при недостаточных знаниях и ресурсах».

Однако если внимательно проанализировать содержание указанной выше монографии и результаты обсуждения приведенных определений AGI, то легко можно убедиться в том, что все они опираются прежде всего на понятие «задача» и фактически неявно следуют основным положениям задачного подхода, представленного в [Витяев, Гончаров, Свириденко, 2019].

В настоящей работе мы покажем, что не только проблемы оснований математики и искусственного интеллекта, но и многие познавательные функции, осуществляемые человеком и анализируемые в когнитивных науках, также могут описываться и изучаться в рамках задачного подхода. Это обстоятельство дает возможность напрямую сопоставлять задачи искусственного интеллекта с естественными когнитивными процессами и, тем самым, выявлять тот перечень задач естественного интеллекта, схемы решения которых могут быть успешно использованы в искусственном интеллекте. Именно по этой причине мы считаем, что изучение и непосредственное формальное моделирование когнитивных систем живых существ и, прежде всего, человека с позиций задачного подхода должно представлять несомненный интерес для современного искусственного интеллекта, особенно для такой его области, как AGI. Кстати, этот тезис полностью согласуется с мнением многих ведущих специалистов в области AGI, которые отмечают, что, скажем, изучение и формальное моделирование таких свойств когнитивных систем, как целеполагание, рефлексия, эмоции и другие субъективные переживания и введение их в интеллектуальные системы способствует успешной реализации многих ожидаемых от таких систем свойств и качеств. Так, например, ряд авторов

¹ Другим примером такой попытки является «Собрание определений Искусственного интеллекта» Ш. Легге и М. Хуттера. См.: Legg S., Hutter M. *A Collection of Definitions of Intelligence*. URL: <http://www.hutter1.net/ai/idefs.pdf> (дата обращения 07.05.2020).

утверждают (см. [Rosenbloom, Gratch, Ustun, 2015] и [Wang, Talanov, Hammer, 2016]), что введение и использование в интеллектуальных системах «искусственных» эмоций позволяет успешно решать проблему оптимизации распределения ресурсов между моделями разных когнитивных процессов и повышает эффективность процесса принятия интеллектуальной системой решений

Приступая к проектированию интеллектуальной системы как *агента*, воспринимающего некую среду и *рационально* действующего в ней, мы должны прежде всего определиться с устройством этой системы. Поскольку поведение агента во многом определяется его целями, то для их достижения интеллектуальная система должна уметь воспринимать окружающую среду, воздействовать на нее, обучаться, хранить опыт взаимодействия с ней и на основе этого опыта предсказывать реакцию среды на свои действия и планировать их последовательность. Очевидно, что такое многообразие функциональных способностей интеллектуальной системы предполагает нетривиальность ее устройства. И здесь знание того, как устроены когнитивные системы живых существ и, в частности, человека, может оказаться чрезвычайно полезным. Особенно в том случае, когда эти знания допускают математическую формализацию и/или компьютерную реализацию. Подобное обстоятельство и объясняет тот вывод, что изучение и моделирование когнитивных систем представляет несомненный интерес для искусственного интеллекта и особенно для AGI. Нам представляется, что именно по этой причине направление «*когнитивные архитектуры*», ставящее своей целью практическое воплощение теоретических знаний об устройстве человеческого мышления, признано в AGI одним из центральных направлений его развития, поскольку использование этих знаний позволяет надеяться на реальную возможность интеграции в единую систему большей части необходимых для систем искусственного интеллекта свойств, функций и качеств, таких как целеполагание, рассуждение, обучение, хранение и представление знаний и т.д. (см.: [Cassimatis, 2006] и [Langley, 2006]). Об одной из таких перспективных когнитивных архитектур, основу которой составляет так называемая теория функциональных систем (ТФС) работы мозга (см.: [Anokhin, 1973], [Anokhin, 1974], [Анохин, 1976] и [Судаков, 1984]), и пойдет речь в настоящей статье. И начнем мы с обсуждения и уточнения процесса целеполагания в когнитивных системах.

2. Понятия цели и целенаправленной деятельности

Авторы исходят из того, что аналогом понятия «задача» в когнитивных науках является понятие *цели* (см.: [Витяев, 2014] и [Vityaev, 2015]). Как и в случае задачи цель нельзя достичь, не имея *критерия её достижения*, иначе всегда можно считать, что цель уже достигнута. Заметим также, что любое *действие* всегда является

целенаправленным, поскольку если у действия нет цели, то непонятно – когда, как и чем его надо завершить. *Цель действия* – изменить текущее состояние и/или внешнее воздействие нужным для организма образом и тем самым удовлетворить некую *потребность* организма. Таким образом, удовлетворение той или иной потребности и есть реальная *цель*, которая ставится перед организмом. Напомним, что еще Ю.Л. Ершовым и К.Ф. Самохваловым при анализе понятия «задача» в основаниях математики была отмечена связь между понятиями цели, потребности и задачи: «"Я хочу пить" (потребность. – Авт.) – что это значит? Нет, конечно, никакой ошибки полагать, что слова "я хочу пить" означают просто вот это, где это – определенное состояние сознания, которое я переживаю сейчас и которое я именую жаждой. Но тогда возникает новый вопрос: как ощущение жажды (хотения) связано с фактическим питьем? Откуда я знаю, что удовлетворить жажду можно питьем? Содержится ли в самом переживании жажды сознание того, чем эту жажду можно удовлетворить? ... Знать желание не означает знать желаемое, а означает знать способность узнать желаемое (т.е. речь идет о *критерии решения задачи* или *достижения цели*. – Авт.), как только этому представится случай. Иными словами, вы понимаете какое-либо свое желание (т.е. потребность. – Авт.) ... только тогда, когда этому желанию вы сопоставили чувство уверенности в том, что любое будущее состояние сознания вы сумеете убедительным и безошибочным образом распознать (пользуясь критерием решения задачи. – Авт.) как состояние удовлетворения желания или состояние неудовлетворения... (т.е. как результат решения задачи. – Авт.). Хотя ... при этом я не обязательно знаю, чем это утоление будет достигнуто. По прошлому опыту ожидаю, что водой, но, быть может, какая-нибудь таблетка тоже утолит мою жажду» [Ершов, Самохвалов, 1984. С. 142–143].

Установим теперь более точное соответствие между понятиями «задача» и «цель». Для этого несколько иначе сформулируем понятие «задача», приведенное ранее в [Витяев, Гончаров, Свириденко, 2019], и проинтерпретируем составляющие этого понятия применительно к понятию «цель». Итак, далее будем считать, что мы имеем дело с *задачей* (в нашем случае – с *целью*), если в нашем распоряжении имеются:

- *модель предметной области* / представление о текущей ситуации и окружении;
- *запрос* / цель как необходимость удовлетворить возникшую потребность;
- *критерий решения задачи* / критерий достижения цели;
- *каким видится результат решения задачи и последствия ее решения* / каким должен быть результат в случае достижения цели.

Как же решаются задачи живыми организмами, т.е. как ставятся и достигаются цели, понимаемые как необходимость удовлетворения потребностей? Сразу отме-

тим, что среди целого ряда достаточно развитых физиологических теорий целенаправленной деятельности, пытающихся ответить на этот вопрос, мы выделяем и далее будем придерживаться ТФС работы мозга, которая подробно анализирует физиологические механизмы решения мозгом задачи по достижению целей, удовлетворению потребностей и организации целенаправленного поведения.

Согласно ТФС, удовлетворение возникшей у организма потребности фиксируется специальным рецепторным аппаратом, который по своим свойствам точно соответствует свойствам подкрепляющего раздражителя, удовлетворяющего эту потребность. Фактически этот рецепторный аппарат отвечает за наличие и применение организмом *критерия достижения цели*. Выше мы отмечали, что цель не имеет смысла, если не указан критерий ее достижения. При этом утверждалось, что знать потребность/желание организма не означает знать желаемое (способ удовлетворения потребности), а означает знать *способность узнать* желаемое, которое и фиксируется критерием достижения цели в лице соответствующего рецепторного аппарата, как только представится возможность это осуществить в результате целенаправленной деятельности.

Обратим внимание читателя на некую парадоксальность определения цели (этот эффект имеет место и в случае формулировки задачи). Дело в том, что процесс достижения цели (как и процесс решения задачи), являясь целенаправленной деятельностью, в то же время принципиально не содержит знание о том, как, где и когда можно достичь цели, – для задания цели необходимо определить только потребность и критерий её удовлетворения. Это обстоятельство назовем *парадоксом цели*. И как утверждает ТФС, поведение организма как целенаправленная деятельность постоянно направлено на разрешение этого парадокса путем определения того, чем, как и когда можно достичь цели. Такое понимание цели позволяет определить *результат достижения цели* как то, что организм получает при достижении цели, подкрепленное критерием того, что потребность удовлетворяется: мы утоляем жажду (результат), когда пьем воду; утоляем голод (результат), когда едим пищу, и т.д. Таким образом, между понятиями «цель» и «результат» имеется следующая связь: результат получен, когда цель достигнута и положительно «сработал» критерий достижения цели. Однако когда цель только ставится, мы имеем дело лишь с формулировкой цели и критерием ее достижения, но не имеем еще результата.

Перейдем теперь к изложению теории функциональных систем, в которой подробно исследовано, как мозг в процессе целенаправленной деятельности постоянно разрешает парадокс цели и определяет, чем, как и когда можно достичь цели.

3. Анализ целенаправленной деятельности в теории функциональных систем (ТФС)

Отличие ТФС от других существующих в настоящее время когнитивных физиологических теорий П.К. Анохин описывает следующим образом: «Пожалуй, одним из самых драматических моментов в истории изучения мозга как интегративного образования является фиксация внимания на самом действии, а не на его результатах... мы можем считать, что результатом "хватательного рефлекса" будет не само хватание как действие, а та совокупность афферентных раздражений, которая соответствует признакам "схваченного" предмета (результат действия)» [Anokhin, 1974. Р. 27]. Далее, излагая ТФС, мы будем в основном следовать положениям монографии одного из ведущих учеников П.К. Анохина – К.В. Судакова [Судаков, 1984] (отметим, что в этой работе подводится итог работ не только самого П.К. Анохина, но и всей его школы).

Прежде всего рассмотрим физиологические механизмы постановки целей организмом. Для этого нам понадобится понятие *функциональной системы*, под которой мы будем понимать «комплекс нервных образований с соответствующими им периферическими рабочими органами, объединенный на основе выполнения какой-либо вполне очерченной и специфической функции организма. К таким очерченным функциям можно отнести, например, локомоцию, дыхание, глотание, плавание и т.д.». [Судаков, 1984. С. 19]. Как было сказано выше, цель (задача) осмысленна, если есть критерий достижения цели (критерий решения задачи). Понятно, что отправляемые функции организма должны приводить к достижению некоторых целей, что фиксируется как некоторый результат. «Основным постулатом теории функциональных систем является положение о том, что ведущим системообразующим фактором, организующим функциональную систему любого уровня организма, служит полезный для организма и системы в целом приспособительный результат. Именно результат благодаря постоянной обратной афферентации о его состоянии производит своеобразную "мобилизацию" центральных и исполнительных образований в функциональную систему» [Судаков, 1984. С. 34–35].

Мы уже говорили, что достижение результата должно обязательно фиксироваться некоторым критерием. Но какова физиологическая природа критерия, фиксирующего достижение организмом некоего результата? Оказывается, что физиологически он реализуется «специальным рецепторным аппаратом»: «Каждая *потребность*, даже при незначительном отклонении жизненно важной функции от оптимального для метаболизма уровня, немедленно воспринимается специальными рецепторными аппаратами» [Судаков, 1984. С. 43]. И далее: «Сигнализация о потребности несет двоякую функцию. С одной стороны, она играет пусковую роль,

возбуждая специальные аппараты саморегуляции, а с другой, она постоянно формирует эти же центры о результатах действий, совершенных функциональной системой. Поскольку эта сигнализация включает в себе информацию о конечном результате, о его отклонениях от оптимального для метаболизма уровня или восстановлении... она была названа обратной афферентацией» [Там же. С. 45]. Теперь мы способны объяснить, как организмом физиологически осуществляется постановка целей.

Как мы уже говорили, ТФС целью организма объявляет необходимость удовлетворения его *потребности*. Такая цель носит двойной характер – во-первых, перед организмом ставится подцель по восстановлению нарушенного метаболизма, а, во-вторых, одновременно ставится подцель энергетически обеспечить процесс достижения первой подцели некоей целенаправленной деятельностью. Заметим, что если у организма нет опыта по достижению цели, то у него нет и ни малейшей информации о том, как ее достичь. В этом случае у организма есть единственная возможность – воспользоваться *методом проб и ошибок*: «Возникшее на основе той или иной биологической потребности поведение новорожденного животного строится в полном смысле слова методом "проб и ошибок"... Поражает направленный поиск новорожденным специальных раздражителей внешней среды, с которыми он никогда не встречался. Следовательно, они должны иметь врожденные модели, в которых запрограммированы свойства удовлетворяющих эти потребности раздражителей, с которыми осуществляется постоянное сравнение достигнутых результатов... непосредственно после рождения первой целенаправленной деятельностью лосенка является освоение вертикальной позы, затем движение в сторону матери, поиск соска, сосание и, наконец, реакция следования» [Судаков, 1984. С. 74].

Согласно ТФС, взаимодействие различных результатов и целей организмом осуществляется несколькими способами: по «принципу доминанты», «иерархией результатов» и «моделями результатов». Рассмотрим, например, «принцип доминанты». Этот принцип говорит о том, что две цели организмом одновременно достигаться не могут и всегда доминирует только некоторая одна потребность. Тем самым, наиболее важные для организма цели (так называемые *доминирующие потребности*) всегда линейно упорядочены во времени.

Следующий принцип, принцип *«иерархии результатов»*, позволяет упорядочить взаимодействие разных функциональных систем организма в некоторый момент времени – по отношению к доминирующей функциональной системе остальные функциональные системы выстраиваются в определенную иерархию: «По отношению к каждой доминирующей функциональной системе все другие функциональные системы выстраиваются в определенном иерархическом поряд-

ке... Иерархия функциональных систем..., прежде всего, включает иерархическое взаимодействие результатов их действий, когда результат деятельности одной функциональной системы входит в качестве компонента в результат деятельности другой... Так, у голодного кролика доминирует функциональная система, деятельность которой направлена на поиск пищи. В это время другие функциональные системы, определяющие, например, кровяное давление, дыхание, выделение, направлены на лучшее обеспечение доминирующей пищедобывательной функциональной системы» [Судаков, 1984. С. 54].

Согласно ТФС П.К. Анохина, центральные механизмы функциональных систем, обеспечивающих целенаправленное поведение, имеют однотипную архитектуру. Рассмотрим более детально архитектуру целенаправленной деятельности и физиологические механизмы разрешения организмом парадокса цели.

Афферентный синтез. Начальную стадию поведенческого акта любой степени сложности составляет афферентный синтез, включающий в себя синтез *мотивационного возбуждения, памяти, обстановочной и пусковой афферентации*.

Мотивационное возбуждение. Как мы знаем, постановка цели определяется возникшей потребностью. Но в случае целенаправленного поведения она трансформируется в мотивационное возбуждение. «Ведущим возбуждением..., определяющим целенаправленную деятельность даже животных, является мотивационное возбуждение, формирующееся на основе ведущей внутренней потребности» [Судаков, 1984. С. 73]. При целенаправленной деятельности достижение результата и действие подкрепляющего стимула субъективно ощущается появлением положительной эмоции (ликвидацией отрицательной эмоции). Целенаправленному поведению надо обучаться, поэтому надо запомнить ту последовательность возбуждений, которая привела к достижению результата. Положительные эмоции (ликвидация отрицательных) имеют поэтому ещё и подкрепляющую (санкционирующую) роль, которая фиксирует в памяти всю последовательность действий, приведшей к достижению цели.

Память. Память – второй компонент афферентного синтеза. «Извлечение прошлого опыта из памяти происходит по той же нейрохимической трассе, по которой он был зафиксирован в момент приобретения опыта (подкрепления)» [Судаков, 1984. С. 91].

Обстановочная афферентация. При фиксации следа в памяти фиксируется и та обстановка, в которой удалось получить результат. Эта обстановка фиксируется как набор необходимых условий, наряду с мотивацией, которые требуются для достижения результата. Поэтому мотивационное возбуждение в данной обстановке «извлекает из памяти» только те способы достижения цели, которые возможны в данной обстановке. Таким образом, обстановочная афферентация

при взаимодействии с извлеченным из памяти опытом определяет, что и как можно делать в данной обстановке для достижения цели.

Пусковая афферентация. Четвертым компонентом афферентного синтеза является пусковая афферентация. По смыслу она также является обстановочной афферентацией, только связанной не со стимулами обстановки, а со временем и местом достижения результата. Поэтому пусковая афферентация отвечает на вопрос: когда и где можно достичь результат.

Таким образом, на стадии афферентного синтеза в значительной степени разрешается парадокс цели и определяется, что, как, где и когда следует сделать для достижения цели. Именно мотивационное возбуждение как цель с учетом имеющегося опыта и обстановки автоматически разрешает парадокс цели. «Вытягивая» из памяти весь накопленный опыт, мотивационное возбуждение как цель преобразуется в конкретную цель, определяющую способ своего достижения. Конкретная цель называется в ТФС «высшей мотивацией».

Принятие решений. На стадии афферентного синтеза мотивационным возбуждением может быть извлечено из памяти несколько способов достижения цели. Но на стадии принятия решения должен быть выбран только один способ – конкретный план действий. Принятие решений – очень тонкий процесс и должен учитывать (см., например: [Анохин, 1976], [Симонов, 1975], [Симонов, 1981]):

- вероятность достижения цели в данной ситуации;
- суммарные энергетические затраты того или иного способа достижения цели с учетом информационной определенности возможности достижения цели (переключающая функция эмоций);
- объем извлеченного из памяти опыта, включая доминантные (генетически определенные) формы поведения в случае, когда имеющегося опыта недостаточно для принятия решения (компенсаторная функция эмоций).

Акцептор результатов действия. Понятно, что цель может быть достигнута, только если будет достигнут каждый из промежуточных результатов соответствующего этой цели плана действий. При этом выбранный план действий не всегда способен гарантировать не только достижимость конечного результата, но даже и любого промежуточного результата. Как мы знаем, за определение всей последовательности и иерархии результатов, которые должны быть получены при выполнении плана действий по достижению цели, отвечает мотивационное возбуждение – именно оно «извлекает из памяти нужную последовательность. Эта последовательность и иерархия результатов и называется в ТФС акцептором результатов действия. Именно доминирующая мотивация "вытягивает" в аппарате акцептора результатов действия весь накопленный опыт до конечного, удовлетворяющего лежащую в ее основе потребность результата, создавая определенную модель или

программу поведения. С этих позиций модель акцептора результатов действия представляет собой доминирующую потребность организма, трансформированную в форме опережающего возбуждения мозга, как бы в своеобразный *комплексный "рецептор"* соответствующего подкрепления» [Судаков, 1984. С. 84].

Заметим, что мотивационное возбуждение, преобразуясь в конкретную цель, одновременно извлекает из памяти также и *конкретный результат* этой конкретной цели, которым является вся последовательность и иерархия результатов, которые должны быть получены в процессе достижения этой конкретной цели и выполнения плана действий, т.е. акцептор результатов действия. «Формирование "цели" в центральной архитектуре поведенческого акта связано с построением следующей стадии системной организации поведенческого акта аппарата предвидения будущего результата (всей последовательности и иерархии результатов), удовлетворяющего доминирующую потребность, – аппарата акцептора результатов действия» [Там же. С. 81].

Важно отметить, что преобразование мотивационного возбуждения в конкретную цель, а плана действий – в конкретный результат (акцептор результатов действия) значительно снижает уровень парадоксальности первоначальной цели, для которой не было определено, чем, как и когда достигать цель. В результате мы получаем уже не парадоксальную конкретную цель, в которой конечная цель (и результат) разбиты на подцели (и подрезультаты) так, что для каждой подцели уже известно, чем, как и когда её можно достичь. Но, тем не менее, парадоксальность определения цели полностью не снимается, так как даже если мы знаем по прошлому опыту, что цель (результат) достигается такой-то и такой-то последовательностью действий, то у нас нет (и в принципе не может быть) никакой гарантии того, что и в этот раз данная последовательность действий приведет к этому же результату. А потому приведет ли или не приведет некоторая последовательность действий к результату, всё равно должно быть проверено некоторым критерием, который в нашем случае есть акцептор результатов действия.

Эффекторные механизмы функциональных систем – выполнение плана действий. «Стадия формирования акцептора результатов действия динамически последовательно сменяется формированием самого целенаправленного действия. Однако ему предшествует стадия, когда действие уже сформировано как центральный процесс, но внешне еще не реализуется... По-видимому, наиболее удачно отражает семантический смысл этой стадии название "стадия эфферентного синтеза"» [Судаков, 1984. С. 88].

Так как реальная ситуация всегда чем-то отличается от тех ситуаций, которые были извлечены из памяти и учтены в процессе принятия решений, то неизбежно могут возникать «рассогласования» между ожидаемыми результатами и реаль-

но поступающей обратной афферентацией о результатах совершенных действий. «Оценка результата действия происходит с помощью активной *ориентировочно-исследовательской деятельности*. Ориентировочно-исследовательская реакция возникает и усиливается во всех случаях, когда результат совершенного действия неожиданно не соответствует свойствам сформированного на основе афферентного синтеза акцептора результатов действия, т.е. при возникновении "рассогласования" в поведенческой деятельности. Благодаря включению такой реакции немедленно перестраивается афферентный синтез, принимается новое решение, строится новая программа действия [Судаков, 1984. С. 90–91]... Целенаправленный поведенческий акт, таким образом, заканчивается последней санкционирующей стадией. На этой стадии при действии раздражителя, удовлетворяющего ведущую потребность, – подкрепления в общепринятом смысле – параметры достигнутого результата через раздражения соответствующих рецепторов... вызывают потоки обратной афферентации, которая по всем своим свойствам соответствует ранее запрограммированным свойствам подкрепляющего раздражителя в акцепторе результатов действия. При этом удовлетворяется ведущая потребность (срабатывает критерий достижения цели – *зам. авторов*) и поведенческий акт заканчивается» [Судаков, 1984. С. 89–91]. Важно отметить, что при подкреплении каждый раз фиксируется «след» всех возбуждений, приведших к достижению результата, и тем самым успешно реализованный план действий «заносятся» в память.

4. Моделирование рациональных агентов в соответствии с ТФС

Приведем формальную модель рационального агента, который, с одной стороны, достаточно точно отражает описание целенаправленной деятельности в соответствии с ТФС, а с другой стороны, представляет собой формальную модель одного из наиболее сложных видов рациональных агентов, указанных в книге С. Рассела и П. Норвига [Рассел, Норвиг, 2006] – *обучающегося рационального агента, основанного на цели*.

Следуя предварительно разработанным моделям агентов и экспериментам, проведенным одним из авторов этой статьи, определим специальный тип рационального агента следующим образом². Пусть рациональный агент имеет некоторый набор сенсоров $S_1, ..., S_n$, показания которых характеризуют состояние как самого агента, так и внешней среды. Пусть каждый сенсор S_i имеет некоторое множество возможных показаний VS_i . Агент также располагает множеством воз-

² См.: [Витяев, 2006; Демин, Витяев, 2008; Мухомтов, Хлебников, Витяев, 2012; Vityaev, 2013; Vityaev, Perlovsky, Kovalerchuk, Speransky, 2013; Demin, Vityaev, 2014].

можных действий в среде $A = \{a_1, \dots, a_m\}$. Любое действие агента, совершаемое в момент времени t_i , может приводить в следующий момент времени $t_i + 1$ к какому-то изменению среды, и, как следствие, к изменению показаний его сенсоров.

Поскольку агент «воспринимает» окружающий мир только через свои сенсоры, то с точки зрения агента состояние его самого и окружающей среды как системы в каждый конкретный момент времени может быть записано вектором показаний всех сенсоров $V(t) = (v_1, \dots, v_n)$, где $v_i \in VS_i$ – показание i -го сенсора в момент времени t , причем состояния с одинаковыми показаниями сенсоров для агента неразличимы. Множество всех возможных состояний системы обозначим через $S = (VS_1 \times VS_2 \times \dots \times VS_n)$.

Поскольку в общем случае сенсоры агента не могут учитывать всех физических законов среды и имеют собственные физические ограничения (например, по чувствительности, радиусу действия и т.п.), то при совершении агентом некоторого действия в состоянии $s \in S$ система с точки зрения агента может переходить в одно или несколько других возможных состояний. Тогда действие a_i агента можно определить как функционал, переводящий систему «агент – внешняя среда» из одного состояния в другое с некоторой вероятностью:

$$a_i : (S_i) \rightarrow (S_i \times S \times P),$$

где S_i – подмножество S состояний системы, в которых действие a_i имеет смысл (осуществимо), $S_i \times S \times P$ – множество троек (s_0, s, p) , где $s \in S$ – полученное в результате действия состояние, $p \in [0, 1]$ – вероятность его достижения из состояния $s_0 \in S_i$ при совершении действия a_i , вычисляемая в соответствии с объективными факторами осуществления действия во внешнем мире.

Определим понятие события и истории событий. Под *событием* $e = (s_0, s_e, a)$ будем понимать единичный факт перевода системы из состояния $s_0 \in S_0$ в состояние $s_e \in S$ в результате совершения действия a . Тогда *историей событий* H назовем множество пар (e, t) , где e – событие, t – момент времени, когда произошло данное событие.

Теперь от общей модели «агент-внешняя среда» перейдем к более конкретной дискретной модели. На множестве состояний системы $S = (VS_1 \cup VS_2 \cup \dots \cup VS_n)$ определим множество предикатов $PS = \{P_1, \dots, P_k\}$, каждый из которых вычисляется на основе показаний сенсоров. Это дает нам возможность каждое состояние системы записать в виде вектора значений истинности предикатов из PS , $s = (p_1, \dots, p_k)$, $p_i \in \{0, 1\}$, где 1 означает истинность соответствующего предиката, а 0 – его ложность. Будем считать, что задачей агента является достижение некоторой цели. Определим цель $Goal$ как состояние системы $s_{Goal} = (p_{i_1}^{goal}, \dots, p_{i_{goal}}^{goal})$,

$p_1^{goal} = 1, \dots, p_{i_{goal}}^{goal} = 1$, которое требуется достичь. Запись $(p_1^{goal}, \dots, p_{i_{goal}}^{goal})$ означает, что предикаты $P_1^{goal}, \dots, P_{i_{goal}}^{goal}$ при достижении цели становятся истинными.

Уточним теперь понятие события и истории. Под *событием* $e = (s_0, s_e, a)$, как и раньше, будем понимать единичный факт перевода системы из состояния $s_0 = (p_1^0, \dots, p_k^0)$ в состояние $s_e = (p_1^e, \dots, p_k^e)$ в результате совершения действия a , а под *историей событий* H – множество пар (e_t, t) , где $e_t = (s_t, s_{t+1}, a)$ – событие, t – момент времени, когда произошло данное событие.

Правила R , предсказывающие изменение состояния после осуществления действия a , определим как преобразование $R = (s_0 \xrightarrow[p]{a} s_e)$, где:

s_0 – начальное состояние системы $(p_1^0, \dots, p_{i_0}^0)$;

s_e – конечное состояние системы $(p_1^e, \dots, p_{i_e}^e)$;

a – действие, которое переводит начальное состояние в конечное;

p – вероятность правила R , с которой действие a переводит начальное состояние в конечное.

Вероятность правила R рассчитывается следующим образом: если n – число случаев, когда начальным состоянием было s_0 и выполнялось действие a , а m – число тех случаев из n , когда действие a переводило состояние s_0 в состояние s_e , тогда $p = m/n$. Заметим, что вероятности правил R (предсказывающие переход из состояния s_0 в состояние s_e после осуществлении действия a) и вероятности из множества P (предсказывающие переход из состояния s_0 в состояние s_e при осуществлении действия a и вычисляемые в соответствии с объективными факторами осуществления действия во внешнем мире) – различные величины. Можно сказать, что задачей обучения является максимальное приближение «субъективных» вероятностей правил R , оцениваемых агентом, к объективным вероятностям P , характеризующим взаимодействие агента с внешней средой. Обнаружение правил осуществляется нейронами в соответствии с семантическим вероятностным выводом (см., например: [Vityaev, 2013]).

Определим функциональную систему FSC , достигающую цель одним действием, как набор $FSC = (s_{Goal}, R_1, \dots, R_n, p_{FSC})$. Функциональная система FSC осуществляет преобразование $s_0 \xrightarrow[p_{FSC}]{R_1, \dots, R_n} s_{Goal}$, где $s_{Goal} = (p_1^{goal}, \dots, p_{i_{goal}}^{goal})$ – целевое состояние функциональной системы, $R_1, \dots, R_n$ – правила вида $s_0 \xrightarrow[p]{a} s_{Goal}$, с помощью которых из различных начальных состояний s_0 с помощью некоторого действия a можно попасть в целевое состояние s_{Goal} (рис. 1). Цель s_{Goal} функ-

циональной системы ставится соответствующим мотивационным возбуждением. Способ вычисления вероятности p_{FSC} приведен ниже.

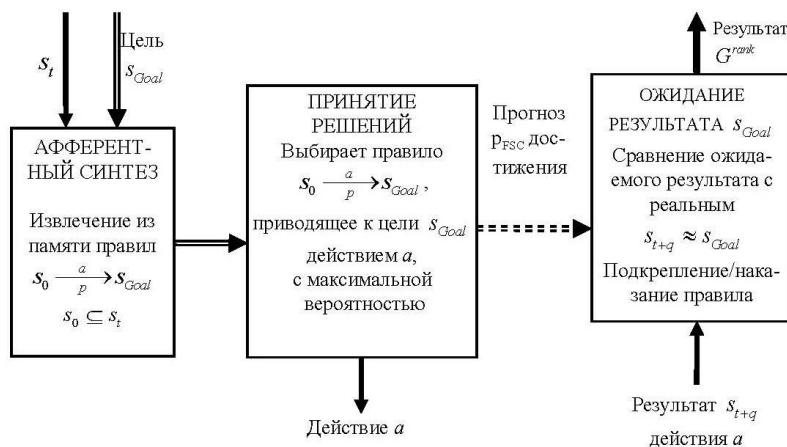

Рис. 1. Схема функциональной системы, реализующей сенсорные коррекции

В соответствии с принципом сенсорных коррекций, сформулированным Н. А. Бернштейном [1997], принципиально нельзя знать заранее точный результат предыдущего движения. Поэтому выбрать максимально вероятное правило $s_0 \xrightarrow{a/p} s_{Goal}$, приводящее к достижению цели, в текущем состоянии $s_t = (p_1^t, \dots, p_k^t)$ можно только после поступления афферентации о завершении предыдущего действия, приводящего к этому состоянию. Затем можно выбрать правило с начальным состоянием $s_0 = (p_{i_1}^0, \dots, p_{i_0}^0)$, соответствующим текущему состоянию $\{p_{i_1}^0, \dots, p_{i_0}^0\} \subset \{p_1^t, \dots, p_k^t\}$ (обозначим это как $s_0 \subseteq s_t$ на рис. 1).

Функциональные системы в общем случае являются последовательностями и иерархией функциональных систем FSC . Когда функциональной системой верхнего уровня, удовлетворяющей некоторую потребность, принимается решение и перебираются различные последовательности/иерархии действий по достижению цели подчиненными функциональными системами FSC , то мы принципиально не можем знать тех состояний s_t , которые возникнут в результате реального осуществления этой последовательности/иерархии действий. Мы также не можем знать, какие будут выбраны правила и действия для достижения каждой конкретной цели каждой функциональной системой FSC в этой последовательности / иерархии. Тем не менее, для принятия решения необходим прогноз вероятности достижения цели каждой функциональной системой FSC . Оценку ве-

роятности тогда надо подсчитывать уже не на основании выбранных правил и действий, а на основании статистики достижения целей. Если n – число случаев, когда в некоторую функциональную систему FSC поступил запрос на достижение цели s_{Goal} , а m – число случаев, когда выбранные правила и действия привели к достижению цели s_{Goal} , то $p_{FSC} = m/n$. Поэтому на рис. 1 прогноз достижения цели осуществляется с вероятностью p_{FSC} достижения цели функциональной системой.

Когда в момент времени t пришел запрос на достижение цели s_{Goal} функциональной системой FSC в текущем состоянии $s_t = (p_1^t, \dots, p_k^t)$, то она

1) выбирает правило $s_0 \xrightarrow{\frac{a}{p}} s_{Goal}$ из набора $R_1, \dots, R_n$, которое:

- а) применимо в текущей ситуации $s_0 \subseteq s_t$;
- б) может достичь цели s_{Goal} с максимальной вероятностью p ;

2) если для текущего состояния s_t нет подходящего правила, то функциональной системой в ответ на запрос возвращается, что цель не достижима и принятый план достижения цели пересматривается;

3) ожидает в акцепторе результатов действия достижения цели s_{Goal} после осуществления действия a ;

4) сравнивает с акцептором результатов действия достигнутое состояние $s_{t+q} = (p_1^{t+q}, \dots, p_k^{t+q})$ в момент $t+q$ в результате осуществления действия a с целью $s_{Goal} \approx s_{t+q}$. Если $s_{Goal} \subset s_{t+q}$, то цель достигнута, и правило $s_0 \xrightarrow{\frac{a}{p}} s_{Goal}$ подкрепляется (его статистика увеличивается). Если целевое состояние s_{Goal} не достигнуто, то выбранное правило наказывается (его статистика уменьшается).

В общем случае функциональные системы, обозначаемые как FS , объединяют последовательности / иерархии функциональных систем вида FSC . Далее функциональную систему FS мы будем мыслить как набор

$$FS = (s_{Goal}, FSC_1, \dots, FSC_n, p_{FS}),$$

реализующий преобразование

$$FS = s_0 \xrightarrow[\rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow \dots \rightarrow s_{goal}]{FSC_1, \dots, FSC_n \quad p_{FS} = p_{FSC_1} \cdot \dots \cdot p_{FSC_n}} s_{goal},$$

где

$$FSC_1 = (s_0 \xrightarrow[\frac{p_{FSC_1}}{R_1^1, \dots, R_{n_1}^1}]{} s_1), \quad FSC_2 = (s_0 \xrightarrow[\frac{p_{FSC_2}}{R_1^2, \dots, R_{n_2}^2}]{} s_2), \dots, \quad FSC_n = (s_0 \xrightarrow[\frac{p_{FSC_n}}{R_1^n, \dots, R_{n_n}^n}]{} s_{goal}).$$

Цель функциональной системы FS состоит в последовательном достижении целей $s_0 \rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow \dots \rightarrow s_{goal}$ функциональными системами $FSC_1, \dots, FSC_n$ с суммарной вероятностью $p_{FS} = p_{FSC_1} \cdot \dots \cdot p_{FSC_n}$. Такие функциональные системы могут образовываться автоматически, что будет описано ниже.

Функциональные системы FS могут объединять не только последовательности / иерархии функциональных систем FSC , но и функциональных систем FS . Тогда функциональная система $FS = (s_{Goal}, FS_1^1, \dots, FS_n^1, p_{FS})$ есть последовательность функциональных систем, реализующих преобразование

$$FS = s_0 \xrightarrow[\rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow \dots \rightarrow s_{goal} \quad p_{FS} = p_{FS_1^1} \cdot \dots \cdot p_{FS_n^1}]{FS_1^1, \dots, FS_n^1} s_{goal},$$

где FS_i^1 – либо FS , либо FSC . Например, если $FS_i^1, FS_j^1 \in \{FS_1^1, \dots, FS_n^1\}, i < j$ реализуют преобразования

$$FS_i^1 = \frac{FS(i)_1^2, \dots, FS(i)_{n_i}^2}{\rightarrow s_1^i \rightarrow s_2^i \rightarrow \dots \rightarrow s_i \quad p_{FS_i^1}} \rightarrow s_i, \quad FS_j^1 = \frac{FS(j)_1^2, \dots, FS(j)_{n_j}^2}{\rightarrow s_1^j \rightarrow s_2^j \rightarrow \dots \rightarrow s_j \quad p_{FS_j^1}} \rightarrow s_j,$$

то функциональные системы $FS(i)_1^2, \dots, FS(i)_{n_i}^2, FS(j)_1^2, \dots, FS(j)_{n_j}^2$ находятся уже на уровне 2 и реализуют преобразование:

$$FS = s_0 \xrightarrow[\rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow \dots \rightarrow [\rightarrow s_1^i \rightarrow s_2^i \rightarrow \dots \rightarrow s_i] \dots \rightarrow [\rightarrow s_1^j \rightarrow s_2^j \rightarrow \dots \rightarrow s_j] \dots \rightarrow s_{goal} \quad p_{FS}]{FS_1^1, \dots, FS_i^1 [FS(i)_1^2, \dots, FS(i)_{n_i}^2], \dots, FS_j^1 [FS(j)_1^2, \dots, FS(j)_{n_j}^2], \dots, FS_n^1} s_{goal}.$$

Каждая функциональная система представляет собой тот или иной способ достижения цели s_{Goal} . В соответствии с теорией организации движений Н. А. Бернштейна (см.: [Бернштейн, 1997]), ведущим уровнем организации движений является верхний уровень $FS = (s_{Goal}, FS_1^1, \dots, FS_n^1, p_{FS})$ ранга 1, соответствующий смыслу решаемой задачи. Функциональная система верхнего уровня может вызывать функциональные системы более низких уровней. Когда приходит запрос на достижение цели s_{Goal} функциональной системой FS , то она:

1) выбирает правила, применимые в текущей ситуации, для первой из функциональных систем FSC , входящих в данную функциональную систему. Если для текущего начального состояния s_0 первой FSC нет подходящего правила, то функциональная система FS не применима к данной ситуации и принятый план достижения цели пересматривается;

2) формирует «конкретную цель» (высшую мотивацию) в виде последовательности и иерархии целей всех, входящих в нее, функциональных подсистем. Например, для приведенной выше функциональной системы это будет последовательность

$$s_0 \rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow \dots \rightarrow [\rightarrow s_1^i \rightarrow s_2^i \rightarrow \dots \rightarrow s_i] \dots \rightarrow [\rightarrow s_1^j \rightarrow s_2^j \rightarrow \dots \rightarrow s_j] \dots \rightarrow s_{goal};$$

3) прогнозирует достижение цели s_{Goal} с вероятностью p_{FS} ;

4) ожидает (акцептором результатов действия) достижение всей последовательности и иерархии целей всех входящих в нее FSC после выполнения соответствующих действий;

5) запускает последовательное выполнение действий в функциональных подсистемах FSC ;

6) если в какой-либо функциональной подсистеме цель не достигнута, то акцептором результатов действий этой функциональной системы фиксируется, что цель не достигнута и возникает ориентировочно-исследовательская реакция, которая выбирает другую функциональную систему FS для достижения цели s_{Goal} . Правила этой функциональной подсистемы наказываются;

7) достижение результата каждой функциональной подсистемой фиксируется акцептором результатов действия, и вся последовательность действий подкрепляется.

Опишем все элементы архитектуры функциональных систем, используя введенные определения.

Афферентный синтез включает в себя синтез мотивационного возбуждения, памяти, обстановочной и пусковой афферентации, а также обратную афферентацию об осуществленных действиях. Вся эта афферентация может быть задана набором сенсоров $S_1, ..., S_n$, включая сенсоры *мотивационного возбуждения, обстановочной и пусковой афферентаций*. Мотивационным возбуждением также задается цель $Goal = (p_i^{goal}, ..., p_{i_{goal}}^{goal})$.

Память. Каждая цель может достигаться различными последовательностями действий, реализуемыми различными функциональными системами. Поэтому мотивация извлекает из памяти все функциональные системы

$$FS = (s_{Goal}, FS_1^1, ..., FS_n^1, p_{FS}),$$

приводящие к достижению этой цели.

Обстановочная и пусковая афферентации задают текущее состояние системы $s_t = (p_1, ..., p_k)$ в каждый момент времени t . Начальные состояния $s_0 = (p_i^0, ..., p_{i_0}^0)$ применяемых в этот момент правил $s_0 \xrightarrow[p]{a} s_e$ должны соответствовать текущему состоянию системы $s_0 \subseteq s_t$.

«Вытягивая» из памяти весь накопленный опыт, мотивационное возбуждение как цель преобразуется в конкретную цель «высшую мотивацию», определяющую способ своего достижения. Для каждой функциональной системы

$$FS = (s_{Goal}, FS_1^1, ..., FS_n^1, p_{FS})$$

конкретной целью является вся последовательность и иерархия целей всех входящих в нее функциональных подсистем, например

$$s_0 \rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow ... \rightarrow [\rightarrow s_1^i \rightarrow s_2^i \rightarrow ... \rightarrow s_i] ... \rightarrow [\rightarrow s_1^j \rightarrow s_2^j \rightarrow ... \rightarrow s_j] ... \rightarrow s_{goal} .$$

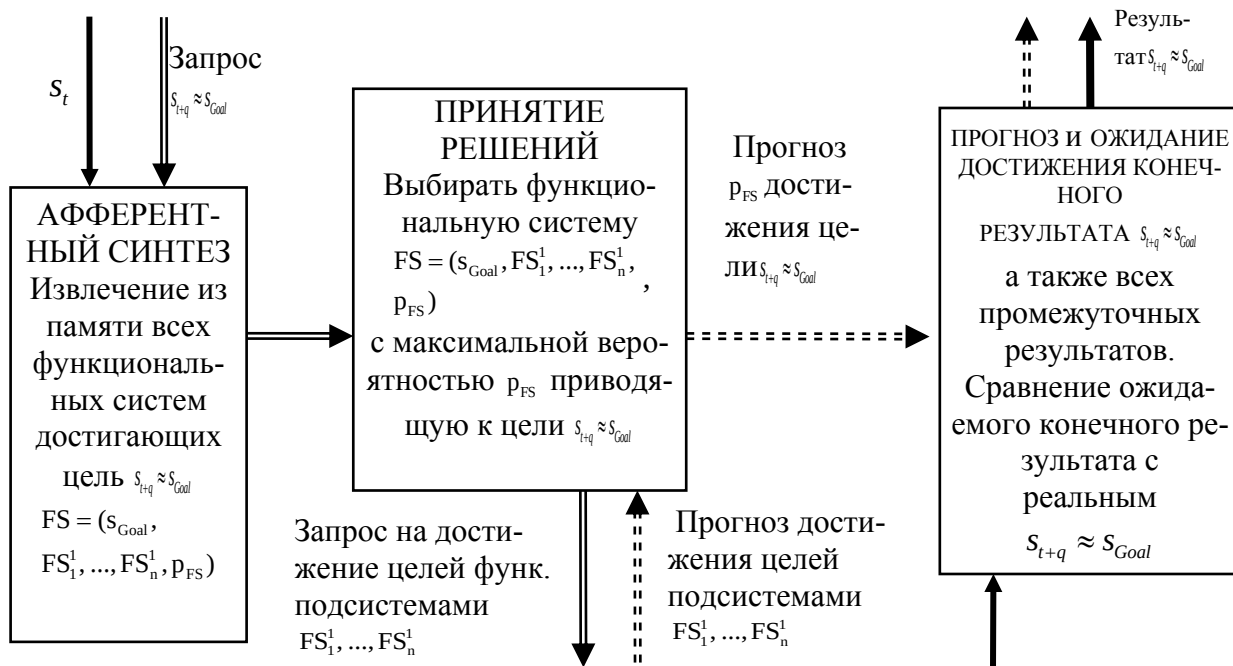

Рис. 2. Схема функциональной системы

Принятие решения. На стадии афферентного синтеза мотивационным возбуждением может быть извлечено из памяти множество функциональных систем $FS = (s_{Goal}, FS_1^1, ..., FS_n^1, p_{FS})$, достигающих цель s_{Goal} . На стадии принятия решения выбирается одна из них и фиксируется конкретный план действий. Процесс принятия решений осуществляется переключающей функции эмоций (см. рис. 2).

Акцептор результатов действия. Мотивационное возбуждение, преобразуясь в конкретную цель, извлекает из памяти также и конкретный критерий достижения цели – акцептор результатов действия, который состоит из всей совокупности критериев по достижению всей последовательности и иерархии целей

$$s_0 \rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow ... \rightarrow [\rightarrow s_1^i \rightarrow s_2^i \rightarrow ... \rightarrow s_i^i] ... \rightarrow [\rightarrow s_1^j \rightarrow s_2^j \rightarrow ... \rightarrow s_j^j] ... \rightarrow s_{goal}.$$

Автоматическое формирование новых функциональных систем. Новые функциональные системы FS могут автоматически формироваться путем объединения последовательностей функциональных систем реализующих некоторую устоявшуюся последовательность действий. Последовательность функциональных систем

$$FS_1 = \frac{FS_1^1, ..., FS_{n_1}^1}{\rightarrow s_1^1 \rightarrow s_2^1 \rightarrow ... \rightarrow s_1 \quad p_{FS_1}} \rightarrow s_1, \quad FS_2 = \frac{FS_1^2, ..., FS_{n_2}^2}{\rightarrow s_1^2 \rightarrow s_2^2 \rightarrow ... \rightarrow s_2 \quad p_{FS_2}} \rightarrow s_2, ..., \\ FS_n = \frac{FS_1^n, ..., FS_{n_n}^n}{\rightarrow s_1^n \rightarrow s_2^n \rightarrow ... \rightarrow s_n \quad p_{FS_n}} \rightarrow s_n$$

автоматически объединяются в функциональную систему

$$FS = \frac{FS_1, ..., FS_n}{\rightarrow s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow ... \rightarrow s_n \quad p_{FS} = p_{FS_1} * ... * p_{FS_n}} \rightarrow s_n,$$

если последовательность действий не прерывается и не переключается в середине выполнения на другую последовательность действий, так как в этом случае вероятность достижения цели p_{FS} функциональной системой не будет равна произведению $p_{FSC_1} \cdot ... \cdot p_{FSC_n}$ вероятностей входящих в нее функциональных подсистем.

Автоматическое объединение функциональных систем происходит по той же причине, что и формирование правил – замыкаются условные связи между началом выполнения первой функциональной системы FS_1 и результатом всей последовательности действий. Это становится возможным при условии, что FS_1 последовательно получает все результаты $s_1 \rightarrow s_2 \rightarrow ... \rightarrow s_n$, не переключаясь на другую последовательность действий.

5. Заключение

Выше мы показали, как используя задачный подход применительно к когнитивной Теории Функциональных Систем можно построить формальную модель обучающегося рационального агента, основанного на цели. Такая модель агента

была построена и проверена в ряде компьютерных экспериментов (см. сноску 2 выше), в которых она продемонстрировала достаточно естественное поведение. Однако, чтобы охватить весь перечень задач, представленный в книге С. Рассела и П. Норвига [Рассел, Норвиг, 2006], желательно дополнительно построить еще и формальную модель рационального агента, основанного на *полезности*. И здесь вновь можно воспользоваться результатами исследований в области когнитивных наук. Так, например, используя теорию эмоций П. В. Симонова, мы уже показали (см: [Витяев, 2006]), что понятие полезности может быть достаточно адекватно и точно определено на основе понятия эмоции. Это дает нам возможность рассматривать формальный процесс принятия решений с использованием критерия полезности как некоторый аналог *естественного* эмоционального процесса. Отсюда, в свою очередь, появляется возможность при моделировании рациональных агентов на основе полезности использовать системы принятия решений, основанных на *эмоциях*. Такой проект также был успешно реализован и результаты экспериментов представлены в [Demin, Vityaev, 2014].

Все вышесказанное убедительно демонстрирует исключительно высокий научный и прикладной потенциал задачного подхода к когнитивным наукам и искусственному интеллекту в целом.

Список литературы / References

- Анохин П. К.** Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976. С. 7–16.
- Anokhin P. K.** Problemy prinyatiya resheniya v psihologii b fiziologii. In: Problemy prinyatiya resheniya. Moscow, Nauka, 1976, p. 7–16 (in Russ.)
- Бернштейн Н. А.** Биомеханика и физиология движений. М.: МПСИ, 1997.
- Bronshtein N. A.** Biomehanika i fiziologiya dvizhenii. Moscow, MPSI, 1997. (in Russ.)
- Витяев Е. Е.** Принятие решений. Переключающая и подкрепляющая функции эмоций // Нейроинформатика-2006: Сб. науч. тр. VIII Всерос. науч.-техн. конф. (Москва, МИФИ, 24–27 января 2006). М.: Изд-во МИФИ, 2006. С. 24–30.
- Vityaev E. E.** Prinyatie reshenii. Perekluchaushchaya i podkreplyaushchaya funktsii emotsii. In: Neyroinformatika-2006 (Proc. of the VIII Conference “Neyroinformatika”, Moscow, January 24–27, 2006). Moscow, MIFI Publishing, 2006, p. 24–30. (in Russ.)
- Витяев Е. Е.** Логика работы мозга // Подходы к моделированию мышления / Под ред. В. Г. Редько. М.: УРСС, 2014. С. 120–153.

- Vityaev E. E.** Logica raboty mozga. In: Redko V. G. (ed.). *Podhody k Modelirovaniyu Myshleniya*. Moscow, URSS, 2014, p. 120–153. (in Russ.)
- Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И.** О задачном подходе к искусственному интеллекту // *Сибирский философский журнал*. 2019. Т. 17, № 4. С. 5–25.
- Vityaev E. E., Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** On the task approach to artificial intelligence. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 5–25. (in Russ.)
- Демин А. В., Витяев Е. Е.** Логическая модель адаптивной системы управления // *Нейроинформатика*. 2008. Т. 3, № 1. С. 79–107.
- Demin A. V., Vityaev E. E.** Logicheskaya model adaptivnoi sistemy upravleniya. *Neyroinformatika*, 2008, vol. 3, no. 1, p. 79–107. (in Russ.)
- Ершов Ю. Л., Самохвалов К. Ф.** О новом подходе к философии математики // *Вычислительные системы*. 1984. Вып. 101. С. 141–148.
- Ershov Yu. L., Samokhvalov K. F.** O novom podkhode k filosofii matematiki. *Vycheslitelnye Sistemy*, 1984, vol. 101, p. 141–148. (in Russ.)
- Мухортов В. В., Хлебников С. В., Витяев Е. Е.** Улучшенный алгоритм семантического вероятностного вывода в задаче 2-мерного анимата // *Нейроинформатика*. 2012. Т. 6, № 1. С. 50–62.
- Muhortov V. V., Khlebnikov S. V., Vityaev E. E.** Uluchshennyi algoritm semanticheskogo veroyatnostnogo vyvoda v zadache 2-mernogo animata. *Neyroinformatika*, 2012, vol. 6, no. 1, p. 50–62. (in Russ.)
- Рассел С., Норвиг П.** Искусственный интеллект: современный подход. М.: Вильямс, 2006.
- Russell S., Norvig P.** Artificial Intelligence: A Modern Approach. Transl. into Russian. Moscow, Williams Publishing House, 2006. (in Russ.)
- Симонов П. В.** Высшая нервная деятельность человека. М.: Наука, 1975.
- Simonov P. V.** Vysshaya nervnaya deyatelnost cheloveka. Moscow, Nauka, 1975. (in Russ.)
- Симонов П. В.** Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
- Simonov P. V.** Emotsionalnii mozg. Moscow, Nauka, 1981. (in Russ.)
- Судаков К. В.** Общая Теория Функциональных Систем М.: Медицина, 1984.
- Sudakov K. V.** Obshchaya funktsionalnaya sistema. Moscow, Meditsina, 1984. (in Russ.)
- Anokhin P. K.** Functional system. In: Wolman B. (ed.). *Dictionary of Behavioral Science*. New York, Van Nostrand Reinhold, 1973, p. 151–154.
- Anokhin P. K.** Biology and Neurophysiology of the Conditioned Reflex and Its Role in Adaptive Behaviour. Oxford, Pergamon Press, 1974.

- Cassimatis N.** A Cognitive Substrate for Achieving Human-Level Intelligence. *AI Magazine*, 2006, vol. 27, no 2, p. 45–56.
- Demin A. V., Vityaev E. E.** Learning in a Virtual Model of the C. Elegans Nematode for Locomotion and Chemotaxis. *Biologically Inspired Cognitive Architectures*, 2014, vol. 7, p. 9–14.
- Goertzel B.** Toward a Formal Characterization of Real-World General Intelligence. In: Baum E., Hutter M., Kitzelmann E. (eds.). *Advances in Intelligent Systems Research*. (Proc. of the 3rd Conf. on Artificial General Intelligence, AGI 2010, Lugano, Switzerland, March 5–8, 2010). Springer, 2010, p. 19–24.
- Langley P.** Cognitive Architectures and General Intelligent Systems. *AI Magazine*, 2006, vol. 27, no. 2, p. 33–44.
- Rosenbloom P., Gratch J., Ustun V.** Towards Emotion in Sigma: From Appraisal to Attention. In: Bieger J., Goertzel B., Potapov A. (eds.). *Artificial General Intelligence* (Proc. of the 8th International Conference, AGI 2015, Berlin, Germany, July 22–25, 2015). Springer, 2015, p. 142–151.
- Vityaev E. E.** A Formal Model of Neuron that Provides Consistent Predictions. In: Chella A., Pirrone R., Sorbello R., Johannsdottir K. R. (eds.). *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2012. Proceedings of the Third Annual Meeting of the BICA Society*. Springer, 2013, p. 339–344.
- Vityaev E. E.** Purposefulness as a Principle of Brain Activity. In: Nadin M. (ed.). *Anticipation: Learning from the Past*. Springer, 2015, p. 231–254.
- Vityaev E. E., Perlovsky L. I., Kovalerchuk B. Y., Speransky S. O.** Probabilistic Dynamic Logic of Cognition. *Biologically Inspired Cognitive Architectures*, 2013, vol. 6, p. 159–168.
- Wang P., Talanov M., Hammer P.** The Emotional Mechanisms in NARS. In: Steunebrink B., Wang P., Goertzel B. (eds.). *Artificial General Intelligence* (Proc. of the 9th International Conference, AGI 2016, New York, NY, USA, July 16–19, 2016). Springer, 2016, p. 150–159.

Материал поступил в редколлегию

Received

27.01.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors**Витяев Евгений Евгеньевич**

доктор физико-математических наук

¹ ведущий научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (Новосибирск, Россия)

² профессор кафедры дискретной математики и информатики Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Evgeny E. Vityaev

Doctor of Sciences (Physics and Mathematics)

¹ Leading researcher, Sobolev Institute of Mathematics SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

² Professor, Department of Discrete Mathematics and Computer Science, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

vityaev@math.nsc.ru

Гончаров Сергей Савостьянович

доктор физико-математических наук, академик РАН

¹ директор Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (Новосибирск, Россия)

² заведующий кафедрой дискретной математики и информатики Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Sergey S. Goncharov

Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Academician of the Russian Academy of Sciences

¹ Director of the Sobolev Institute of Mathematics SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

² Head of the Department of Discrete Mathematics and Computer Science, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

gonchar@math.nsc.ru

Свириденко Дмитрий Иванович

доктор физико-математических наук

¹ советник директора Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (Новосибирск, Россия)

² профессор кафедры общей информатики Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Dmitry I. Sviridenko

Doctor of Sciences (Physics and Mathematics)

¹ Advisor to the Director of the Sobolev Institute of mathematics SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

² Professor, Department of General informatics, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

dsviridenko47@gmail.com

УДК 004.8, 141

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-30-47

Критика «Китайской комнаты» Дж. Сёрла с позиции гибридной модели построения искусственных когнитивных агентов

Р. В. Душкин

*Агентство искусственного интеллекта, ООО «Дикрипто»
Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрен феномен понимания смысла естественного языка и, более широко, – смысла ситуации, в которой находится когнитивный агент с учётом контекста. Дано специфическое определение понимания, находящееся на пересечении нейрофизиологии, теории информации и кибернетики. Приведена схема абстрактной архитектуры когнитивного агента произвольной природы, относительно которой утверждается, что агент с такой архитектурой может понимать в описанном в работе смысле. Также приводится критика мысленного эксперимента Дж. Сёрла «китайская комната» с позиции построения искусственных когнитивных агентов, реализованных в рамках гибридной парадигмы искусственного интеллекта. Новизна представленной работы основана на применении авторского методологического подхода к построению искусственных когнитивных агентов. В рамках этого подхода рассматривается не просто восприятие внешних стимулов из среды, а философская проблема «понимания» искусственным когнитивным агентом своих сенсорных входов. Актуальность работы вытекает из возобновившегося интереса научного сообщества к теме «сильного искусственного интеллекта». Авторский вклад в рассматриваемую тему заключается в комплексном рассмотрении с различных точек зрения темы понимания воспринимаемого искусственными когнитивными агентами с формированием предпосылок для разработки новых моделей и теории понимания в рамках искусственного интеллекта, что в перспективе сможет помочь построить целостную теорию природы человеческого разума. Статья будет интересна специалистам, работающим в области построения искусственных интеллектуальных систем и когнитивных агентов, равно как и учёным из других научных областей – в первую очередь, философии, нейрофизиологии и психологии.

Ключевые слова

философия сознания, философия искусственного интеллекта, «китайская комната», семантика, восприятие, понимание, обучение, машинное обучение, сильный искусственный интеллект

Благодарности

Автор благодарен Ю. Кочубееву за ценные идеи, полученные при обсуждении статьи

© Р. В. Душкин, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2

Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

Для цитирования

Душкин Р. В. Критика «Китайской комнаты» Дж. Сёрла с позиции гибридной модели построения искусственных когнитивных агентов // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 30–47. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-30-47

On J. Searle's "Chinese Room" from the Hybrid Model of the Artificial Cognitive Agents Design

R. V. Dushkin

*Artificial Intelligence Agency, Deecrypto LLC
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article presents a review of the phenomenon of understanding the meaning of the natural language and, more broadly, the meaning of the situation in which the cognitive agent is located, considering the context. A specific definition of understanding is given, which is at the intersection of neurophysiology, information theory and cybernetics. The scheme of an abstract architecture of the cognitive agent (of arbitrary nature) is offered, which states that an agent with such architecture can understand in the sense described in the paper. It also provides a critique of J. Searle's mental experiment "The Chinese Room" from the point of view of the construction of artificial cognitive agents within a hybrid paradigm of artificial intelligence. The novelty of the presented work is based on the application of the author's methodological approach to the construction of artificial cognitive agents. It not only considers the perception of external stimuli from the environment, but also the philosophical problem of "understanding" by the artificial cognitive agent of its sensory inputs. The relevance of the work follows from the renewed interest of the scientific community in the theme of Strong Artificial Intelligence (or AGI). The author's contribution consists in comprehensive treatment from different points of view of the theme of understanding perceived by artificial cognitive agents. It involves the formation of prerequisites for the development of new models and the theory of understanding within the framework of artificial intelligence, which in the future will help to build a holistic theory of the nature of human mind. The article will be interesting for specialists working in the field of artificial intellectual systems and cognitive agents construction, as well as for scientists from other scientific fields – first of all, philosophy, neurophysiology and psychology.

Keywords

philosophy of mind, philosophy of artificial intelligence, Chinese room, semantics, perception, understanding, learning, machine learning, strong artificial intelligence

Acknowledgements

We are thankful to Yu. Kochyubeev for valuable ideas during the discussion of the article.

For citation

Dushkin R. V. On J. Searle's "Chinese Room" from the Hybrid Model of the Artificial Cognitive Agents Design. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 30–47. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-30-47

«Китайская комната» – мысленный эксперимент, находящийся на стыке философии сознания и философии искусственного интеллекта, который был предложен в 1980 г. Джоном Сёрлом [Searle, 1980]. Возможно, что это самый обсуждаемый мысленный эксперимент из всех, что были предложены в этой области. Тем не менее, до сих пор вопрос, который поставил Дж. Сёрл относительно китайской комнаты, так и не решён – «понимает ли китайская комната китайский язык?» [Searle, 2001]. Интерес представляет то, что Дж. Сёрл в своей статье постарался сразу же дать ответы на широкий набор аргументов своих будущих оппонентов, тем не менее в последующие годы на тему «китайской комнаты» вышло поразительно большое число публикаций.

Вместе с тем, прошедшие 40 лет с момента первоначальной публикации ознаменовались мощнейшим рывком как в области теоретического осмысления теории искусственного интеллекта (ИИ), так и, в особенности, в области развития и применения прикладных ИИ-технологий [Душкин, 2019]. Достижения имеются в том числе и в понимании методов построения искусственных когнитивных агентов общего уровня (AGI – *artificial general intelligence*, англ. искусственный интеллект общего назначения, что в терминологии Дж. Сёрла называется «Сильным ИИ»). Например, автором в работе [Душкин, Андронов, 2019] предложена модель гибридной архитектуры искусственного когнитивного агента, которая может стать прототипом AGI (и эта архитектура будет кратко рассмотрена в следующем разделе). Поэтому имеется резон рассмотреть «китайскую комнату» с этих позиций.

На взгляд автора методологически проблема с «китайской комнатой» Дж. Сёрла заключается в том, что в этом мысленном эксперименте была попытка обосновать невозможность построения сильного ИИ, в то время как в пример приводилась схема слабого ИИ-агента, основанного на вычислительном подходе в рамках архитектуры фон Неймана. Это выглядит примерно так же, как если бы в отношении человека разумного был бы задан вопрос «понимает ли какой-либо конкретный нейрон (да и хотя бы комплекс нейронов) в его неокортексе то, что этот человек в заданный момент времени читает?».

С одной стороны это отсылка к так называемому «картезианскому театру» [Dennett, 1991] – по современным воззрениям, в нервной системе человека нет «центра сознания», поэтому понимает смысл человек (его центральная нервная система) в целом, а не какой-то отдельный комплекс нейронов. С другой стороны, в описании мысленного эксперимента не было дано чёткого определения понятию «понимание», в связи с чем дискуссия о понимании «китайской комнатой» смысла воспринимаемых высказываний спустилась на уровень интуитивного подхода к искусственному интеллекту [Turing, 1950], который сегодня не рассматривается в серьёзных научных и инженерных кругах. Поэтому в настоящей работе будет

дана попытка дать операционное определение феномену понимания смысла когнитивным агентом произвольной природы.

Наконец, важным вопросом в области философии искусственного интеллекта, который напрямую следует из выводов рассматриваемого мысленного эксперимента, является следующий – смогут ли когда-нибудь искусственные когнитивные агенты (ИИ-системы) понимать смысл того, что происходит вокруг них и получаемые на их сенсорные входы сигналы. Ответ на этот вопрос зависит от понимания природы «понимания смысла», и в настоящей работе даётся обоснование тезисов о том, что искусственные когнитивные агенты имеют принципиальную возможность понимать смысл с учётом «жизненного опыта» и контекста.

Новизна представленной работы основана на применении авторского методологического подхода к построению искусственных когнитивных агентов [Душкин, Андронов, 2019], притом что в рамках этого подхода рассматривается не просто восприятие внешних стимулов из среды, а философская проблема «понимания» искусственным когнитивным агентом своих сенсорных входов. Такое понимание основано на построении описания динамической модели воспринимаемой окружающей реальности с учётом как непрерывности актов восприятия, так и применения к процессу восприятия «личного опыта» агента и контекста, в котором он находится.

Актуальность работы вытекает из возобновившегося интереса научного сообщества к теме сильного искусственного интеллекта. Авторский вклад в рассматриваемую тему заключается в комплексном рассмотрении с различных точек зрения понимания воспринимаемого искусственными когнитивными агентами с формированием предпосылок для разработки новых моделей и теории понимания в рамках искусственного интеллекта, что в перспективе сможет помочь построить целостную теорию природы человеческого разума.

Статья будет интересна специалистам, работающим в области построения искусственных интеллектуальных систем и когнитивных агентов, равно как и учёным из других научных областей – в первую очередь, философии, нейрофизиологии, психологии и т. д. Автор приглашает всех заинтересованных к междисциплинарному диалогу для выработки моделей, методов и подходов к изучению и построению как отдельных модулей и функций AGI, так и сильного ИИ в целом.

1. Кратко о гибридной архитектуре ИИ-агентов

В работе [Душкин, Андронов, 2019] дано определение и описание гибридной архитектуры искусственного когнитивного агента. Тем не менее, имеет смысл

привести эту архитектуру здесь и кратко отразить основные её свойства, а также привести мотивацию, лежащую в основе её разработки.

Авторская классификация методов искусственного интеллекта (как междисциплинарной области исследований) основана на выделении двух парадигм – нисходящей и восходящей, как это было определено Дж. Маккарти и М. Минским в лаборатории информатики и искусственного интеллекта МТИ [Душкин, 2019]. Нисходящая парадигма искусственного интеллекта объединяет логический и символичный подход к построению ИИ-агентов, которые основаны на использовании формальной логики и символической математики. Восходящая парадигма включает в себя структурный (искусственные нейронные сети), эволюционный (генетические алгоритмы) и квазибиологический подходы (использование химических реакций для осуществления вычислений).

Интерес вызывает то, что две представленные парадигмы обладают важными свойствами. При помощи методов нисходящей парадигмы можно спроектировать и реализовать ИИ-агентов, которых сложно обучать (все знания в них описаны эксплицитно в процессе реализации), но при этом они более или менее легко могут объяснить принятые в процессе своего функционирования решения. С другой стороны, ИИ-агенты, основанные на восходящей парадигме, могут быть легко обучены – именно поэтому большая часть методов восходящей парадигмы объединяются термином «машинное обучение». Однако объяснение и интерпретация принятых решений такими ИИ-агентами крайне затруднены [Шумский, 2020].

На помощь приходит так называемая «гибридная парадигма», в рамках которой объединяются два вышеупомянутых подхода к построению искусственных когнитивных агентов, от которых берётся лучшее, при этом негативные аспекты нивелируются. Другими словами, ИИ-агенты, построенные по гибридной парадигме, могут решать сложные когнитивные задачи восходящими методами, но при этом имеется возможность использования существенных выгод нисходящих методов – моделирования, прогнозирования и объяснения принятых решений.

На следующей диаграмме показана обобщённая гибридная архитектура искусственного когнитивного агента (упрощение и переработка технической схемы из [Душкин, Андронов, 2019]).

Фактически на представленной диаграмме показана стандартная схема агента, действующего в какой-либо окружающей среде, расширенная специальными нюансами, которые пояснены ниже. Особенности гибридного подхода к проектированию и реализации искусственных когнитивных агентов заключается в одновременном использовании методов восходящей и нисходящей парадигмы искусственного интеллекта. В рассматриваемом случае это означает, что когнитивный агент применяет как нейросетевые методы анализа входной информации, так

и символичные методы принятия решений. Кроме того, во внимание принят организмический подход, когда проект искусственного когнитивного агента частично основывается на известных принципах функционирования естественных когнитивных агентов.

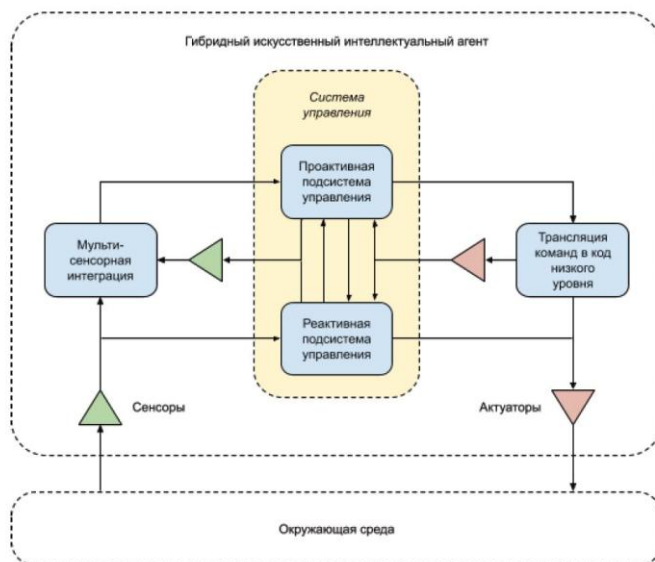

Рис. 1. Обобщённая гибридная архитектура искусственного когнитивного агента

1. В частности, вся информация из окружающей среды воспринимается агентом через сенсоры (в этом нет никаких особенностей – все агенты устроены именно так, и иное вряд ли можно себе представить). Затем сенсорная информация очищается и подаётся на вход блока сенсорной интеграции. Сюда же подаётся информация с сенсоров мониторинга внутреннего состояния когнитивного агента для обеспечения гомеостаза жизненных показателей. Модуль сенсорной интеграции как раз основан на нейросетевом подходе – здесь осуществляются базовые процессы восприятия, распознавания и когниции.

2. Вместе с тем информация от сенсоров может быть сразу подана в реактивную подсистему управления, где осуществляется поиск готовых паттернов реагирования на имеющуюся в среде ситуацию. Если такой паттерн имеется, он задействуется непосредственно для осуществления воздействия на окружающую среду. Однако проактивная подсистема управления имеет возможность подавить реак-

тивный контур, если в процессе её работы обнаружены какие-либо особенности описания среды, которые требуют более внимательного подхода к разработке реакции агента.

3. Мультисенсорная интеграция заключается в создании целостного описания ситуации внешней среды, в которой оказался агент. Такое описание подаётся на вход в проактивную подсистему управления для принятия решения о том, как агент должен действовать.

4. Проактивная система управления обладает памятью, в которой осуществляется накопление опыта агента, а также средствами моделирования поведения агента в среде и прогнозирования вариантов её состояния после актов воздействия на неё. Это позволяет осуществлять интеллектуальное планирование деятельности агента на основе решения «внутреннего конфликта» с выбором максимально эффективного варианта действия.

5. Этот выбранный вариант действия подаётся на вход модулю трансляции высокоуровневой команды на язык актуаторов, что может выражаться в последовательном программировании деятельности исполнительных устройств агента для активного взаимодействия со средой. Также здесь может осуществляться воздействие и на внутренние состояния самого агента через внутренние актуаторы.

6. Кроме того, проактивная подсистема управления спускает вновь созданную программу действий в реактивную подсистему управления для дальнейшего быстрого реагирования в случаях, когда среда находится в приблизительно таком же состоянии, в каком она находилась в то время, как проактивная подсистема управления разработала новую программу действий. В дальнейшем эта программа будет автоматически исполняться реактивной подсистемой управления.

Представленная схема деятельности гибридного искусственного когнитивного агента является достаточно обобщённой для того, чтобы конкретизировать её специфическими методами распознавания, моделирования, прогнозирования и решения всех остальных перечисленных в приведённом ранее описании задач, которые в цикле решаются представленной архитектурой. Это позволяет на основе этого шаблона проектировать конкретизированных когнитивных агентов, которые работают на основании тех или иных методов искусственного интеллекта в средах разной природы.

Также необходимо отметить, что под представленную архитектуру подходят и естественные когнитивные агенты – в частности, человек. Действительно, человек получает информацию о внешней среде через набор сенсорных систем, а также в организме осуществляется непрерывный мониторинг жизненных показателей с обеспечением их гомеостаза [Cannon, 1926]. Далее в таламусе осуществляется мультисенсорная интеграция информации для формирования в неокортексе цело-

стной картины воспринимаемой реальности [Melchitzky, Lewis, 2009]. Если ситуация требует мгновенного принятия и реализации решения, то задействуется рефлекторный контур (например, в случае, если человек дотрагивается до обжигающего объекта рукой), однако действие многих (но не всех) рефлексов может быть сознательно подавлено. В различных зонах неокортекса осуществляется базовое распознавание образов, узнавание ситуации в целом, моделирование, прогнозирование и принятие решений с дальнейшим программированием последовательности действий. После этого, если дана команда действовать, эта программа реализуется через её перевод в последовательность нейрональных активаций множества путей к мышцам для воздействия на среду [Ashby, 1960]. В процессе доведения таких команд до автоматизма сознание и сознательное размышление всё реже задействуются при решении схожих проблем, а сама программа реагирования «спускается» в мозжечок (см.: [Шмидт, Тевс, 1996. С. 107–112]).

Приведённое описание общей схемы деятельности человека лежит в основе той мотивации, которая является фундаментом для построения гибридных схем организации искусственных когнитивных агентов и, в частности, представленной в этом разделе гибридной архитектуры.

2. Что понимается под «пониманием»

Понимание – одна из важнейших концепций философии сознания в частности и философии вообще. Если расширить антропоцентрическое определение понимания, то под ним следует понимать определённый процесс, который некоторым образом соотносится с абстрактной концепцией, физическим объектом или явлением, что позволяет адекватно взаимодействовать с таковой концепцией, объектом или явлением. Понимание – это одно из достаточных свойств интеллектуального поведения [Bereiter, 2009].

Вместе с тем, в своей оригинальной работе Дж. Сёрл не дал точного определения феномену «понимания», а просто задал вопрос: «Понимает ли сидящий в китайской комнате человек китайский язык?» [Searle, 2001]. Фактически это была апелляция к интуитивному пониманию феномена понимания. И, в общем-то, тем самым Дж. Сёрл открыл широчайшие возможности для различных трактовок своего мысленного эксперимента, из-за чего «китайская комната» и стала самым дискутируемым экспериментом в истории философии сознания.

Сам Дж. Сёрл попытался опровергнуть возможность создания так называемого сильного искусственного интеллекта, т. е. набора технологий, применение которых могут привести к самосознающему искусственному когнитивному агенту, обладающему пониманием в человеческом смысле этого слова, «что бы это ни значи-

ло». Более того, у такого когнитивного агента, возможно, появилось бы и сознание, в том числе феноменальное. По словам Дж. Сёрла, *«соответствующим образом запрограммированный компьютер с нужными входами и выходами и будет разумом, в том смысле, в котором человеческий разум – это разум»* [Searle, 1980].

При этом если обратиться к нейрофизиологическим основам работы естественных нейронных сетей в режиме обучения, то тайна феномена «понимания» будет приоткрыта. В соответствии с современными воззрениями [Шумский, 2020] в процессе восприятия и обучения в неокортексе человека строится большое количество ассоциативных связей между так называемыми «неокортикальными гиперколонками», каждая из которых состоит из большого количества колонок, активирующихся на появление в рецептивных полях сенсорных зон коры головного мозга воспринимаемых образов различной модальности. Фактически активация неокортикальной гиперколонки означает, что в этот момент в потоке мыслей человека задействован образ того объекта, явления или абстрактного понятия, которому соответствует активированная гиперколонка и конкретный набор колонок в ней.

В процессе развития человека от эмбриона до взрослого состояния включительно в головном мозге непрерывно и постоянно осуществляется огромное множество актов обучения, которые заключаются в выстраивании или удалении ассоциативных связей между семантическими понятиями, что на физиологическом уровне соответствует появлению или уничтожению синаптических связей между нейронами различных кортикальных колонок [Stout, Khreisheh, 2015]. Такие синапсы позволяют осуществить активацию обширного набора смежных понятий при осмыслении какого-либо объекта или явления. И чем богаче у человека жизненный опыт, тем больше ассоциативных связей в коре головного мозга имеется, тем больше ассоциаций задействуется в процессе мышления (при этом, конечно, со стороны базальных ганглиев осуществляется «дирижирование» ансамблем активаций так, чтобы он соответствовал текущей цели) [Шумский, 2020].

Один из аспектов нейропластичности – выстраивание синаптических связей – как раз и отвечает за массовое создание ассоциаций в неокортексе человека [Chang, 2014]. Важным моментом в этом процессе является так называемая мультисенсорная интеграция, происходящая в таламусе и отвечающая за целостное восприятие окружающей действительности [Jones, 1985]. И в процессе обучения ребёнка через мультисенсорную интеграцию в его неокортексе формируется поражающее воображение количество ассоциативных связей между гиперколонками. Например, если рассмотреть понятие «стол», то ему будет соответствовать гиперколонка, в которой посредством разреженного кодирования осуществляется активация в ответ на появление перед обученным ребёнком изображений столов

различного вида, на проявление акустических волн, которые воспринимаются как звуковая форма слова «стол», и даже на появление изображений букв, складывающихся в соответствующее слово. Более того, колонки, входящие в состав этой гиперколонки, будут активировать различные смежные понятия, в том числе и общий шаблон стола, понятия ножек, поверхности, горизонтальности, гладкости, деревянности и т. д. Обучение тому, что такое «стол», и представляет собой выстраивание всех этих ассоциативных связей, которые возбуждаются в ответ на появление связанного с объектом действительности «стол» сенсорного сигнала любой модальности.

Таким образом, если у такого обученного тому, что такое «стол», ребёнка спросить, *понимает ли он*, что такое «стол», то он ответит положительно. И природа его понимания как раз и лежит в активации обозначенных связей между различными представлениями объекта реальности в его неокортексе. Другими словами, *понимание – это узнавание и активация ассоциативных взаимосвязей*. Ведь если человек что-то не понимает, это происходит из-за того, что у него в процессе когнитивной деятельности не активировалось достаточное количество ассоциативных связей с объектами, уже бывшими в его личном опыте познания, а потому объект непонимания не может встроиться в иерархическую структуру ассоциативных взаимосвязей его кортикальных гиперколонок.

Что произойдёт, если обученному таким образом ребёнку показать надпись: «桌子» (zhuōzi, кит. «стол»)? В его неокортексе не будет «отклика» ассоциативных связей, собранных в процессе получения личного опыта, а потому эти китайские иероглифы не создадут перед его внутренним взором образа «шаблонного стола». Однако если научить и закрепить изученное, то эти два символа включатся в когнитивное поле понятия «стол», и сначала через перевод на русский язык, а потом напрямую будут возбуждать все необходимые ассоциации. И, таким образом, ребёнок научится понимать китайский язык. Понимать именно в том смысле, который описан здесь несколькими абзацами ранее.

Из приведённых выше рассуждений следует интересное когнитивное искажение о понимании, которому подвержены многие люди. Дело в том, что личность человека основана на его личном опыте [LeDoux, 2020], который определяет уникальный *коннектом*, свойственный конкретному человеку. Коннектом представляет собой всё динамическое множество связей между нейронами, и из этого следует, что связи между кортикальными колонками и гиперколонками также уникальны для каждого человека. Несмотря на то что на высоких уровнях абстракции у людей формируются более или менее схожие иерархические системы понятий, на нижних конкретизированных уровнях понимание основано на личном опыте. Например, внутренняя конкретизация понятия «стол» у каждого чело-

века будет осуществляться при помощи специфических образов конкретных столбов, запечатлённых в памяти человека в виде энграмм, полученных чаще всего в детстве.

Более выпуклый пример – внутреннее представление воображаемых образов во время чтения художественного произведения. Пусть некий автор описал в своём произведении какую-либо местность, в которой разворачиваются события. Наверняка при создании произведения автор представлял внутри себя какую-то конкретную местность из своего детства. При чтении же каждый читатель будет представлять ту местность, которая известна ему и только ему по его личному детскому опыту. Детскому потому, что именно в детстве осуществляется наполнение памяти очень красочными впечатлениями от воспринятого в окружающей действительности.

Другими словами, из этого следует, что каждый человек понимает смысл посвоему. И когнитивным искажением является желание считать, что все люди понимают сказанное и воспринятое одинаково. Это далеко не так. Поэтому первоначальный вопрос Дж. Сёрла, обращённый к «китайской комнате», не имеет особого смысла даже для людей.

3. Смогут ли искусственные когнитивные агенты понимать смысл

Тем не менее, если перейти от нейрофизиологических основ памяти и понимания к рассмотрению возможностей для искусственных когнитивных агентов (систем искусственного интеллекта) получить функцию понимания, так как именно на эти возможности был направлен первоначальный замысел мысленного эксперимента «китайская комната», то тут всё не так радужно. Здесь видится некоторая методологическая ошибка, которую за многочисленным преломлением копий мало кто замечает. Вместе с тем, сама постановка эксперимента даёт основания полагать, что он некорректно отвечает на вопрос о том, смогут ли когда-нибудь и как-нибудь искусственные когнитивные агенты понимать смысл воспринимаемой информации так же, как это делает человек.

Дж. Сёрл описывает некоторую аналогию фон-неймановской архитектуре построения вычислительных систем, в которой центральным процессором является человек, сидящий в комнате. И он задаёт вопрос об этом человеке, то есть, если рассматривать аналогию, – о центральном процессоре компьютера. Но у человека в центральной нервной системе нет аналога компьютерного процессора, и обработка входной информации в человеческом мозге осуществляется на совершенно иных принципах, а сама она построена на иной архитектуре. И при этом работа

нервной системы не выходит за рамки вычислительной парадигмы – она вполне может быть объяснена в терминах теории информации и кибернетики. Иными словами, человек – это тоже вычислительная система, довольно сложная, но, тем не менее, работающая на базовых принципах математики.

Вместе с тем, Дж. Сёрл задаётся вопросом о том, понимает ли представленная в мысленном эксперименте аналогия фон-неймановской архитектуры входную информацию. Ответ, по его мнению, отрицательный, и это довольно резонно им аргументировано. Однако методологическая ошибка заключается в том, что представленная в мысленном эксперименте система представляет собой так называемую слабую ИИ-систему. Слабым искусственным интеллектом называют такую ИИ-систему, которая направлена на решение какой-то конкретной задачи при помощи когнитивных методов. Например, система распознавания визуальных образов является слабой ИИ-системой. Резонно ли задавать вопрос о понимании по отношению к слабой ИИ-системе, если само по себе понимание как феномен относится к prerogative сильных когнитивных агентов? Ответ очевиден.

Если рассмотреть современную теорию искусственного интеллекта [Душкин, 2019; Шумский, 2020], то все современные технологии решения когнитивных задач можно свести к нескольким: распознавание образов, поиск скрытых закономерностей, обработка и понимание текста на естественном языке, а также принятие решений. Слабые ИИ-агенты по определению решают какую-то специфическую задачу, то есть такая задача сводится к одной из четырёх перечисленных. Среди них только задача обработки и понимания текста на естественном языке так или иначе имеет отношение к предмету настоящей работы – пониманию. Остальные задачи коррелируют и связаны с пониманием, однако не требуют его как такового для своего решения. Поэтому слабые ИИ-системы, решающие эти задачи, по определению пониманием не обладают.

Интересно рассмотреть слабые ИИ-системы, предназначенные для решения задач анализа естественно-языковых высказываний. Задача понимания естественного языка в рамках искусственного интеллекта поставлена – *natural language understanding*, NLU. Тем не менее, на текущий момент большинство существующих технологий решают задачу обработки естественного языка – *natural language processing*, NLP. Это подразумевает отсутствие необходимости понимания в том смысле, который описан в предыдущем разделе. Текущие технологии NLP, основанные как на формальных грамматиках, так и на статистическом и нейросетевом подходах, фактически показывают реактивную модель искусственных когнитивных агентов, когда суждения о качестве их функционирования и решения ими поставленной задачи делаются на основе наблюдения за их внешним поведением. Если искусственный когнитивный агент адекватно реагирует на большую часть

обращённых к нему естественно-языковых высказываний, значит, он «понимает» их.

Но, конечно, такие же вопросы можно обратить к человеку или даже другим высшим животным. Действительно, понимает ли, например, собака? Если изучать её поведение, то вне всяких сомнений после некоторого количества обучающих актов собака начинает понимать обращённую к ней речь. «Пойдём гулять» – говорит хозяин, и собака радостно прыгает, виляя хвостом. И речь, скорее всего, не идёт о примитивных рефлекторных реакциях, так как в процессе узнавания ключевых слов в составе обращённых к ней фраз, собака также принимает во внимание внутреннее состояние, выражающееся в эмоциональном фоне и, как минимум, в наличии памяти о недавно прошедших событиях.

Однако можно предположить на основе сравнения строения нервной системы собаки и человека, что в какой-то мере все рассуждения из области нейрофизиологии восприятия, узнавания и понимания, приведённые в предыдущем разделе, относятся и к собаке, а также к другим высшим животным и даже птицам, хотя у них нет коры головного мозга. В нервной системе животных существуют механизмы массового создания ассоциативных связей между группами нейронов, отвечающих за распознавание сенсорных образов или узнавание абстрактных понятий. Так что в неокортексе собаки из слуховой сенсорной коры создаются ассоциативные связи от нейронов, распознающих фразу «Пойдём гулять», направленные в области памяти и положительных эмоций, связанных с прогулкой, и далее к моторным зонам с программами выражения радости. И это действительно можно назвать пониманием, так как механизм аналогичен человеческому.

Но как можно было бы спроектировать понимающего ИИ-агента? (Вопрос о том, нужно ли это, следует оставить за рамками этой работы, поскольку здесь делается попытка дать ответ на вопрос Дж. Сёрла по поводу понимания.) На текущий момент имеется как минимум один пример естественного агента с более или менее понятной архитектурой, про которого можно сказать, что он «умеет понимать» в том смысле, который был дан этому термину в настоящей работе. На этой аналогии можно построить проект понимающего ИИ-агента, который смог бы стать предтечей ИИ общего уровня (AGI). Да, на это желание можно было бы возразить, что «самолёт летает не так, как птица, а всё же летает», а потому понимающий ИИ-агент не обязательно должен копировать принципы, лежащие в основе человеческого понимания. Тем не менее, необходимо с чего-то начать, а дальше уже пытаться рассматривать обобщающие концепции, в том числе и при помощи рассмотрения когнитивных способностей птиц, особенно в части понимания.

В первом разделе настоящей статьи была приведена архитектура гибридного искусственного когнитивного агента, на базе которой можно было бы попытаться

реализовать функцию понимания. Действительно, естественные когнитивные агенты (люди, собаки, попугаи и т. д.) основаны именно на этой архитектуре. Поэтому в соответствии с принципом, провозглашённым в предыдущем абзаце, именно эта архитектура должна быть взята за основу для понимающего искусственного когнитивного агента.

Таким образом, проектирование и разработка искусственного интеллектуального агента, который мог бы обладать пониманием, может осуществляться на следующих принципах.

1. ИИ-агент должен иметь набор разнообразных сенсоров, при помощи которых он взаимодействует с окружающей средой и получает из неё сенсорную информацию различной модальности, а также сенсорную информацию о внутреннем состоянии самого ИИ-агента. Важно иметь сенсоры нескольких модальностей, как минимум двух, но лучше больше. Впрочем, вопрос о верхней границе количества сенсорных модальностей открыт и требует дополнительного исследования.

2. Сенсорная информация, приходящая из среды, должна подвергаться фильтрации и агрегированию непосредственно в сенсорных системах ИИ-агента. Затем очищенная и агрегированная информация передаётся далее в реактивную подсистему управления и в блок мультисенсорной интеграции.

3. Реактивная подсистема управления ИИ-агента представляет собой систему, которая осуществляет быструю рефлекторную реакцию на известные стимулы. Однако работа этой подсистемы может быть подавлена сигналом из проактивной подсистемы управления, которая предназначена для моделирования будущего состояния среды и ИИ-агента в ней для более взвешиваемого принятия решения. Кроме того, реактивная подсистема управления может эскалировать в проактивную фокус внимания в случаях, когда что-то пошло не так – в известной ситуации, требующей рефлекторной реакции, среда отвечает не так, как обычно.

4. Кроме того, сигналы из сенсоров ИИ-агента поступают в блок мультисенсорной интеграции, где должно осуществляться построение целостной картины окружающей среды на основе технологии слияния данных. Именно здесь формируется тот самый набор ассоциативных связей, который представляет собой память ИИ-агента обо всём, что с ним происходило – его личный опыт функционирования.

5. Память ИИ-агента, располагающаяся в проактивной подсистеме управления, должна быть устроена на иерархических и ассоциативных принципах, при этом после получения очередного пакета сенсорной информации, очищенной, агрегированной и интегрированной предыдущими блоками, задействуются ассоциативные и иерархические связи для формирования на основе текущего среза целостного описания окружающей среды модели ситуации, в которой находится

ИИ-агент, что также включает в себя и контекст. Именно на этом шаге у ИИ-агента формируется понимание того, что происходит.

6. Сформированная модель ситуации рассматривается проактивной подсистемой управления, в которой создаётся набор управляющих воздействий, который отправляется как в блок трансляции команд в код низкого уровня, так и в реактивную подсистему управления для формирования нового рефлекторного контура.

7. Через актуаторы команды, транслированные в код низкого уровня, осуществляют воздействие на окружающую среду, и цикл повторяется с самого начала.

Особенностью этой архитектуры является то, что описанный цикл взаимодействия ИИ-агента со средой, в которой он функционирует, осуществляется непрерывно и, более того, не дожидаясь, пока завершится предыдущая итерация этого цикла. То есть ИИ-агент постоянно воспринимает из среды мультисенсорную информацию, которую подвергает такого рода обработке с формированием у себя разветвлённой ассоциативной памяти, которая в конечном итоге позволит ему понимать происходящее, в том числе и учитывать контекст.

Как видно, описанная схема функционирования понимающего ИИ-агента довольно абстрактна и отвязана от конкретного типа самого ИИ-агента, типа среды и проблемной области. Это значит, что схема является шаблоном, по которому можно строить понимающих ИИ-агентов, конкретизируя их для заданной среды и решаемой задачи в ней. Если возвратиться от абстрактного шаблона к китайской комнате, то описанная схема позволит ИИ-агенту понимать естественный язык в том смысле, как это делает человек, поскольку с самого начала его функционирования он будет набирать свой личный опыт, накапливая ассоциативную память.

Ассоциативная память искусственного когнитивного агента в этом случае будет представлять очень сильно связанную семантическую сеть [Žáček, Telnarová, 2019], активация узлов в которой будет представлять собой «понимание текущей ситуации». Множество всех активированных в момент времени узлов семантической сети является актом когниции, мыслью когнитивного агента. Переход от одного множества активированных узлов к другому в этом случае будет являться «потокотом мыслей».

Фактически представленные принципы и шаблонная схема проектирования и реализации понимающего ИИ-агента открывают путь к сильному ИИ или искусственному интеллекту общего уровня (AGI). Здесь важно заострить внимание на том, что в этом случае вполне может так получиться, что созданный ИИ-агент с возможностями мультисенсорной интеграции и ассоциативной памятью сможет

получить внутренние феноменальные состояния [Душкин, 2020]. Однако это остаётся вопросом дальнейших исследований.

Заключение

В настоящей работе показано, что мысленный эксперимент Дж. Сёрла «китайская комната» должен быть пересмотрен и не применяться к современным подходам к построению искусственных когнитивных агентов, которые проектируются и реализуются в рамках гибридной парадигмы искусственного интеллекта. Термин «понимание» не был чётко определён автором мысленного эксперимента, а потому вопрос о том, понимает ли ИИ-агент смысл обращённых к нему фраз на естественном языке, лишён смысла.

Тем не менее, сделана попытка определить феноменологию понимания естественными интеллектуальными агентами с дальнейшим переносом этого определения на агентов искусственной природы. Представлена гибридная архитектура ИИ-агента, основанная на аналогии с верхнеуровневым абстрактным рассмотрением процессов, происходящих в нервной системе высших животных. ИИ-агенты, которые будут спроектированы и реализованы в рамках этой архитектуры, могут стать предтечами к сильному ИИ.

Вместе с тем за рамками настоящей работы остались пока нерешённые вопросы, которые требуют дальнейших исследований. Должны быть рассмотрены принципы организации иерархической ассоциативной памяти для реализации понимания у ИИ-агентов. Также необходимо тщательно проанализировать сходства и отличия базовых компонентов понимания и принятия решений у птиц, в головном мозге которых отсутствует кора, и наземных животных, обладающих корой различных типов и архитектоники. Более того, в область внимания исследователей должны попасть роевые интеллектуальные системы естественной природы – муравьиные кучи, рои пчёл, стаи птиц и т. д.

Список литературы / References

Душкин Р. В. Искусственный интеллект. М.: ДМК-Пресс, 2019.

Dushkin R. V. *Iskusstvennyi Intellekt*. Moscow, DMK-Press, 2019. (in Russ.)

Душкин Р. В. К вопросу о распознавании и дифференциации философского зомби // Философская мысль. 2020. № 1. С. 52–66.

Dushkin R. V. K voprosu o raspoznavanii i differentsiatsii abkjcacrjui zombi. *Filosofskaya Mysl*, 2020, no. 1, p. 52–66. (in Russ.)

- Душкин Р. В., Андронов М. Г.** Гибридная схема построения искусственных интеллектуальных систем // Кибернетика и программирование. 2019. № 4. С. 51–58.
- Dushkin R. V., Andronov M. G.** Gibridnaya shema postroeniya iskusstvennykh intellektualnykh system. *Kibernetika i Programmirovaniye*, 2019, no. 4, p. 51–58. (in Russ.)
- Шмидт Р., Тевс Г.** Физиология человека: В 3 т. М.: Мир, 1996. Т. 1.
- Schmidt R., Thews G.** Human Physiology. Transl. into Russian. Moscow, Mir, 1996. (in Russ.)
- Шумский С. А.** Машинный интеллект. Очерки по теории машинного обучения и искусственного интеллекта. М.: РИОР, 2020.
- Shumski S. A.** Mashinnyi intellect. Ocherki po teorii mashinnogo obucheniya i iskustvennogo intellekta. Moscow, RIOR, 2020. (in Russ.)
- Ashby W.** Design for a Brain. The origin of Adaptive Behaviour. New York, Wiley & Sons, 1960.
- Bereiter C.** Education and Mind in the Knowledge Age. Lawrence Erlbaum Associates, 2009.
- Cannon W.** Physiological Regulation of Normal States: Some Tentative Postulates Concerning Biological Homeostatics. Paris, Les Éditions Médicales, 1926.
- Chang Y.** Reorganization and plastic changes of the human brain associated with skill learning and expertise. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2014, no. 8, p. 35. DOI 10.3389/fnhum.2014.00035.
- Dennett D.** Consciousness Explained. Penguin Books, 1991.
- Jones E.** The Thalamus. Springer, 1985.
- LeDoux J.** How does the non-conscious become conscious? *Current Biology*, 2020, vol. 30, no. 5, p. 196–199.
- Melchitzky D., Lewis D.** Functional Neuroanatomy. In: Sadock B., Sadock V., Ruiz P. (eds.). Kaplan and Sadock's Comprehensive Textbook of Psychiatry. Philadelphia, PA, Lippincott Williams & Wilkins, 2009, p. 5–42.
- Searle J.** Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, 1980, vol. 3, no. 3, p. 417–424.
- Searle J.** Chinese Room Argument. In: Keil F., Wilson R. (eds.). The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. MIT Press, 2001, p. 115–116.
- Stout D., Khreisheh N.** Skill Learning and Human Brain Evolution: An Experimental Approach. *Cambridge Archaeological Journal*, 2015, vol. 25, no. 4, p. 867–875.
- Turing A.** Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, 1950, vol. 59, p. 433–460.

Žáček M., Telnarová Z. Language networks and semantic networks. In: Trník A., Medved I. (eds.). Proceedings of Central European Symposium on Thermophysics 2019 (Banska Bystrica, Slovakia, October 16–18, 2019). AIP Publishing, 2019, p. 264–269.

Материал поступил в редколлегию

Received

28.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Душкин Роман Викторович

директор по науке и технологиям, Агентство искусственного интеллекта, ООО «Дикрипто» (Москва, Россия)

Roman V. Dushkin

Chief science and technology officer, Artificial Intelligence Agency, Deecrypto LLC (Moscow, Russian Federation)

roman.dushkin@gmail.com

УДК 164.02

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-48-58

Разрыв интенционального и экстенционального в математике

В. В. Целищев, А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

Работа посвящена изучению расхождению интенционалистской и экстенционалистской традиций в основаниях математики. В качестве одного из важных проявлений этого расхождения представлены дебаты о статусе Аксиомы выбора. В частности, оспаривание Б. Расселом Аксиомы выбора Э. Цермело связано с интенционалистской философией математики Рассела и экстенционалистским подходом Цермело. Показано, что противопоставление интенционалистского и экстенционалистского подходов включает в себя такие ключевые проблемы философии математики, как эпистемологические характеристики теорем и аксиом, природа логико-философского анализа, роль логики в математике.

Ключевые слова

аксиома выбора, аксиома мультипликативности, теория множеств, интенциональность математики

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00518)

Для цитирования

Целищев В. В., Хлебалин А. В. Разрыв интенционального и экстенционального в математике // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 48–58. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-48-58

The Gap between the Intensional and Extensional in Mathematics

V. V. Tselishchev, A. V. Khlebalin

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the study of the divergence of the intensionalist and extensionalist traditions in the foundations of mathematics. One of the important manifestations of this discrepancy was the debate on the status of the Axiom of Choice. In particular, we argue that Russell's challenging Axioms of the Choice is connected with his intensionalist philosophy of mathematics and the extensionalist approach

© В. В. Целищев, А. В. Хлебалин, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2

Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

of Zermelo. It is shown that the opposition of the intensionalist and extensionalist approaches includes such key problems of the philosophy of mathematics as the epistemological features of theorems and axioms, the nature of logical-philosophical analysis, and the role of logic in mathematics.

Keywords

Axiom of Choice, Multiplicative Axiom, set theory, intensionality in mathematics

Acknowledgements

The study was supported by RFBR (research project no. 19-011-00518)

For citation

Tselishchev V. V., Khlebalin A. V. The Gap between the Intensional and Extensional in Mathematics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 48–58. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-48-58

Вопросы об интенциональности в математике возникают достаточно часто. Одним из наиболее интересных эпизодов в этой истории является интенциональная трактовка Б. Расселом математических объектов при построении систем оснований математики [Whitehead A.N., Russell B., 1910–1913]. Его стратегия заключалась в устранении классов как онтологических сущностей. Рассел перепробовал несколько вариантов, предложив в том числе так называемую «не-класс-теорию». Целью всего предприятия было блокирование парадокса, носящего его имя. Вместо классов, которые были экстенциональными сущностями, Рассел использовал (на определенном этапе) пропозициональные функции, тем самым принимая онтологию пропозиций. В этом контексте нужно понимать, что пропозиции являются не лингвистическими сущностями, или суждениями, а абстрактными объектами, имеющими интенциональный характер. Как известно, реализация логицистского проекта столкнулась с трудностями, которые заключались в том, что три аксиомы грандиозной логической системы *Principia* не могли быть однозначно причислены к собственно логике. Аксиома бесконечности, аксиома сводимости и аксиома выбора стали непреодолимым препятствием к сведению математики к логике.

Из этих аксиом для нас в контексте интенциональности в математике интересна аксиома выбора. Эта аксиома имеет ряд эквивалентных ей утверждений, неявно используемых при доказательстве многих результатов. Например, аксиома эквивалентна такому утверждению: для любых двух кардинальных чисел, не равных друг другу, одно должно быть больше другого. Если бы аксиома была ложна, тогда должны быть такие кардинальные числа μ и ν такие, что μ не меньше ν , не равно ν и не больше ν . Ясно, что здесь есть элемент парадоксальности, свойственный арифметике бесконечных множеств. Но как бы то ни было, такой парой μ и ν могут быть множества алеф-нуль (множество натуральных чисел) и 2 в степени алеф-нуль. Кантор показал, что второе множество больше первого, и, стало быть, эта

аксиома верна. Более важным примером эквивалента аксиомы является утверждение, что каждый класс может быть вполне упорядочен, т. е. построен в ряд, в котором каждый подкласс имеет первый член. Заслугой Э. Цермело было выделение явно сформулированной аксиомы. В *Principia Mathematica* эта аксиома называется аксиомой мультипликативности и представлена в следующей формулировке: если задан некоторый класс взаимно исключающих классов, из которых ни один не является пустым, имеется по крайней мере один класс, который имеет точно один термин, общий с каждым из данных классов.

Обычно вместо термина «класс» употребляется термин «множество», но в данном случае следует иметь в виду, что обсуждение Расселом этой проблематики было связано с проблемой понимания природы классов, подверженных парадоксу Рассела. Хотя в отношении допустимости в математике аксиомы выбора до сих пор идут интенсивные споры, представляет интерес то, как они связаны с проблемой интенциональности. Если, согласно аксиоме, существует класс, составленный из выбранных элементов множества других классов (точно одного элемента из каждого), то откуда мы можем быть уверены в его существовании? Оно может быть гарантировано, если имеется интенциональная характеристика такого класса, т. е. задание свойства всех его элементов. Но коль скоро выбор точно одного элемента из каждого множества производится в силу бесконечности множеств произвольно, у нас нет такой интенциональной характеристики.

Хорошо известно, что аксиома выбора Цермело была критически воспринята английским сообществом математиков, включая Рассела. Но критическое отношение Рассела к ней, несмотря на явную аналогию между аксиомой выбора и результатом Уайтхеда – Рассела, который будет в итоге представлен как аксиома мультипликативности, весьма явно обнаруживает различие в позиции «интенционалиста» и «экстенционалиста» по вопросу эпистемологических оснований принятия аксиом.

Формулировка утверждения, которое в итоге будет представлено как аксиома мультипликативности, происходит непосредственно перед тем, как Цермело представил аксиому выбора. Но вместе с тем первоначально Уайтхед и Рассел не рассматривали аксиому мультипликативности как аксиому, полагая ее теоремой, явно нуждающейся в доказательстве [Grattan-Guinness 1971a, 118], тогда как Цермело изначально рассматривает аксиому выбора как самоочевидную.

Различные проблемы привели к формулировкам аксиомы выбора и аксиомы мультипликативности. Если Цермело был связан с проблемой вполне-упорядоченности множеств, то аксиома мультипликативности Рассела возникла из рассмотрения бесконечного произведения непересекающихся множеств для определения произведения бесконечных кардиналов. В 1902 г. Уайтхед определил мультипли-

кативное множество K^x непересекающегося семейства K непустых множеств: K^x является множеством всех тех подмножеств M объединения K , таким, что для каждого S в K , $M \cap S$ имеет ровно один член. В окончательной версии аксиома мультипликативности приняла следующую формулировку: если K – непересекающееся семейство непустых множеств, то K^x не пусто.

В 1905 г. по просьбе Л. Кутюра Рассел представил результат Цермело в своем исчислении и пришел к следующему выводу. Прежде всего, он отмечает, что аксиома Цермело, утверждающая, что для каждого M существует функция f , такая что $f(A) \in A$ для любого непустого подмножества A из M , является «теоремой, без которой большая часть арифметики кардиналов была бы невозможной. Я не знаю, истинна она или ложна, но нахожу ее слишком сложной. ...Я не обнаружил ошибок в аргументации Цермелло и нахожу его результат очень интересным; но он не о том, что каждое множество может быть вполне упорядоченным, потому что вряд ли стоит принимать аксиому, которая настолько сложна и запутана» (цит. по: [Moore, 2012. P. 124]).

Окончательно Рассел формулирует свое отношение к аксиоме выбора следующим образом: «Сначала я верил, что смогу показать, что, если каждое множество может быть вполне упорядоченным, то тогда можно выбрать первый член в каждом из них. Но чтобы сделать это, мы должны выбрать для каждого класса *одно* из [вполне упорядоченных] отношений, которым оно сформировано. Таким образом, для этого мы используем тот же самый принцип, который должен быть доказан» [Ibid. P. 125].

Философская подоплека вопроса очень ясно представлена Расселом, который отличался умением находить удачные метафоры. Роль аксиомы раскрывается следующим примером [Рассел, 2003. С. 161]. Некий миллионер покупает с каждой парой ботинок пару носков. Однажды он купил алеф-нуль пар того и другого. Теперь он захотел узнать, сколько у него всего ботинок и сколько носков. Естественным предположением на этот счет будет удвоение исходного числа. В случае трансфинитных чисел удвоение не меняет мощности множества, и предположительно носков и ботинок будет по алеф-нуль. Однако это предположение справедливо для ботинок, но не для носков. Для того чтобы убедиться, что класс имеет алеф-нуль терминов, мы должны построить его термины в прогрессию. Это делается с помощью выборки, а именно, для каждой пары ботинок мы берем сначала левый ботинок, образуя прогрессию, а затем правый ботинок, делая то же. В результате мы получаем прогрессию из всех ботинок. А в случае носков ситуация другая, ввиду, как замечает Рассел, прискорбной привычки фабрикантов выпускать отдельно правые и левые носки. По этой причине для каждой пары носков мы должны делать произвольный выбор, какой из носков поставить первым

в прогрессии. Но бесконечное число произвольных выборов в случае бесконечных множеств невозможно. Другими словами, «до тех пор пока мы не найдем правило, то есть отношение, которое является выборщиком, мы не знаем, что выборка даже теоретически возможна» [Ibid. С. 162]. Поскольку для носков такого правила нет, у нас нет уверенности в существовании класса, состоящего из одного носка из каждой пары. И только мультипликативная аксиома дает заверения в таком существовании.

Но класс, гарантируемый этой аксиомой, образован не по правилу, т. е. он не интенционален. Нет порождающего свойства, а экстенционально задать бесконечный класс невозможно. Именно по этой причине аксиома стала предметом философских разногласий. Прежде всего потому, что экстенциональные и интенциональные характеристики классов, или множеств, оказались разорванными, т. е. не двумя дополняющими характеристиками множества. Какой может быть интенциональная характеристика результата беспорядочных выборок неразличимых в каждой паре носков? Можно ли вообще утверждать о существовании классов, гарантируемых аксиомой? Да вообще является ли эта аксиома истинной? Опять-таки, обращаясь к Расселу, мы подтверждаем эти сомнения: «Как в случае аксиомы Цермело, так и в случае мультипликативной аксиомы наши сомнения касаются главным образом существования нормы или свойства такого, что мы могли бы выбирать по одному члену из каждой совокупности; сомнения в отношении существования класса, образованного такой выборкой, производны от сомнения в отношении существования и такой нормы» [Russell, 1973. P. 162–163]. Здесь под нормой имеется в виду свойство, или пропозициональная функция, которые являются интенциональными сущностями. Установка Рассела на интенциональное видение математики, и стало быть, его сомнения в отношении аксиомы выбора совпадали со взглядами таких математиков, как Э. Борель, А. Пуанкаре, Дж. Пеано. Например, Пеано утверждал, что поскольку аксиома не выводима из его постулатов, вряд ли аксиому можно считать истинной. Цермело в ответ на это говорил, что аксиома интуитивно истинна, и Пеано, в свою очередь, возражал, что вопросы интуитивной ясности относятся скорее к области психологии, а не математики [Коффа, 2019. С. 162].

Интенционализм Рассела имел глубокие корни эпистемологического характера. В этом отношении характерен его обмен мнениями с логиком Журденом. Журден усомнился, так ли уж интенциональности необходимы для классов, заметив, что математики ведут себя как боги в своих абстрактных владениях. Рассел на это ответил, что «даже Создатель должен был понимать, что он, собственно, создает» [Grattan-Guinness, 1977. P. 54]. Тут же подобная метафора подкрепляется уже эпистемологическими соображениями: «Я не считаю, что определение через объем

логически ограничено конечными классами, но это присуще человеку, потому что мы не бессмертны» [Grattan-Guinness, 1977. P. 55].

При оценке Расселом аксиомы выбора важно понимать, что мотивация многих его идей обязана как философскими, так и математическими соображениями. Это обстоятельство часто не принимается во внимание математиками при оценке творчества Рассела. Использование аксиомы выбора, хотя бы и неявное, было в русле математической практики, и оспаривать ее Рассел не собирался. Но, как заметил Коффа, «философская половина существа Рассела была на стороне интенционалистов» [Коффа, 2019. С. 165]. В трактовке классов он был интенционалистом, но оценке роли аксиом в основаниях математики Рассел предпочел скорее «прагматическую» позицию в отношении аксиомы. Теперь для аксиом не требуется самоочевидности, отсутствие которой было причиной сомнений в отношении аксиомы выбора. «На самом деле самоочевидность никогда не была большим, чем частичной причиной для принятия аксиомы, и она никогда не была неотъемлемой частью этого понятия. Причины для принятия аксиомы, как и принятия любого другого суждения, всегда по большей части были индуктивными, а именно то, что из нее можно вывести суждения, которые почти неоспоримы, и что нет равно правдоподобного способа, при котором эти суждения могли быть истинными при ложности аксиомы, и ничего, что могло быть вероятно ложным, не может быть выведено из нее» [Whitehead, Russell, 1962. P. 59].

В результате интенциональность в математике, связанная с аксиомой выбора, так и осталась «пережитком», обязанным раздвоенности Рассела, между философской «совестью» и математическим «прагматизмом». Однако стоит заметить, что вопрос об интенциональности не сводится собственно к тому, можно ли определить множество экстенционально или интенционально. При более общем рассмотрении роли аксиом вопрос о «смысле» понятий, фигурирующих в аксиомах, имеет тот же самый оттенок интенциональности. Речь идет о двух знаменитых дебатах: Рассела с Пуанкаре и Гильберта с Фреге. Дебаты удивительно сходны, оба демонстрируют поразительную прагматичность Рассела в предпочтениях Рассела между философией и математикой.

Эта прагматичность проявилась в итоге спора Рассела и Пуанкаре, наша интерпретация которого будет изложена ниже. Пока что просто упомянем, что математическое развитие оказалось на стороне Пуанкаре, и постепенно Рассел признал правоту тенденций внутри математики. «Рассел, подобно Карнапу – и в отличие от Фреге и Витгенштейна – всегда имел интуитивное ощущение, что ученые знают, что делают» [Coffa, 1986. P. 26].

Спор шел по поводу определения геометрических примитивных понятий. Рассел, как было отмечено выше, делил свои привязанности между философией

и математикой. Соответственно, он считал, что есть два рода определений: математические и философские. Математические определения являются по сути тем, что Рассел назвал знанием по описанию, считая их неполноценными определениями в философском смысле слова. Философски термин для него определен, когда известно его значение. Обычно обсуждение этого вопроса в литературе имеет дело с интерпретацией геометрических терминов. Наша цель в данном исследовании состоит в том, чтобы указать, что значение есть интенциональная сущность. Это означает, что Рассел склоняется к интенциональной интерпретации математических терминов.

А. Коффа говорит в связи с этим, что Рассел неявно апеллирует к принципу, названном Коффа тезисом семантического атоизма [Коффа, 2019. С. 181]. Геометрические предложения, выражающие пропозиции, несут некоторую информацию, содержащуюся в составных частях пропозиции. Поскольку сама пропозиция является интенциональным абстрактным объектом, ее составляющие должны иметь такую же природу. Эти составляющие в случае геометрических предложений являются геометрическими примитивными концепциями. Пропозиция сама по себе лишена значения, если этого значения нет у примитивных концепций, в нее входящих. Таким образом, перед вхождением в пропозицию эти примитивные термины должны обретать значение. Этот процесс, поначалу неясный для Рассела, впоследствии приобрел у него форму знания-знакомства, понимание которого в случае геометрии облегчено прямой апелляцией Рассела к понятию интуиции. Пуанкаре резко возражал против разговора об интуиции в такого рода вопросах, относя их к компетенции установления конвенций. «Оба [Рассел и Пуанкаре] были согласны с условным предложением: если аксиомы имеют истинностное значение, тогда они должны быть способны к определению значений примитивных терминов до теории. Пуанкаре принял конвенционализм, потому что не видел, как может быть удовлетворен консеквент. Как мы могли бы определить значение примитивных терминов? Таким образом, он использовал *modus tollens*, опровергая антецедент. Рассел же, в противоположность этому, применял к условному предложению *modus ponens*, аргументируя, что мы можем определить значение примитивных терминов через эпистемическую способность знания-знакомства» [Shapiro, 1997. P. 156].

Ясно, что на первый план тут выступает понятие интуиции, что вряд ли можно считать удовлетворительным обстоятельством. Потому что интуиция у Рассела сводится к знакомству, и любая степень понимания концепции предполагает знакомство в эпистемическом смысле с нею. Эту интенциональную компоненту отвергает Пуанкаре, который считает, что геометрические примитивные концепции не приобретают свое значение до включения их в аксиоматические утверждения,

такие аксиомы не выражают пропозиций в духе Рассела. «Пытаясь объяснить, почему он [Пуанкаре] считает ошибкой считать аксиомы геометрии *bona fide* пропозициями, Пуанкаре говорит: 'Если объект имеет два свойства А и В, и если он единственный, имеющий свойство А, это свойство может быть использовано как его определение; и так как этого достаточно для определения, свойство В [т. е. приписывание В] не будет определением: оно будет аксиомой или теоремой. Если, наоборот, объект, имеющий А, не единственен, но является единственным, имеющим одновременно свойства А и В, свойство В будет дополнением, а не аксиомой или теоремой. Другими словами, для того чтобы свойство было аксиомой или теоремой, необходимо, чтобы объект, имеющий это свойство, был полностью определен независимо от этого свойства. Следовательно, для того чтобы иметь право сказать, что так называемые аксиомы расстояния не являются неявными определениями расстояния, нужно обладать способностью определения расстояния таким образом, чтобы не включать обращения к этим аксиомам. Но где такое определение? (*Des Fondements de la geometrie*)'» [Коффа, 2019. С. 184].

Таким образом, значение геометрических примитивных концепций, их интенциональную составляющую не следует искать в эпистемических процедурах. Все, что в них содержится информативного, сообщается аксиомами. А сами аксиомы, будучи неявными определениями, не несут также никакой информации. Попытка придать аксиомам эпистемический характер, скажем, посчитать их аналитическими или синтетическими, обречена на провал, потому что аксиомы вообще не являются пропозициями. Это говорит о неуместности попытки интенциональной трактовки аксиом как таковых. Как отмечает Коффа, «...неудивительно, что они [аксиомы] всегда считались необычными утверждениями, снабженными особой силы истинностью» [Ibid. С. 185].

Как уже было упомянуто, Рассел вскоре спокойно уступил в этом споре, хотя и не в духе конвенционализма Пуанкаре, а принял точку зрения структурализма в математике, где собственно интенциональности не было места. «...Математик не должен заниматься частными вещами по поводу его точек или же их внутренней природой. Это же относится к линиям, плоскостям, даже если он размышляет как прикладной математик. Но нет никаких эмпирических свидетельств, чем должна быть "точка". Ею может быть все, что как можно ближе удовлетворяет нашим аксиомам» [Рассел, 2003. С. 112]. Пуанкаре делает еще более сильное утверждение: нет ничего на самом деле того, что можно сказать о значении примитивных концепций за пределами того, что говорят сами аксиомы [Коффа, 2019. С. 185]. Поскольку аксиомы не являются пропозициями, в них нет интенциональной составляющей. Это было одним из решающих шагов в освобождении математики от философии: именно такую цель ставил перед собой Д. Гильберт. Отказ от прида-

ния математическим концепциям особого смысла, выходящего за пределы аксиом, – «это только иллюстрация общего принципа, что существенным в математике... является не внутренняя природа наших терминов, а логическая природа их взаимоотношений» [Рассел, 2003. С. 112].

Роль пропозиций в математическом знании явилась предметом важной полемики между Д. Гильбертом и Г. Фреге, полемике, которая очень похожа на описанную выше полемику Рассела и Пуанкаре. Поводом для полемики явился выход в свет знаменитой монографии Д. Гильберта «Основания геометрии». В центре полемики, как и в предыдущих дебатах, оказалось понятие определения и его функции. Реакция Фреге на книгу Гильберта вылилась в «мастерское и покровительственное объяснение классической картины познания», которое философ преподнес математику. «Абсолютно существенным для строгости математического исследования должно быть твердое различие определений и всех остальных предложений. Другие предложения (аксиомы, принципы, теоремы) не должны содержать слов, смысл и значение, чей вклад в выражение мысли уже не установлен полностью, так чтобы не было сомнений относительно смысла предложения – о пропозиции, выраженной в нем. Следовательно, это может быть только вопросом, является ли эта пропозиция истинной и на чем основывается эта истина» [Коффа, 2019. С. 186–187].

Таким образом, Фреге ставит в центр внимания интенциональную сущность, а именно пропозицию, говоря о смысле и значении. Определения не являются пропозициями, что согласуется с тезисом семантического атоизма. Очевидна близость позиций Рассела и Фреге, которую А. Коффа объясняет тем, что они оба разделяли то, что он назвал «пропозиционализмом». Только пропозиции могут считаться целыми «пропозициональных установок» (в которые входят концепции знания, веры и прочие интенциональные контексты). Только пропозиции могут быть истинными или ложными, а определения не являются таковыми. Другими словами, аксиомы как неявные определения не несут фактуальной информации. Отсюда вопрос, к какой собственно категории выражений отнести геометрические аксиомы. Пуанкаре и Гильберт считали, что пропозиционализм не является адекватным для понимания природы математического знания. Хотя Фреге и Гильберт нашли общее понимание в конце концов, когда Фреге решил считать «неявные определения» концепциями второго порядка и тем самым нашел законную нишу для них, они не видели особой ценности во взглядах друг друга. Пропозиционализм Рассела и Фреге, в частности, заключался в том, что каждое правильно построенное предложение математической теории делает фиксированные утверждения об объектах и концепциях и по этой причине является либо истинным, либо ложным. Гильберт и Пуанкаре отвергли фиксированные указания на объекты, по-

лагая, что главные концепции могут быть определены заданием различных объектов для каждой модели. Это представление нашло экспликацию в понятии нелогической константы.

Пропозиционализм предполагает прежде всего смысловое содержание употребляемых концепций. Даже примитивные концепции должны получить смысл через знание-знакомство или интуицию. Наделение смыслом конститuent пропозиций делает математический дискурс интенциональным. Превалирование точки зрения Гильберта в математике надолго сделало интенциональную трактовку математического дискурса неадекватной. Структурализм усилил эту тенденцию.

Список литературы / References

- Коффа А.** Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон +, 2019.
- Coffa A.** Semanticheskaja tradicia ot Kanta k Karnapu [The Semantic Tradition From Kant to Carnap: To the Vienna Station]. Moscow, Kanon+, 2019. (in Russ).
- Рассел Б.** Введение в математическую философию. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003.
- Russell B.** Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu. [Introduction to Mathematical Philosophy]. Novosibirsk, Siberian university publishing, 2003. (in Russ).
- Coffa A.** From Geometry to Tolerance: Sources of Conventionalism in Nineteenth-Century Geometry. In: Colodny R. (ed.). From Quarks to Quasars: Philosophical Problems of Modern Physics. Pittsburgh, Pittsburgh Uni. Press, 1986, p. 3–71.
- Grattan-Guinness I.** Dear Russell – Dear Jourdain. London, Duckworth, 1977.
- Moore G. H.** Zermelo's Axiom of Choice: Its Origins, Development and Influence. Springer, 2012.
- Russell B.** On Some Difficulties in the Theory of Transfinite Numbers and Order Types. In: Lackey D. (ed.). Essays in Analysis. London, Allen & Unwin, 1973, p. 162–163.
- Shapiro S.** Philosophy of Mathematics. Oxford, Oxford Uni. Press, 1997.
- Whitehead A. N., Russell B.** Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1927.
- Whitehead A. N., Russell B.** Principia Mathematica to *56. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1962.

Материал поступил в редколлегию

Received

02.03.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors**Целищев Виталий Валентинович**

доктор философских наук, профессор
научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, заместитель директора по научной работе (Ново-
сибирск, Россия)

Vitaliy V. Tselishchev

Doctor of Science (Philosophy), Professor
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sci-
ence (Novosibirsk, Russian Federation)

leitval@gmail.com

Хлебалин Александр Валерьевич

кандидат философских наук
старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского от-
деления Российской академии наук, заместитель директора по научной рабо-
те (Новосибирск, Россия)

Aleksander V. Khlebalin

Candidate of Science (Philosophy)
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sci-
ence (Novosibirsk, Russian Federation)

sasha_khl@mail.ru

Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология: эссенциалистская трактовка установления истины*

Н. В. Головки

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

Цель работы – построить удовлетворительную реалистскую интерпретацию решения проблемы устанавливающих истину в рамках концепции реальных паттернов Д. Деннета с целью показать, что онтологию Д. Деннета можно интерпретировать в реалистском смысле не только в рамках структурного реализма Дж. Лэдимена. В качестве отправной точки рассматривается решение проблемы устанавливающих истину в концепции «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу. Наш тезис заключается в том, что расширение концепции реальных паттернов Д. Деннета за счет «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу приводит к тому, что онтология Д. Деннета не только получает удовлетворительную реалистскую интерпретацию решения проблемы устанавливающих истину, но и дает возможность в хорошем реалистском ключе ответить определению научного реализма М. Девитта.

Ключевые слова

реальные паттерны, серьезный эссенциализм, установление истины, сущность, четырехкатегориальная онтология, научный реализм, Дж. Лоу, М. Девитт

* Это вторая статья, посвященная рецепции эссенциальной трактовки проблемы устанавливающих истину в концепции «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу в свете авторской интерпретации онтологии паттернов. В предыдущей статье [Головки, 2019], интерпретируя метафизическое объяснение истинности утверждения о существовании паттерна в онтологии Дж. Лэдимена, мы предположили, что между «первым» и «вторым» паттернами существует отношение эссенциальной зависимости, при этом о «втором» паттерне следует говорить именно как о его сущности, схватываемой его реальным определением, независимо от того, будет ли само существование «второго» паттерна когда-либо подтверждено. В этой статье мы более детально рассмотрим концепцию устанавливающих истину Дж. Лоу с целью соотнести ее с утверждениями о существовании реального паттерна в онтологии Д. Деннета.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект метафизики».

Для цитирования

Головкин Н. В. Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология: эссенциалистская трактовка установления истины // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 59–74. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-59-74

D. Dennett's Real Patterns as a Modal Ontology: Essentialist Interpretation of Truth-Making *

N. V. Golovko

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper aims to make a satisfactory realistic interpretation of the solution of the truth-making problem within the framework of D. Dennett's real patterns conception in order to show that D. Dennett's ontology can be interpreted in a realistic sense not only within the framework of J. Ladyman's structural realism. As a starting point, the solution of the truth-making problem within the concept of "serious essentialism" by E. J. Lowe is considered. Our thesis is that the expansion of the D. Dennett's conception with E. J. Lowe's "serious essentialism" leads us to the conclusion that D. Dennett's ontology not only receives a satisfactory realistic interpretation of the solution of the truth-making problem, but also provides an opportunity to answer properly to the definition of scientific realism given by M. Devitt.

Keywords

real patterns, serious essentialism, truth-making, essence, four-category ontology, scientific realism, E. J. Lowe, M. Devitt

Acknowledgements

The study was supported by RFBR (project no. 19-011-00120 "Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and a Metametaphysics Project")

* This is the second paper devoted to the essentialist interpretation of the truth-making within E. J. Lowe's serious essentialism in the light of the author's interpretation of patterns ontology. In the previous paper [Golovko, 2019], looking for the metaphysical explanation of the truth of the existential statements about the patterns in J. Ladyman's ontology, we suggested that there is an essential dependence relation between the "first" and the "second" patterns, and that we should talk about the "second" pattern as about its essence grasped by the proper real definition, regardless of whether its very existence will ever be confirmed. In this article, we will examine in much detail E. J. Lowe's conception of truth-making in order to explain the truth of the existential statements about the real patterns in D. Dennett's ontology.

For citation

Golovko N. V. D. Dennett's Real Patterns as a Modal Ontology: Essentialist Interpretation of Truth-Making. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 59–74. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-59-74

Работа Д. Деннета «Реальные паттерны» [Dennett, 1991] была написана тридцать лет назад, и уже двадцать лет назад вышла работа Д. Росса [Ross, 2000], превратившая концепцию Д. Деннета в фундаментальную концепцию существования и на основании которой была построена наиболее успешная на настоящий момент (и по фундаментальности выбранных оснований, и по ширине охвата решаемых проблем) концепция научного реализма – теоретико-информационный структурный реализм Дж. Лэдимена [Ladyman et al., 2007]. Общая идея нашего проекта заключается в том, чтобы расширить интерпретацию концепции реальных паттернов Д. Деннета дополнительным метафизическим содержанием – за счет привлечения содержания и концептуальных средств проекта мета-метафизики (Дж. Лоу, Т. Тахко и др.), для того чтобы показать, что концепция Д. Деннета может быть основанием для построения других концепций научного реализма, развивающихся не только в парадигме структурного реализма¹. Далеко не все авторы склонны интерпретировать концепцию Д. Деннета как реалистскую. Например,

¹ Мы говорим о философии науки, и здесь «присоединение» нового метафизического содержания к некоторой фундаментальной концепции, отражающей наше представление о природе научного знания, является стандартным ходом развития философии. Более того, мы даже можем говорить о «глубине метафизического погружения», имея в виду различные «метафизические основания» и «философские проекты», которые «присоединяются». В этом смысле, например, «Логика и опыт!» М. Шлика выражает одно из таких «метафизических оснований» логического позитивизма, которое в определенной перспективе оформляет каноничное понимание верификационизма. «Существовать – значит быть значением связанной переменной» У. Куайна – это тоже одна из максим проекта, оформляющего верификационизм, но уже другого – семантического толка. При этом последний мы склонны рассматривать в определенном смысле как «более глубокое» понимание, отвечающее более содержательному, чем логический позитивизм, философскому содержанию. «Реальные паттерны до конца!» Дж. Лэдимена в конечном итоге тоже репрезентируют верификационизм, однако «метафизические основания» здесь отвечают «натуралистической перспективе», которая, в частности, начинается с отрицания «семантического приоритета», т.е. фактически отрицает одно из значимых оснований позиций и М. Шлика, и У. Куайна. Мы полагаем, что онтологию паттернов Д. Деннета также можно считать одной из фундаментальных концепций, отражающих наше представление о природе научного знания, уже на том основании, что, пользуясь ей, можно адекватно описать такие важные современные представления, как представления о масштабной относительности частных наук, об отсутствии редукционизма между онтологиями частных наук, об отсутствии фундаментального уровня описания реальности и т.д., то есть схватывает фундаментальные черты научного знания в том же самом смысле, как когда-то идея верификационизма зафиксировала ключевой момент, связанный с его обоснованием.

Н. Нэлкин говорит, что «Деннет – шизофреник... он убежден, что элементы Реализма и Инструментализма могут сосуществовать непротиворечиво» [Nelkin, 1994. Р. 56], Р. Рорти, естественно, отмечает, что «привязать реальность к существованию паттерна, – это не более чем привязать термин “реальный” к любому паттерну, который помогает структурировать и понимать мир» [Rorty, 1993. Р. 195]². На наш взгляд, «добавление» к концепции Д. Деннета соответствующим образом интерпретированной концепции устанавливающих истину существенно усилит «метафизический путь (path) обоснования статуса абстрактных объектов» [Dennett, 1991. Р. 28]. Естественно, все, что касается реализма (объективность паттернов, независимость от деятельности сознания, существование за пределами «наблюдаемого» и т. д.), будет продиктовано выбранной онтологической моделью. Несмотря на то что ряд исследователей считает концепцию устанавливающих истину необходимым элементом реализма, например, как пишет Д. Армстронг: «я надеюсь, что философы-реалисты будут привлечены идеей, что истина, чтобы быть истиной, должна зависеть от чего-то “внешнего”» [Armstrong, 2004. Р. 7], Дж. Хэйл называет концепцию устанавливающих истину «центральным тезисом реализма» [Heil, 2003. Р. 61], – реалистская интерпретация концепции устанавливающих истину будет требовать соответствующего понимания «внешнего», «истины» «реализма» и т. д. В то же время сама идея того, что мы можем дополнить реалистскую онтологию соответствующей интерпретацией взаимосвязи между пропозицией, схватывающей утверждение о существовании реального паттерна, и «внешним» объектом, как нельзя лучше показывает, что реалистская интерпретация концепции Д. Деннета не является случайной и искусственной.

Ниже мы отдельно остановимся на основных объектах и конструктивных особенностях «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу, приведем предлагаемое им решение проблемы устанавливающих истину и интерпретируем его в онтологии Д. Деннета. Наш тезис заключается в том, что расширение концепции реальных паттернов Д. Деннета за счет «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу приводит к тому, что онтология Д. Деннета не только получает удовлетворительную реалистскую интерпретацию решения проблемы устанавливающих истину, но и дает воз-

² В предыдущих работах (см.: [Головкин, 2017а; 2017б]) мы уже касались реалистской и инструменталистской «частей» концепции Д. Деннета, в частности, отвечали на вопрос, почему концепция Д. Деннета может служить основанием для построения хорошей концепции научного реализма. Это важно для понимания того, что сделали Д. Росс и Дж. Лэдимен, в каком смысле они могли использовать концепцию Д. Деннета как основание для построения реалистской концепции, не разрывая связь с традицией, при том что Д. Деннет открыто принимает «естественную онтологическую точку зрения» А. Файна и семантические взгляды Д. Дэвидсона, а сама концепция «реальных паттернов» вполне допускает «релятивистскую» трактовку Р. Рорти.

возможность в хорошем реалистском ключе ответить определению научного реализма М. Девицта.

Предварительные замечания

Представление о том, что истинность пропозиции, т. е. «то, что утверждается», и онтология, т. е. «то, что есть», должны быть как-то связаны, является интуитивно ясным. Концепция устанавливающих истину, в определенном смысле, возвращает нас к Платону – то, что истинно, должно быть укоренено в том либо зависеть от того, «что есть». Истинная пропозиция является истинной в силу того, что существует устанавливающее истину. Более того, существование устанавливающего истину объясняет, почему данная пропозиция истинна. Как отмечает Б. Смит: «Ключевое допущение, касающееся устанавливающего истину, – это *требование онтологического объяснения*, когда постулированные онтологические объекты будут объяснять [истинность] пропозиции заданного типа» (курсив автора. – Н. Г.) [Smith, Simon, 2007. Р. 88]. Ниже мы будем рассматривать «онтологическое объяснение» в терминах эссенциальной зависимости между пропозицией и устанавливающим истину, а также будем понимать истинность как формальный онтологический предикат в рамках «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу (см: [Lowe, 2006; 2009]). Другой важный момент, который подчеркивает Б. Смит, – тип пропозиции, которую мы рассматриваем. Например, мы знаем, что для пропозиции, чья истинность обоснована логической необходимостью, никакого «онтологического объяснения», кроме самой этой пропозиции, не требуется. Ниже мы рассмотрим пропозиции, которые схватывают утверждения о существовании реальных паттернов в онтологии Д. Деннета. Особенность последних заключается в том, что они контингентные (не являются ни с необходимостью истинными, ни с необходимостью ложными), по сути – эмпирические «утверждения о возможном». Проблема заключается в том, что концепция устанавливающих истину без соответствующих дополнений не в полной мере подходит для объяснения истинности пропозиций, которые выражают содержание контингентных утверждений. Достаточно большое число сторонников концепции устанавливающих истину (см: [Cameron, 2018]) настаивают на том, что отношение установления истины должно выполняться с необходимостью – если объект делает пропозицию истинной, то невозможно, чтобы объект существовал, а пропозиция была ложной. Более того, не все согласны с тем, что если истинность пропозиции укоренена в объекте, то для такого отношения «укоренения истинности» будет выполнена аксиома транзитивности, которая является одной из ключевых для отношения укоренения как такового (см.: [Tahko, 2013]). Однако, на наш взгляд, большую часть этих и других проблем

концепции устанавливающих истину можно обойти, приняв соответствующую онтологическую концепцию.

Естественно, говоря о возможной реалистской интерпретации концепции устанавливающих истину, нужно заранее очертить область устанавливающих истину и соответствующих им истин, относительно которых мы хотим быть реалистами. Почему эссенциальная трактовка отношения установления истины будет отвечать нашим целям построения хорошей концепции научного реализма? Определим научный реализм по М. Девитту как представление о том, что «индивидуальные представители (*tokens*) большинства типов (*types*) ненаблюдаемых физических объектов, установленные современной наукой, существуют объективно, независимо от сознания» [Devitt, 1997. Р. 24]³. Отметим, что в метафизическом (а не в инструментальном) плане научный реализм это не просто концепция, обосновывающая онтологический статус объектов, постулируемых успешными научными теориями, – с этим хорошо справляется сама наука. Уверенность в том, что бозон Хиггса существует, что существовали виды динозавров, которые были покрыты перьями, а Вселенная на раннем этапе развития расширялась немонокотонно, – это должным образом обоснованные научные результаты. Научный реализм – это метафизическая концепция, интерпретирующая содержание научного знания именно с метафизических позиций. Мы говорим «электрон существует» не потому, что нам так говорят ученые, а потому что у нас есть философская теория, которая интерпретирует «электрон» как объект объективной реальности, как если бы электрон существовал «на самом деле». В этом смысле надлежащим образом интерпретированная концепция устанавливающих истину будет играть здесь одну из ключевых ролей, – объясняя онтологическую зависимость между утверждением о существовании электрона (его характеристиках, поведении и т. д.) и объективной реальностью. Не вдаваясь в дискуссию относительно «индивидуальных представителей» и «типов» в определении М. Девитта, отметим, что в определенной перспективе их отношение можно рассматривать как отношение «партикулярий»

³ На наш взгляд, именно такое несемантическое определение научного реализма больше всего отвечает целям натуралистического проекта в философии науки (см., например: [Головко, 2010; 2011]). Сравните приведенное определение М. Девитта и определение Х. Патнэма, которое он приводит, ссылаясь на Р. Бойда: «Термины [научных теорий] в зрелой науке являются указующими. Законы, о которых говорят теории, принадлежащие зрелой науке, как правило, являются приближенно истинными» [Putnam, 1978. Р. 20], – эти определения принадлежат разным парадигмам. Более того, когда Дж. Лэдимен приводит свое определение: «наша метафизика – это синтез конструктивного эмпиризма, [стандартного, патнэмовского] научного реализма и широко понимаемого верификационизма Пирса... онтический структурный реализм и есть такой синтез» [Ibid. Р. 67], причастность такого определения канону натуралистического проекта не вызывает сомнений.

(*particulars*) и «универсалий» (*universals*)⁴. Как отмечает Дж. Лоу: «достаточно популярна структурная организация онтологических категорий в виде *дерева*, на вершине которого всеохватывающая категория *сущности* (being) или *объекта* (entity) [категория объект распадается на две категории – универсалий и партикулярий]. Я думаю, что такая классификация является *кросс-категориальной* по своей природе [объект, универсалия, партикулярия не являются фундаментальными онтологическими категориями]. То, что отличает одну [фундаментальную] онтологическую категорию от другой, это особенные характеристики *условий существования и идентичности* объектов, принадлежащих этим категориям, – те отличия, которые мы можем описать в терминах *онтологической зависимости*. ... В моей онтологии четыре *фундаментальные* онтологические категории: *объекты* (objects, individual substances), *типы* (kinds, substantial universals), *атрибуты* (attributes, property universals) и *моды* (modes), две из них можно классифицировать как относящиеся к партикуляриям [объект, мода], две – к универсалиям [тип, атрибут]. Примером реализации этих категорий будут следующие объекты: данное зеленое яблоко (объект); фрукт сорта Грэнни Смит (тип); зеленый цвет (атрибут); зеленый цвет именно этого яблока (мода)» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2011. Р. 110–112]. Не вдаваясь в детали, отметим, что, во-первых, сам Дж. Лоу интерпретирует эти онтологические категории исключительно в реалистском ключе, в аристотелевском духе: «*индивидуальные субстанции* онтологически более фундаментальны, чем объекты, принадлежащие другим онтологическим категориям, поскольку они и составляют основу всего сущего» (курсив автора. – Н. Г.) [Ibid. Р. 123], а во-вторых, Дж. Лоу предлагает оригинальное решение проблемы истинности «контингентных истин»: «Устанавливающее истину для контингентной истины – истину, что это яблоко зеленое – это *мода*, которая является контингентной сущностью (being), в данном случае: *зеленый цвет именно этого яблока*. Яблоко случайно (occurently) репрезентирует (exemplify) атрибут зеленого в силу существования своего частного зеленого цвета: принимая во внимание существование моды, яблоко как ее носитель должно (must) существовать и репрезентировать атрибут зеленое, проявлением (instance) которого является мода. Яблоко должно существовать в силу моды, которая существует, чья идентичность (identity) зависит от яблока. Зеленое должно существовать, поскольку существования любой моды достаточно для существования атрибута, проявлением которого она является. Наконец, яблоко должно случайно *репрезентировать* зеленое, потому что *то, что* для объекта случайно репрезентировать атрибут, значит, что

⁴ См.: Wetzel L. Types and Tokens // E. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/types-tokens/> (дата обращения 07.05.2020).

объект характеризуется модой этого атрибута. Таким образом, *мода* связывает (links) объект с любым атрибутом, который он репрезентирует» (курсив автора. – Н. Г.) [Ibid. P. 124–125]. Вернемся к определению М. Девитта того, что следует понимать под «индивидуальным представителем» и «типом». Например, электрон, который мы локализовали в потенциальной яме, проводя эксперименты по слабой локализации электронов, как «индивидуальный представитель» может соотноситься с четырьмя онтологическими категориями Дж. Лоу следующим образом: *объект* – данный электрон *e*; *тип* – одна из разновидностей фундаментальных физических частиц, в данном случае «электрон»; *атрибут* – энергия, которой обладает электрон; и *мода* – энергия, которой обладает данный электрон⁵. При этом определение типа «электрон» зависит от различных атрибутов, таких как заряд, спин, масса покоя, энергия и т.д., которые вместе и единственным образом характеризуют эту разновидность фундаментальных физических частиц как отличную от других. Следуя Дж. Лоу, устанавливающим истину для утверждения «мы локализовали электрон» будет мода, схватывающая показатель энергии, которой этот электрон обладает сейчас. В данном случае «научная» (мы можем померить этот показатель энергии или любой другой атрибут локализованной частицы и соотнести его с теоретическим представлением о том, поведение какой частица мы наблюдаем) и «философская» (фиксация моды как «частной характеристики», которая характеризует объект и находится с ним в отношении экзистенциальной зависимости, в том смысле, что ее идентичность зависит от объекта, который она характеризует) части аргументации в пользу онтологического статуса наблюдаемого явления фактически дополняют друг друга.

Ниже мы более внимательно рассмотрим понятие «сущность» у Дж. Лоу, приведем предлагаемое им решение проблемы устанавливающих истину и интерпретируем соответствующую роль «интенциональной установки» в нашем понимании онтологии Д. Деннета.

Д. Деннет и эссенциализм Дж. Лоу

Ключевое понятие концепции «серьезного эссенциализма» Дж. Лоу – «сущность» (essence). Как пишет Дж. Лоу: «схватывание сущности сводится к *пониманию реального определения*, т.е. к пониманию *пропозиции* определенного вида» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2012. P. 110]. По мнению Дж. Лоу, каноническим примером определения сущности, который можно найти еще у Б. Спинозы, является определение окружности, как оно дается в современном учебнике геомет-

⁵ См.: Слабая локализация. Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Слабая_локализация/ (дата обращения 07.05.2020).

рии – как геометрического места точек равноудаленных от данной (см.: [Lowe, 2012. Р. 105–106]). При этом отмечается, что «я не настаиваю на том, что мы должны *полностью* схватить *целиком* всю сущность для того, чтобы иметь возможность думать о ней адекватно, так что даже если я не *полностью* схватываю, что такое, скажем, *равноудаленный*, я все еще могу достичь *частичного* понимания, что такое окружность в терминах приведенного реального определения... Схватить сущность есть следствие обращения к интеллектуальной способности, которой мы уже должны осознанно обладать: способности понимать, по крайней мере, некоторые пропозиции, включая те, которые выражают реальные определения» (курсив автора. – Н. Г.) [Ibid. Р. 110]. Приведенная цитата наглядно показывает, что расширение концепции Д. Деннета за счет привлечения серьезного эссенциализма Дж. Лоу может быть оправдано. Более того, рассуждения Дж. Лоу о реальных определениях и способностях субъекта понимать пропозиции, по крайней мере, могут находиться «в той же плоскости», что и рассуждение Д. Деннета о том, что решения о распознавании паттерна определяются прагматическими интересами субъекта и «продиктованы эволюционно обусловленным строением органов чувств... механизмы распознавания паттернов внутренне присущи (*hard-wired*) нашим органам зрения, а также культурной эволюцией» [Dennett, 1991. Р. 36] ⁶.

Отметим еще ряд моментов концепции Дж. Лоу, которые также могут быть полезны при задании реалистской интерпретации проблемы устанавливающих истину в концепции реальных паттернов Д. Деннета. Во-первых: «Все истины о том, что метафизически возможно или необходимо, либо непосредственно являются эссенциальными истинами, либо достигаются в силу сущности вещей... Любая эссенциальная истина *ipso facto* является метафизически необходимой истиной, но не *vice versa*. Если мы можем подтвердить, что частью сущности некоторого объек-

⁶ Естественно, обнаруженное здесь сходство паттернов аргументации Д. Деннета и Дж. Лоу можно интерпретировать разве что как структурное сходство. Мы не настаиваем на том, что все они разделяют одинаковые представления о природе и деятельности сознания. Они оба в методологическом плане могут придерживаться характерного для науки представления о содержании научного знания, что и объясняет это сходство. Д. Деннет может апеллировать к тому, что в эпистемологическом плане, независимо от того, о каком объекте – наблюдаемом или ненаблюдаемом, мы говорим, его определение предшествует обнаружению его существования (бозон Хиггса был предсказан в 1964 году, а открыт только в 2013). Дж. Лоу может апеллировать к необходимости сочетания априорного и апостериорного в научном познании – к соотношению эмпирических данных и теоретической объясняющей схемы. Достаточно посмотреть на то, как мода связана с объектом: «отношение репрезентации (*exemplification*) – это *непрямое* формальное онтологическое отношение между индивидуальной субстанцией и универсалией, которое в то же время может быть *контингентным* в силу вопроса о том, существует ли соответствующая мода» [Lowe, 2009. Р. 212]. Яблоко – контингентный объект, оно репрезентирует, например, универсалию «красное», контингентно – может не репрезентировать эту универсалию вовсе либо только в определенный период своего существования.

та *E* является то, что выполняется *p*, тогда *p* является эссенциальной истиной и метафизически необходимой истиной... Метафизическая необходимость (как и метафизическая возможность) *укоренена в сущности*» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2012. Р. 106]. Соответствующее понимание метафизической необходимости важно, так как позволяет ответить на вопрос об онтологической зависимости между пропозицией и устанавливающим истину. Эта зависимость – метафизическая. В этом смысле апелляция к понятию «сущности» в концепции Дж. Лоу будет гарантировать «объективность», «независимость от сознания» и «познаваемость» модальных истин⁷.

Во-вторых: «Сущность не является объектом... Сущность объекта – это то, *что объект есть*, в том виде, как это раскрывается его реальным определением. Но то, *что E есть*, это не другой объект, отличный от *E*... Мы можем сказать, что *частью сущности* данного объекта *E* является то, что он обладает данным свойством *P*. Но это не дает нам право говорить, что *P* есть часть сущности *E*. Последнее будет предполагать, что сущность *E* есть объект, частью которого является *P*, что отвечает ортодоксальному представлению, что сущность *E* есть множество или сумма таких свойств» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2012. Р. 108]. Влияние Аристотеля на онтологию Дж. Лоу нельзя отрицать, и в данном случае такое понимание сущности дает возможность как отказаться от бесконечного регресса объектов, если мы допустим, что каждый объект имеет сущность как другой объект, так и беспрепятственно рассуждать не только об актуально существующих объектах, но и о несуществующих, таких как драконы, просто схватывая их сущность. Более того, можно отметить, что представление Дж. Лоу о том, что «сущность не является объектом», может быть частью его установки на критику излишнего субстанциирования онтологических категорий. В частности, он рассматривает предикат «истинно» как формальный онтологический предикат: «Мы не можем принять без дополнительных соображений, что предикаты “истинно” и “ложно” выражают подлинные (*genuine*) характеристики объектов, к которым они применяются... Формальные онтологические характеристики и отношения не являются элементами сущего, не включаются в перечень “того что есть”, скорее они вносят вклад, помогая устанавливать, *какова реальность*» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2009. Р. 201–202].

⁷ Как отмечает Дж. Лоу, по вопросу о природе онтологических категорий он «метафизический реалист» (см.: [Lowe, 2011. Р. 109]), что касается познаваемости истин в метафизической модальности: «мы можем знать [истинность некоторых утверждений] в метафизической модальности. Это сама по себе модальная истина, которая достигается в силу нашей сущности как рациональных мыслящих субъектов. И поскольку мы можем схватить свою собственную сущность, – по крайней мере, достаточно хорошо, чтобы знать вышеупомянутую модальную истину о самих себе, – мы знаем, что мы можем знать [истинность некоторых утверждений] в метафизической модальности» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2012. Р. 110].

В том, что касается основной онтологической категории, раскрывающей отношение установления истины, он пишет: «Мода применительно к объекту это “абстракция”, а не его составляющая, это объясняет независимость их идентичности от объекта... мы рассматриваем моды как “аспекты” объекта, к которым мы можем выборочно обратиться (*attend*) мысленно или перцептуально. Эти аспекты объясняют различное поведение разных объектов... Рассуждать по-другому означает незаконно (*illicitly*) гипотезировать моды, принимая их как субстанции, внутренние для объекта, а не частные “способы”, которыми объект существует» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2012. Р. 103].

Вернемся к проблеме устанавливающих истину. Выше, говоря о пропозициях, схватывающих содержание контингентных утверждений по Дж. Лоу, мы отмечали, что устанавливающим истину для пропозиции «это яблоко зеленое» является мода – «зеленый цвет именно этого яблока». Также, исходя из принятого представления о содержании проблемы устанавливающих истину, мы можем сказать, что устанавливающим истину для пропозиции является что-то такое, что удовлетворяет утверждению: частью сущности анализируемой пропозиции является то, что она истинна, при условии, если утверждаемое ею что-то существует. Однако мы не можем просто так объединить эти два представления. Если их объединить, то получим следующее утверждение: частью сущности пропозиции «это яблоко зеленое» является то, что она истинна, если мода – «зеленый цвет именно этого яблока» – существует. И это последнее утверждение нарушает представление Дж. Лоу о контингентном характере связи моды с объектом, поскольку «любая мода, репрезентирующая круглое, будет устанавливающим истину для пропозиции, что это яблоко круглое. Любая мода, репрезентирующая круглое, эссенциально зависит и от яблока, и от универсалии *круглое*. Однако частью сущности этой моды *не* является то, что если пропозиция, что это яблоко круглое, истинна, то *эта* мода существует: это яблоко может быть круглым в силу обладания различными модами круглого» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2006. Р. 205]. Категория «мода» (зеленый цвет именно этого яблока) относится к партикуляриям, а «атрибут» (зеленое) – к универсалиям. Нарушается само представление об эссенциальной зависимости, – мы не можем говорить, что какой-то объект эссенциально зависит от другого в ситуации, когда один существует, а другой – нет. Выход из этого затруднения может заключаться в том, чтобы вместо одной моды, претендующей быть устанавливающим истину, ввести представление о множестве мод, которые будут релевантны друг другу по какому-то признаку, например, – множество мод, репрезентирующих множество проявлений зеленого в яблоке. Вот что пишет Дж. Лоу: «То, что нам нужно, это способ представить вторую часть условного (*biconditional*) утверждения, которое раскрывает суть отношения установления истины: “объект *e*

является устанавливающим истину для пропозиции p если и только если...”. Проблема заключается в том, как следует понимать предложение, которое, на наш взгляд, является этой второй частью: “частью сущности p является то, что p истинно, если e существует”. Отметим, что это проблема только для прочтения этого условного утверждения *справа налево*. Этой проблемы нет, когда мы говорим, что *если* частью сущности p является то, что p истинно, *если* e существует, *то* e является устанавливающим истину для p . Проблема возникает, когда мы говорим обратное, поскольку кажется, что мы допускаем, что частью сущности этой пропозиции является то, что она может соотноситься с объектом, который может не существовать, когда пропозиция существует. Очевидно, что мы должны будем допустить это, если будем полагать, что все пропозиции являются необходимыми, но некоторые из таковых, устанавливающих истину, – нет. Однако точно так же мы должны будем допустить последнее, если, например, мы будем утверждать, что пропозиция существует только тогда, когда существуют все объекты, *относительно которых* она что-то утверждает: если, например, мы будем утверждать, что пропозиция $\langle a \text{ это } F \rangle$ существует только, если существуют оба – a , и F . Поскольку тогда мода F , которой обладает (possess) a , – m не должна существовать, когда эта пропозиция существует, не говоря уже о случаях, когда эта пропозиция *истинна*. Я полагаю, что не существует простого способа решить эту проблему. Однако чтобы не оставлять вопрос нерешенным, я предлагаю альтернативный подход. Вместо того чтобы пытаться разобраться со второй частью вышеупомянутого условного утверждения, чтобы решить вопрос с отношением установления истины, мы можем пойти окольным путем, пытаясь определить подходящий класс устанавливающих истину... Аксиомы [предлагаемой] теории устанавливающих истину могут включать следующие утверждения:

(1) Для любой пропозиции p существует один или несколько типов объектов $E_1, E_2, \dots, E_n$, таких, что для любого i от 1 до n , частью сущности p является то, что p истинно, если существует некоторый объект типа E_i .

(2) Объект e является устанавливающим истину для пропозиции p , если и только если e принадлежит к одному из типов E_i – к тому, который согласно (1) является частью сущности p .

Так, например, m – способ представления универсалии F , которой обладает индивидуальная субстанция a , будет считаться устанавливающим истину для пропозиции $\langle a \text{ это } F \rangle$ в силу следующего. Аксиома (1) выполняется, поскольку тип *способ представления универсалии F , которой обладает a* является именно тем типом, для которого справедливо что, частью сущности пропозиции $\langle a \text{ это } F \rangle$ является то, что эта пропозиция истинна, если существует некоторый объект этого типа. Тогда, по аксиоме (2), m (мода отмеченного типа) является устанавливаю-

щим истину для пропозиции $\langle a \text{ это } F \rangle$ » (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2009. Р. 214–215]. Что такое тип E_i в онтологии Д. Деннета? На наш взгляд, множество соответствующих «релевантных друг другу» устанавливающих истину для контингентных утверждений о существовании реальных паттернов будет задаваться тем, что Д. Деннет именует «интенциональной установкой» – интерпретирующей или интерпретативной перспективой. Как отмечает Д. Деннет, «интенциональная установка – это стратегия предсказания» [Dennett, 1991. Р. 50], но распознавание паттерна, как правило, сопряжено с некоторым уровнем «шума», который будет различать в нашем случае, когда мы говорим об электронах, объективную «физическую» и собственно «интенциональную» перспективы. «Рисунки А–F изображают один и тот же паттерн [по построению]... но некоторым образом случайный “шум” накладывается на актуальное изображение» [Ibid. Р. 31]. Д. Деннет подчеркивает, что паттерны, выделяемые из одного набора данных, даже если это паттерны, репрезентирующие один объект, но различаемые разным уровнем «включенного шума», могут отвечать разным предсказательным стратегиям. В данном случае подбор «релевантных друг другу» устанавливающих истину будет устанавливаться схожими по «предсказательным характеристикам» паттернами, которые продуцируются одной интенциональной установкой, но имеют разный «уровень шума». В онтологии Дж. Лоу, в приведенном выше примере, отвечающем представлению о научном реализме М. Девитта, – устанавливающим истину для утверждения «мы локализовали электрон» будет множество мод, описывающих все промежуточные (между экстремальными, когда явление еще или уже не регистрируется) энергетические состояния электрона в рамках заданной интерпретативной перспективы, и при этом каждой моде будет соответствовать своя предсказательная «кривая поведения» электрона, отвечающая заданной физической интерпретации.

Одна из ключевых особенностей концепции Д. Деннета – возможность различных вариантов метафизической трактовки ее основных онтологических объектов – паттернов. В свое время характерная интерпретация онтологии паттернов в рамках парадигмы онтического структурного реализма помогла Дж. Лэдимену построить концепцию теоретико-информационного структурного реализма (см. [Ladyman et al., 2007]). Однако на этом вопрос о том, какая еще реалистская парадигма (кроме онтического структурного реализма) может в принципе отвечать концепции Д. Деннета, естественно, закрыт не был. Развиваемые здесь представления предполагают, что мы можем интерпретировать концепцию Д. Деннета в рамках четырехкатегориальной онтологии Дж. Лоу. В первую очередь, этот момент интересен тем, что здесь пересекаются, условно, «философский» способ рассуждения об объектах (все, что связано с построениями Дж. Лоу) и «научный» (тот,

который Д. Деннет ставит во главу угла, рассуждая о паттернах). Возможность адекватно в метафизическом смысле интерпретировать истинность пропозиций, схватывающих содержание контингентных утверждений о существовании паттернов, – лучший аргумент в пользу возможности дополнить содержание концепции Д. Деннета метафизикой Дж. Лоу. Более того, это понимание можно усилить. Определения существования объектов научной теории по Дж. Лэдимену и по М. Девитту расходятся. Если определение Дж. Лэдимена в рамках концепции онтического структурного реализма заранее предполагает определенный вид онтологии (структурный реализм), то определение М. Девитта, по сути, может отвечать, любой концепции, которая допускает определяющую роль натурализации, науки и научных представлений в том, что касается онтологических допущений (структурный реализм, естественная онтологическая точка зрения и ее производные, диалектический материализм и т.д.). Пример того, что решение проблемы устанавливающих истину в рамках уже расширенной за счет метафизики Дж. Лоу концепции Д. Деннета укладывается в определение М. Девитта, на наш взгляд, только усиливает гипотезу, что концепция Д. Деннета может быть основанием для построения концепций научного реализма, развивающихся не только в парадигме структурного реализма.

Список литературы / References

- Головко Н. В.** Дж. Лэдимен и Дж. Лоу: паттерны, сущность и установление истины // Сиб. филос. журн. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77.
Golovko N. J. Ladyman and E. J. Lowe: Patterns, Essence, and Truthmaking. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 63–77. (in Russ.)
- Головко Н. В.** О Д. Деннете и паттернах: Р. Рорти, М. Девитт и реализм // Сиб. филос. журн. 2017а. Т. 15, № 1. С. 35–48.
Golovko N. On D. Dennett and His Patterns: R. Rorty, M. Devitt, and Realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 1, p. 35–48. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Еще раз о Д. Деннете и паттернах: Г. Рейхенбах, Дж. Хогеланд и новый эмпиризм // Сиб. филос. журн. 2017б. Т. 15, № 2. С. 53–67.
Golovko N. On D. Dennett and His Patterns Again: H. Reichenbach, J. Haugeland, and a New Empiricism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 53–67. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Натуралистический поворот: современная наука и метафизика // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2011. Т. 9, № 3. С. 30–36.
Golovko N. Naturalistic Turn: Contemporary Science and Metaphysics. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2011, vol. 9, no. 3, p. 30–36. (in Russ.)

- Головкин Н. В.** Натуралистический поворот: первичность метафизики // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Т. 8, № 4. С. 33–38.
- Golovko N.** Naturalistic Turn: Putting Metaphysics First. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2010, vol. 8, no. 4, p. 33–38. (in Russ.)
- Armstrong D.** Truth and Truthmakers. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2004.
- Cameron R.** Truthmakers. In: Glanzberg M. (ed.). *The Oxford Handbook of Truth*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2018.
- Dennett D.** Real Patterns. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88, p. 27–51.
- Devitt M.** Realism and Truth. Princeton, NJ, Princeton Uni. Press, 1997.
- Heil J.** From an Ontological Point of View. Oxford, Clarendon Press, 2003.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford, Oxford Uni. Press, 2007.
- Lowe E. J.** The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006.
- Lowe E. J.** An Essentialist Approach to Truth-Making. In: Lowe E. J., Rami A. (eds.). *Truth and Truth-Making*. Acumen Publishing Ltd, 2009, p. 201–216.
- Lowe E. J.** Ontological Categories: Why Four are Better than Two. In: Cumpa J., Tegtmeier E. (eds.). *Ontological Categories*. Ontos Verlag, 2011, p. 109–126.
- Lowe E. J.** Essence and Ontology. In: Novak L., Novotny D., Sousedik P., Svoboda D. (eds.). *Metaphysics: Aristotelian, Scholastic, Analytic*. Ontos Verlag, 2012, p. 93–111.
- Nelkin N.** Patterns. *Mind and Language*, 1994, vol. 9, no. 1, p. 56–87.
- Putnam H.** Meaning and the Moral Sciences. London, Routledge & Kegan Paul, 1978.
- Rorty R.** Holism, Intrinsicity and the Ambition of Transcendence. In: Dahlbom B. (ed.). *Dennett and his Critics*. Oxford, Blackwell, 1993, p. 184–202.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In: Brook A., Ross D., Thompson D. (eds.). *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA, MIT Press, 2000, p. 147–168.
- Smith B., Simon J.** Truthmaker Explanations. In: Monnoyer J.-M. (ed.). *Metaphysics and Truthmakers*. Ontos Verlag, 2007, p. 79–98.
- Tahko T.** Truth-Grounding and Transitivity. *Thought: A Journal of Philosophy*, 2013, vol. 2, no. 4, p. 332–340.

Материал поступил в редколлегию

Received

18.04.2020

Сведения об авторе / Information about the Author**Головко Никита Владимирович**

доктор философских наук, доцент

¹ заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки
Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

² ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Nikita V. Golovko

Doctor of Sciences (Philosophy)

¹ Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

golovko@philosophy.nsc.ru

УДК 165.12

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84

Эпистемическое обоснование: деонтологические аспекты

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье анализируется проблематика эпистемических обязательств – от постановки вопроса об их существовании как обязательств особого рода до обсуждения границ таких обязательств и пределов ответственности эпистемического субъекта. Особое внимание уделено рассмотрению эпистемического поведения, выходящего за рамки «должного». Описаны основные характеристики и примеры такого поведения, сделан вывод о необходимости блокировать или существенно уточнять императивы эпистемической рациональности, которые требуют действий, хотя и похвальных с точки зрения привычной эпистемической нормативности, но выходящих за рамки эпистемически должного.

Ключевые слова

эпистемические обязательства, эпистемический субъект, пределы ответственности, сверхдолжное, нормативность, рациональность

Для цитирования

Шевченко А. А. Эпистемическое обоснование: деонтологические аспекты // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 75–84. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84

Epistemic Justification: Deontological Aspects

A. A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the problems related to the philosophical analysis of epistemic duties – ranging from doubts about their existence as duties of a special kind to discussing the boundaries of such obligations and the limits of responsibility of the epistemic subject. Special attention is paid to the consideration of epistemic behavior that goes beyond the "call of duty", supererogatory actions. The paper describes the main characteristics and examples of such behavior and makes a conclusion about the need to block or substantially clarify the imperatives of epistemic rationality, which require actions, although commendable from

© А. А. Шевченко, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

the point of view of standard epistemic normativity but lying beyond the scope of what is epistemically due.

Keywords

epistemic duties, epistemic subject, limits of responsibility, supererogatory, normativity, rationality

For citation

Shevchenko A. A. Epistemic Justification: Deontological Aspects. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 75–84. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84

Трудности, связанные с традиционным определением знания как обоснованного истинного мнения хорошо известны. В частности, проблема Геттиера высветила ситуации, в которых истина оказывается делом случая. Многочисленные попытки дополнить трехчастное определение знания некоторым дополнительным элементом оказались не слишком удачными, анализ см. в [Демин, 2020]. Более того, ряд исследователей пришел к выводу о принципиальной невозможности устранить такую случайность, показав, что при незначительной модификации исходных условий любая ситуация может быть представлена как ситуация Геттиеровского типа, например [Zagzebski, 1994]. Одним из следствий стал перенос акцента с анализа истины на процедуры обоснования в эпистемологии. При этом очевидно, что поиски некоторой идеальной или «хорошей» процедуры предполагают разговор на языке «должного». Так, в эпистемологии добродетелей речь идет о требованиях как к процессу эпистемического обоснования, так и к познающему субъекту (наличие у него таких качеств, как ответственность, беспристрастность, интеллектуальное мужество и др.).

Первый вопрос, таким образом, состоит в том, насколько корректно вообще говорить об эпистемических обязательствах, т. е. об обязательствах верить, не верить во что-то или воздерживаться от суждения. Нужно оговориться, что резоны принимать или не принимать нечто на веру бывают не только эпистемическими. Может существовать, например, моральное обязательство поверить словам друга, или обязательство благоразумия (пруденциальное) – довериться советам врача. Собственно же эпистемические обязательства принимать или не принимать нечто на веру – это обязательства, основанные на эпистемических соображениях, главным из которых обычно считаются имеющиеся свидетельства «за» или «против» некоторого мнения или суждения. И, конечно, если речь идет о деятельности эпистемического субъекта, то существенно важна и цель такой деятельности – стремление придерживаться истинных убеждений и воздерживаться от ложных. Казалось бы, это стандартные, исходные положения научной этики. Тем не менее, некоторые философы оспаривают само существование эпистемических обязательств.

Одной из первых современных работ, вызвавших многочисленные дискуссии на эту тему, стала статья У. Алстона [Alston, 1998], основанная на аргументе «от контроля», который стал уже стандартным не только в эпистемологии, но и в философии сознания, в дискуссиях о свободе воли. Его аргументация следующая: любые деонтологические требования к эпистемическому обоснованию имеют смысл лишь в том случае, если у нас есть некоторая свобода действий – принимать или не принимать нечто на веру. Другими словами, мы предполагаем, что мы имеем сознательный, произвольный контроль (*voluntary control*) над нашими эпистемическими установками. Автор здесь апеллирует к известному принципу «долженствование предполагает возможность» (*ought implies can*), согласно которому говорить об обязательности какого-то действия можно лишь в том случае, если это действие может быть выполнено [Alston, 1998. Р. 4]. Но поскольку мы не властны над нашими мнениями и убеждениями (не в состоянии произвольно поверить или разувериться в чем-то), то и сам разговор об эпистемических обязательствах некорректен. Проблема сознательного (произвольного) контроля чаще рассматривается с ретроспективной точки зрения – как проблема определения ответственности за совершенное действие (см., например, начало третьей книги «Никомаховой этики» Аристотеля). Для нас эта проблема важна и в перспективе будущего: как возможность приписывания обязательств эпистемическому субъекту.

Можно попытаться обойти эту проблему, один из способов предложен Фельдманом [Feldman, 2001], его анализ см. в [Шевченко, 2019]. Фельдман полагает, что эпистемическое обязательство представляет собой разновидность ролевого обязательства. Мы принимаем его, находясь в роли «верящего» (*“believer”*). Ролевые обязательства не предполагают произвольного или сознательного контроля. Такое обязательство аналогично обязательству родителя заботиться о своих детях или обязательству учителя объяснять материал. Тот факт, что родитель или учитель далеко не всегда могут хорошо исполнять эти обязательства, не отменяет сам факт их наличия. Используя эту аналогию, можно предположить, что эпистемические обязательства, таким образом, требуют от нас корректного исполнения нашей роли в качестве «верящего», точнее, работающего с верованиями эпистемического субъекта. В этом случае мы фактически применяем оценку на «должное» не к мнениям, а действиям субъекта и обходим, таким образом, проблему сознательного контроля над нашими мнениями или убеждениями. Действия эпистемического субъекта – это действия по формированию истинных мнений. Любой, кто вовлечен в эту деятельность, должен делать то, что правильно. В данном случае это, например, предполагает то, что эпистемический субъект должен основываться на фактах и свидетельствах, а не на своих желаниях или страхах [Feldman, 2001].

Р. 88]. Если мы принимаем такое решение, то дальше можно переходить к стандартным дискуссиям в эпистемологии добродетелей о требованиях к процессу и субъекту познания.

Возражение здесь может состоять в том, что все такие «ролевые обязательства» на самом деле представляют собой разновидность обязательств моральных, в то время как приписывание особых обязательств – родительских, педагогических и прочих предполагает каждый раз существование отдельного и специфического источника нормативности. Такое умножение сущностей может показаться недостаточно обоснованным. Этот контраргумент прежде всего апеллирует к методологическому требованию простоты – поскольку наша объяснительная схема будет проще без эпистемических обязательств, нам следует от них отказаться. Однако в возражениях против «ролевого» подхода к объяснению эпистемических обязательств используются примеры, в которых центральная интенция действия заключается в заботе или помощи другому человеку: родителя – ребенку, учителя – ученику, врача – пациенту. Неудивительно, что такие случаи относительно легко интерпретировать как случаи морального отношения, что и позволяет обойтись без постулирования многочисленных «специальных» обязательств. Но даже в этих случаях не все такие ролевые обязательства легко интерпретировать как обязательства моральные. Так, если обязательство родителя заботиться о здоровье ребенка достаточно легко истолковать как моральное, то для обязательств, более «удаленных» от непосредственной заботы (например, обязательство посетить спортивный матч или школьный спектакль с участием ребенка) более убедительным может выглядеть объяснение через обязательство ролевого типа, в данном случае – «родительского». Так что ролевое объяснение не является простым избыточным удвоением обязательств, а помогает понять нечто специфическое по поводу отношений между субъектами определенного типа (в частности, родителями и детьми). Концептуальная экономия в данном случае не выглядит уместной.

Встречались и другие попытки погрузить эпистемическое долженствование в зону морального. Аргументация опиралась на постулаты инструментальной рациональности. Основная идея здесь заключается в том, что при прочих равных условиях следует делать то, что с наибольшей вероятностью пойдет на пользу людям [Wrenn, 2012. Р. 122]. Отсюда делается вывод о том, что следование постулатам эпистемической рациональности (таким, например, как учет фактов и имеющихся данных в поддержку того или иного мнения) может трактоваться как часть более общей аргументации утилитаристского толка.

Действие считается обоснованным не тогда, когда оно является наилучшим или желательным, а когда оно допустимо с точки зрения какой-то принятой системы принципов. Соответственно, поскольку эпистемическое обоснование сохра-

няет ориентацию на истину, то обоснованным то или иное мнение может считаться в том случае, если оно не нарушает некоторой системы базовых принципов, например, обобщение может считаться обоснованным лишь тогда, когда имеется достаточная индуктивная поддержка. Говоря о том, что у некоторого субъекта есть основания придерживаться определенного мнения, мы имеем в виду, что, в слабом смысле, отсутствуют какие-либо правила или принципы, которые бы ему это запрещали. Более сильный вариант – утверждение о том, что имеющиеся основания обязывают его придерживаться этого мнения.

Если мы признаем наличие эпистемических обязательств как обязательств особого рода и эпистемической ответственности познающего субъекта, то возникает вопрос о границах такой ответственности, о пределах эпистемически должного. Здесь снова очевидна аналогия с этической проблематикой. Действия, выходящие за рамки должного, широко обсуждаются в моральной философии. Обычно примеры включают ссылки на ставшую уже классической статью «Святые и герои» [Urmson, 1958], поэтому часто они воспринимаются как действия редко встречающиеся. Сама категория была предложена для разрешения одного затруднения в классификации моральных действий. В стандартной классификации моральных действий они подразделяются на запрещенные, обязательные (должные) и безразличные с моральной точки зрения. Однако многие действия не являются ни морально запрещенными, ни морально обязательными. При этом и безразличными их никак назвать нельзя, так как обычно они получают очень высокую моральную оценку. В качестве стандартных примеров – действия святых и героев, но на самом деле в эту категорию попадает и целый ряд вполне тривиальных действий. Так, например, дополнительное внимание к человеку, уделенное ему время часто, строго говоря, не являются обязательными и поэтому их уже можно трактовать как действия, выходящие за рамки должного. Обращает внимание, что сама категория сверхдолжного возникла благодаря совмещению двух классификационных шкал: первая включает деонтические категории морально должного, морально запрещенного и вторая – оценочная шкала с оценками действий от наихудшего до наилучшего.

Соответственно, морально сверхдолжные действия – это такие, которые не являются ни запрещенными, ни требуемыми с точки зрения моральной теории. Они опциональны, произвольны. Эту же схему можно применить и к анализу поведения познающего субъекта в эпистемологии. Тогда эпистемически «сверхдолжное» действие так же не будет являться ни запрещенным, ни обязательным, и в то же время находиться выше на оценочной шкале других возможных действий в данной ситуации. Так, А. Плантинга в связи с этим говорит о необходимости «сверх-

должного усилия», которое является условием эпистемического совершенства (*epistemic excellence*) [Plantinga, 1986. P. 7].

Рассмотрим пять типовых примеров сверхдолжных действий в сфере эпистемического обоснования, предложенные Хедбергом см. [Hedberg, 2014]. В первом примере некто периодически проверяет, не забыл ли он пин-код своей кредитной карточки, хотя он никогда не совершал ошибок при его вводе и у него есть все разумные основания полагать, что он его помнит. Это действие соответствует всем условиям сверхдолжного действия – оно не является обязательным, оно не запрещено и оно похвально с эпистемической точки зрения, так как помогает этому человеку удерживать полезную для него информацию (истинное мнение). Даже если заменить в этом примере полезную информацию на совершенно бесполезную, то все равно такое поведение останется эпистемически «похвальным», так как помогает поддерживать истинность мнения или убеждения. Однако критиковать его можно не только с точки зрения благоразумия, по пруденциальным основаниям, но и с позиции «эпистемической перегрузки». Как отмечает Тидмэн, «...учитывая ошеломляющее количество новых верований, которые мы приобретаем каждый день, такие героические усилия выходят за пределы того, чего требует разумная концепция эпистемических обязательств» [Tidman, 1996. P. 270]. Конечно, у нас сохраняется обязанность удерживать и проверять наиболее важные или спорные верования, но наши эпистемические обязательства не могут распространяться на все имеющиеся у нас верования хотя бы в силу невозможности обработки такого огромного количества информации.

Второй пример сверхдолжного действия аналогичен первому, но касается уже критической рефлексии, т.е. не широты охвата, а «глубины» работы с имеющимися мнениями. В принципе похвально подвергать такой рефлексии, например, мнения, подсознательно приобретенные в течение дня, включая самые тривиальные. Такая рефлексия может помочь отсеять истинные мнения от ложных, но вряд ли, конечно, можно считать такие упражнения эпистемически должными. Постоянная критическая рефлексия над собственными верованиями и невозможна, и вряд ли разумна. Здесь помимо той же опасности «эпистемической перегрузки» можно апеллировать и к недостаткам «максимизирующей» модели рациональности, о чем пойдет речь ниже.

Третий пример описывает подготовку к научному диспуту. После прочтения десятка статей по теме участник сформировал определенную позицию и усвоил основные аргументы, необходимые для ведения дискуссии. Однако он продолжает изучать все новые и новые материалы, что представляется избыточным для достижения поставленной цели. Здесь сверхдолжное понимается как поведение, не-

обязательное с точки зрения инструментальной рациональности – неоптимальное с точки зрения соотношения цели и средств ее достижения.

Четвертый пример касается количественного требования, которое нередко обращено к эпистемическим субъектам – «стремиться увеличивать количество обоснованных истинных мнений и уменьшать количество ложных». Некто, в ущерб другим видам досуга, каждый вечер уделяет значительную часть свое времени чтению энциклопедии, в попытке сформировать какое-то новое и обоснованное мнение. Опять же, это не запрещено, это похвально, но вовсе не обязательно, т. е. также находится за пределами эпистемически должного. В качестве последнего, пятого, примера такого действия автор приводит пример исследователя, который сталкивается с некоторой физической теорией за пределами его компетенций. Не удовлетворяясь консенсусом авторитетных ученых, он начинает самостоятельно исследовать эту теорию. И снова, скорее всего, такое поведение можно считать эпистемически похвальным, но вряд ли оно является эпистемически должным.

Все эти примеры имеют целью продемонстрировать поведение, которое мы интуитивно воспринимаем как эпистемически сверхдолжное. Как объяснить такие интуиции? Представляется, что возможным подходом будет обращение к концепции «удовлетворяющей рациональности» (*satisfying rationality*), которая представляет собой альтернативу стандартной для инструментальной модели идеи рациональности как максимизации. В таком случае рациональным будет отвергать такие эпистемические требования (подобные приведенным выше), которые требуют от нас действий, выходящих за эти пределы. Концепция «удовлетворяющей рациональности» была предложена Г. Саймоном как альтернатива идее максимизации, преобладающей в инструментальных концепциях рациональности. В основе ее лежит мысль о том, что, в отличие от представлений классической экономики, люди не стремятся максимизировать исход определенного действия (так как они не в состоянии воспринять и усвоить всю необходимую для этого информацию). Даже если такое и было бы возможно, то мозг не смог бы всю эту информацию обработать по причине естественных «когнитивных ограничений».

Поэтому люди в самых разных ситуациях удовлетворяются не наилучшим, а «достаточно хорошим», тем, что удовлетворяет поставленной цели. В процессе ее реализации люди рассматривают последовательность альтернатив и, когда они достигают той, которая оказывается достаточной, они ее принимают. Такое поведение не обязательно является оптимальным, но, по мнению Г. Саймона, именно так люди ведут себя в реальной жизни. Более того, последовательное стремление к максимизации может оказаться не только неоптимальным, но и контрпродуктивным. В пример такого противоразумного поведения нередко приводят старуху из сказки А. С. Пушкина о рыбаке и золотой рыбке. Такую удовлетворяющую мо-

дель можно применить и к эпистемическим обязательствам. Можно предположить, что аналогичным образом люди обычно ведут себя не только в практических, но и эпистемических контекстах. Различение этих двух моделей рационального поведения (удовлетворяющей и максимизирующей) позволяет лучше понять различия между требованиями строгой нормативности и рациональности [Карпович, Шевченко, 2013]. В первом случае мы рассматриваем некоторое идеальное положение дел, постулируя открытость информации для эпистемического субъекта, его неограниченные когнитивные возможности и т. д. В случае требований эпистемической рациональности мы имеем в виду реальное положение дел, прощая эпистемическому субъекту неизбежные когнитивные ограничения.

Еще одна возможность, ослабить жесткую нормативность и выйти из зоны «сверхдолжного» – это рассматривать эпистемические обязательства не как обязательства *prima facie*, какими они представлены в вышеприведенных пяти примерах, а фактически как обязательства *ultima facie*, т. е. с учетом всех соображений (*all things considered*). В таком случае эпистемическое обязательство будет включать не только эпистемическое «ядро», но также и моральные и пруденциальные соображения. Такая позиция представлена, в частности, в [Booth, 2012]. Автор полагает, что поскольку наши мнения и верования подвержены не только эпистемическим ограничениям, то, соответственно, и эпистемические обязательства не могут определяться исключительно ими. Он считает, что эти нормативные соображения самого разного рода составляют одно простое долженствование (*ought*). Против такого подхода есть немало аргументов, прежде всего тот, что такое «схлопывание» самых разных источников нормативности в одно простое обязательство неизбежно будет требовать дальнейших детализаций и уточнений. С другой стороны, можно надеяться, что такой реалистичный баланс нормативных (и, возможно, разнонаправленных) сил позволит снять или ослабить проблему эпистемических обязательств, выходящих за рамки долга.

Кроме того, можно рассматривать проблематику эпистемически сверхдолжного не с точки зрения отдельных эпистемических императивов подобным выше, но и с позиции эпистемических возможностей познающего субъекта. Принцип “*ought implies can*” связывает наши обязательства и возможности. Если мы будем рассматривать проблематику эпистемических обязательств с этой точки зрения, принимая во внимание неизбежные когнитивные ограничения конкретных людей, то принцип «долженствование предполагает возможность» очевидным образом будет ограничивать сферу действия эпистемических обязательств. Так, имея доступ к одним и тем же эмпирическим данным, Шерлок Холмс и доктор Ватсон обладают разными познавательными способностями и, если придерживаться формулы

«должен – значит можешь» и, соответственно, «не можешь – значит не должен», то различными будут и их индивидуальные зоны эпистемически должного.

Список литературы / References

- Демин Т. С.** Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 56, № 3. С. 58–75.
- Demin T.** Problema Gettier: chto delat s golovolomkoi analiticheskoi epistemologii? [The Gettier problem: what to do with the conundrum of analytic epistemology?]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2020, vol. 56, no. 3, p. 58–75. (in Russ.)
- Карпович В. Н., Шевченко А. А.** Рациональность и нормативность, вера и знание // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 16–23.
- Karpovich V., Shevchenko A.** Ratsionalnost i normativnost, vera i znanie [Rationality and Normativity, Belief and Knowledge]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 16–23. (in Russ.)
- Шевченко А. А.** О нормативных следствиях одной импликации // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 29–40.
- Shevchenko A.** On normative consequences of one implication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 29–40. (in Russ.)
- Alston W.** The deontological conception of epistemic justification. *Philosophical Perspectives*, 1988, no. 2, p. 257–299.
- Booth A.** All things considered duties to believe. *Synthese*, 2012, vol. 187, no. 2, p. 509–517.
- Feldman R.** Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. In: Steup M. (ed.). *Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue*. New York, Oxford, 2001, p. 77–92.
- Hedberg T.** Epistemic supererogation and its implications. *Synthese*, 2014, vol. 191, no. 15, p. 3621–3637.
- Plantinga A.** Epistemic Justification. *Noûs*, 1986, vol. 20, no. 1, p. 3–18.
- Tidman P.** Critical Reflection: An Alleged Epistemic Duty Source. *Analysis*, 1996, vol. 56, no. 4, p. 268–276.
- Urmson J.** Saints and Heroes. In: Melden A. I. (ed.). *Essays in Moral Philosophy*. Uni. of Washington Press, 1958, p. 198–216.
- Wrenn Chase B.** Why There Are No Epistemic Duties. *Dialogue*, 2012, no. 46, p. 115–136.

Zagzebski L. The Inescapability of Gettier Problems. *Philosophical Questions*, 1994, vol. 44, p. 65–73.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевченко Александр Анатольевич

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Aleksandr A. Shevchenko

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru

УДК 165.12

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97

Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель

К. Г. Фролов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению интеллектуальной честности как одной из возможных интеллектуальных добродетелей. Также в этом контексте проблематизируется и противоположное понятие – интеллектуальной нечестности. При этом особо оговаривается, что интеллектуальная нечестность не влечет за собой с необходимостью нечестность в моральном смысле, но лишь характеризует заинтересованность исследователя в определённом исходе его изысканий, так или иначе влияющую на характер его действий. Анализируемая проблема при этом ставится следующим образом: почему, хотя у нас имеются все основания полагать интеллектуальную честность весьма желательной для исследователя, подобное требование отнюдь не является строго обязательным? В ходе анализа предъявляется ряд свидетельств в пользу того, что интеллектуальная нечестность познающих агентов, хотя и негативно влияет на их *личные* способности постигать истину, тем не менее нередко может способствовать достижению истины на *коллективном* уровне как результата их мотивированного противоборства.

Ключевые слова

эпистемология добродетелей, интеллектуальная честность, интеллектуальные добродетели, мета-философия, аргументация

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Для цитирования

Фролов К. Г. Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 85–97. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97

Intellectual Integrity as Intellectual Virtue

K. G. Frolov

St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»

St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

In this paper, I examine intellectual integrity as one of the possible intellectual virtues. I also try to investigate the opposite notion, intellectual dishonesty. I conclude that intellectual dishonesty does not necessarily entail dishonesty in the moral sense, but just presupposes that an agent has her interest in a certain outcome of her research and that it influences her actions. The analyzed problem then looks as follows: on the one hand, we have every reason to believe that intellectual integrity is desirable for a researcher; on the other hand, this requirement is not strictly necessary. Why? I show that although intellectual dishonesty negatively affects an agent's personal ability to comprehend the truth, it can contribute to the achievement of the truth at the social level. We get such an outcome as a result of the confrontation of such motivated agents.

Keywords

virtue epistemology, intellectual integrity, intellectual virtues, metaphilosophy, argumentation

Acknowledgements

The study was supported by RFBR (research project no. 20-18-00158 "Formal Philosophy of Argumentation and Integrated Methodology of the Search and Selection of Dispute Solutions")

For citation

Frolov K. G. Intellectual Integrity as Intellectual Virtue. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 85–97. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97

Эпистемология добродетелей представляет собой раздел философского знания, в рамках которого исследуется спектр потенциальных личных качеств познающего субъекта на предмет их содействия обретению истины. Само обладание субъектом некоторыми такими личными качествами даёт ему ощутимые преимущества при поиске истины по сравнению с теми индивидами, у которых эти качества отсутствуют. Тем самым проблематика эпистемологии добродетелей выводит нас из теоретической плоскости в практическую – это происходит тогда, когда мы, например, задаемся вопросом о методах и техниках воспитания (взрачивания) в субъектах тех или иных интеллектуальных добродетелей [Каримов, Казакова, 2014].

Такое личностное измерение отличает проблематику эпистемологии добродетелей от традиционных задач эпистемологии: поиска критериев различения знания и мнения, исследования методов познания на предмет их достоверности и границ применимости и множества иных вопросов, в рамках которых специфика и индивидуальность всякого познающего субъекта игнорируются. Однако такое

игнорирование хотя и остаётся традиционно увязываемым со стандартами объективности, всё же не является обязательным с методологической точки зрения. В самом деле, совокупность индивидуальных качеств субъекта, рассмотренная с эпистемологической точки зрения, вполне может быть концептуализирована и раскрыта в понятии его надёжности: «В рамках такого подхода субъект, обладающий интеллектуальными добродетелями, и будет обеспечивать надежность механизма, существенно повышающего вероятность достижения истины» [Шевченко, 2016. С. 85].

Соответственно, когда мы говорим о тех или иных личных качествах как о потенциальных интеллектуальных добродетелях или пороках, одной из актуальных исследовательских задач оказывается их классификация [Каримов, 2017]. Ведь лексика всякого живого, естественного языка располагает множеством понятий, призванных характеризовать человека, – его поведение, склонности, умения, способности, достижения. Лингвистический, семантический анализ оказывается здесь тесно сопряжён со вполне философской проблематикой: являются ли, например, «любопытство» и «любопытность» полными синонимами? Может ли «любопытность» в каких-либо контекстах характеризоваться в качестве «чрезмерной»? Какие факторы или обстоятельства способны сделать активное стремление к знанию серьёзным препятствием на пути к его обретению? Тем самым мы видим пример того, как в рамках трёх взаимосвязанных вопросов можно перейти от лингвистической проблематики к исключительно философской.

При этом именно философская сторона вопроса оказывается определяющей при решении исходной, «классификационной» задачи по определению характера границ и содержательных взаимосвязей между теми или иными понятиями, характеризующими личные качества субъекта. Причем задача эта оказывается исключительно сложна, о чем свидетельствует широкий спектр современной литературы по данному вопросу [Roberts, Wood, 2007. С. 152].

В свете сказанного следует изначально оговорить, что в рамках настоящего исследования я намерен сосредоточиться на изучении более локального вопроса – вопроса о природе и статусе того личного качества, которое именуется «интеллектуальная честность».

Интеллектуальная честность, взятая в качестве некоторой идеализации, представляет собой личное качество субъекта, проявляющееся в его словах, поступках и иных действиях по поводу любых дискуссионных вопросов, и характеризующееся непредвзятостью, незаинтересованностью, а также отсутствием необоснованных предубеждений в отношении дискутирующих сторон и их позиций. Тем самым интеллектуальная честность по определению является интеллектуальной добродетелью, поскольку повышает шансы овладеть знанием в том смысле, в ка-

ком о нём говорил Поппер: «Знание совершенно не зависит от чьих-либо убеждений или склонности соглашаться, либо утверждать, либо действовать. Знание в объективном смысле – это знание без знающего: это знание без субъекта» [Popper, 1972. С. 109]. Такое знание «не окрашено и не зависит от чувств и мнений высказывающейся личности» [Graham, 1965. С. 287]. Соответственно, любые проявления заинтересованности познающего субъекта в достижении конкретного, заранее определённого желаемого результата познания повышают риск отпадения от обозначенного выше идеала. Среди таких проявлений прежде всего следует указать тенденциозный, избирательный подбор свидетельств в пользу желаемого итога, а также замалчивание и игнорирование свидетельств, подрывающих или опровергающих ту гипотезу, которую субъект во что бы то ни стало намерен отстаивать.

Рациональных оснований совершать подобные действия у субъекта может быть немало. Ведь истина – лишь одна из множества ценностей, которые в ряде различных ситуаций имеют склонность вступать друг с другом в конфликт. Безопасность, власть, любовь, вера – это лишь некоторые примеры из обширного списка тех ценностных категорий, ради которых людям порой свойственно поступаться истиной, или, по крайней мере, вольно или невольно отклоняться от идеала интеллектуальной честности в своих интерпретациях и оценках идей оппонентов.

То, что следование до конца такому идеалу является делом невозможным и никому не посильным, по-видимому, следует признать самоочевидным фактом, не нуждающимся в каких-либо дополнительных развёрнутых обоснованиях. Однако эта всякий раз заранее известная неспособность отдельного исследователя быть в полной мере интеллектуально честным требует самостоятельной оценки. И здесь можно выделить два независимых аспекта: нормативный и дескриптивный.

Нормативный аспект состоит в следующем: допустимо ли, чтобы мотивации и предпочтения исследователя оказывали отчетливое влияние на ход его мыслей и рассуждений?

Дескриптивный аспект той же проблемы заключается в вопросе о том, происходит ли подобное в рамках реальных исследовательских практик?

При этом между сущим и должным, как хорошо известно, нет никакой непосредственной логической связи. Даже если норма интеллектуальной честности признаётся нами в качестве таковой, это еще не влечёт за собой следствие вида «поскольку исследователи должны быть интеллектуально честными, то они таковыми и являются». Аналогичным образом нет никакого следования и в противоположном направлении: даже если мы не в состоянии найти ни одного идеально

интеллектуально честного исследователя, это еще не означает, что таковая норма не является обоснованной. Гипотетически остаётся мыслимым сценарий, согласно которому все имеющиеся познающие субъекты ведут себя неверным, некорректным образом.

Однако подобный сценарий видится возможным только в более широком контексте морального реализма, в рамках которого истинность или ложность нормативных суждений определяется не результатом социальных конвенций, а положением дел во внешнем мире [Parfit, 2011], существующим в своей определённости независимо от мнения людей или даже независимо от факта их существования. Если же мы не разделяем взглядов морального реализма, то ситуация, при которой ни один познающий агент не следует тому, что выдвигается на роль некой нормы, представляется, по меньшей мере, проблематичной. Правило, которому никогда не следуют, не есть правило.

Тем самым обнаруживается определённое напряжение между нормативным и дескриптивным аспектами рассматриваемой проблемной области в том виде, в котором они сформулированы выше. Так, в данном случае само пожелание неангажированности, незаинтересованности для исследователя выглядит вполне разумно. Однако что следует делать, если это не так? Что делать, если исследователь, вступая в ту или иную область исследований, еще на входе осознаёт, что ему не всё равно, какая из сторон права, и у него на сей счет есть явно выраженные предпочтения? Можно ли на сознательном уровне проследить ту грань, которая отделяет допустимую, сдержанную заинтересованность от той стадии, на которой подобная заинтересованность влечет за собой те или иные злоупотребления и искажения со стороны исследователя? И если такую грань установить невозможно, то значит ли это, что любая пристрастность лишает исследователя способности плодотворно заниматься разработкой интересующих его проблем?

Проведя эти предварительные рассуждения, я готов сформулировать ту проблему, анализу которой посвящено данное исследование.

С одной стороны, широкое распространение имеет устойчивая интуиция о том, что интеллектуальная честность является интеллектуальной добродетелью, а отклонение от линии поведения, предписываемой ею, препятствует обретению истины или, по крайней мере, существенно затрудняет этот процесс. С другой стороны, у нас, по-видимому, нет интуиций о том, что все исследователи должны быть идеально интеллектуально честными и обязаны не допускать, чтобы их предпочтения влияли на ход их рассуждений, а также на итоговый характер получаемых ими результатов, в то время как тому, кто не соответствует такому идеалу незаинтересованного познания, не следовало бы заниматься научными или философскими изысканиями вовсе.

Такая склонность полагать интеллектуальную честность желательной для исследователя, но всё же не строго обязательной нуждается в прояснении, что и представляет собой проблему.

Что можно сказать на сей счет?

Прежде всего, стоит внимательно рассмотреть ситуацию внутреннего конфликта мотивированного, а потому потенциально склонного к интеллектуальной нечестности исследователя, желающего при этом продолжать свои исследования (т.е. находящегося под давлением частного случая дуализма практического разума в терминах Г. Сиджвика).

Предположим, что я отчетливо испытываю заинтересованность в том, чтобы платонизм – тезис о существовании абстрактных объектов, имеющих место вне физического пространства и времени – оказался верен. Я знаю, что мне не всё равно, и готов прилагать усилия к тому, чтобы приблизить момент установления его истинности (что бы это ни значило). Кроме того, я осознаю, что мне, как и многим другим мотивированным исследователям, свойственно замалчивать слабые места моей концепции и выдвигать на первый план наиболее выигрышные и сильные её стороны. Также я осознаю, что подобная избирательная, тенденциозная презентация моих взглядов может привести к появлению у меня сторонников и последователей, которые при этом останутся не осведомлены о слабых местах моей концепции. Но это именно то, чего я хочу, поскольку появление сильных последователей увеличивает интеллектуальный потенциал моей концепции! Ведь со временем, когда под натиском критиков слабые места теории проявят себя в публичном пространстве, эти мои сильные последователи, возможно, найдут для них те или иные решения, что позволит моей концепции сохранить шансы оказаться истинной, в чем я лично заинтересован по иным причинам.

И всё же, несмотря на эти отчасти рациональные оправдания, нет никакой возможности отрицать тот факт, что в рассматриваемой гипотетической ситуации мы имеем дело с сознательным проявлением интеллектуальной нечестности. Однако при этом, как я полагаю, у нас не возникает никаких интуиций о том, что такому философу (или ученому) следует немедленно прекратить все свои исследования, дабы снизить риск введения в заблуждение широких слоёв общественности. В свою очередь, отсутствие подобного рода интуиций ставит перед нами вопрос о статусе такой нечестности.

Наш анализ тем самым показывает, что «беспристрастность, хотя и является важнейшей характеристикой морали, вовсе не обязательно всегда и везде имеет приоритет. Моральное рассуждение вполне может быть использовано и как способ защиты собственных интересов» [Шевченко, 2014. С. 84]. Причем такой тезис

остаётся верным и в том случае, если понятие «мораль» мы здесь заменим на термин «познание»¹.

В то же время, как справедливо указывает А. Шевченко, «суть морально-практического рассуждения именно в том и состоит, чтобы найти баланс между требованиями беспристрастности и личным интересом» [Шевченко, 2014. С. 84]. Попробуем это проделать.

Прежде всего, стоит заметить, что один и тот же исследователь в рамках различных академических практик может выполнять разные функции, требующие различного оптимального соотношения между незаинтересованностью и мотивированностью в отношении достижения определённого результата. Потому я предлагаю эти академические практики и контексты условно поделить на два типа: первый тип практик – режим судьи (арбитра); второй тип практик – режим адвоката.

К первой категории относятся такие виды академической активности как подготовка внутренних рецензий, отзывов и экспертиз; написание энциклопедических статей; составление учебников и учебных пособий. При реализации всех этих задач следует проявлять толерантность к иным точкам зрения и подходам, излагать их без дискредитирующих односторонних комментариев и отдавать себе отчет в том, что само наличие такого разнообразия в подходах служит залогом дальнейшего прогресса в познании.

Ко второй категории – режиму адвоката – относятся все виды собственно авторской, а не экспертной и не обобщающей деятельности: публикация научных монографий и статей, выступление с докладами на конференциях, подготовка полемических заявлений (в том числе печатная критика оппонентов и публикация ответов на неё), а также любые формы публичных выступлений в средствах массовой информации с целью донести до аудитории свою личную позицию (интервью, участие в ток-шоу, в съемках документальных фильмов и др.). Следует заметить, что в отношении данных видов активности действуют значительно более мягкие нормы толерантности к иным точкам зрения. Выступая в качестве проponentа той или иной точки зрения и считая её верной, автор вовсе не обязан терпимо относиться к тому, что он полагает заблуждениями. Бороться с заблуждениями – по определению задача всякого просветителя.

В чем же состоит та разница между этими типами контекстов, которая приводит к подобному различию в нормах поведения? Ключевое отличие заключается в *функциях*, которые выполняют исследователи, выступая в той или иной роли.

¹ О том же сообщает нам и Я. Митрофф [Mitroff, 1974] в рамках своей критики незаинтересованного познающего субъекта, основанной на примечательном эмпирическом материале.

Основной функцией активностей первого типа является *оценка*. Оценка по определению должна быть справедливой. Несправедливая оценка не является оценкой в полном смысле этого слова подобно тому, как фальшивые деньги не являются деньгами. Оценивая несправедливо, предвзято, оценщик не выполняет свою функцию, то есть не является оценщиком. Как результат, то, что претендует на то, чтобы быть энциклопедической статьёй или судебной или иной экспертизой, таковой порой попросту не является.

Заметим, что никаких подобных сущностных требований, вообще говоря, не предъявляется в отношении авторской позиции. Даже будучи несправедливой, неадекватной в оценках по отношению к своим оппонентам, авторская позиция продолжает оставаться таковой. Почему так? Потому что выносить оценки – не первостепенная задача автора. Его задача – производить *предметы оценивания* [Plakias, 2019], те самые результаты, которые при благоприятном исходе впоследствии будут признаны оценщиками – составителями учебников и энциклопедий.

Возвращаясь к судебной аналогии, хотелось бы заметить, что адвокату, как и прокурору – то есть пропоненту и оппоненту – не просто позволено быть интеллектуально нечестными, им таковыми *предписано* быть. По крайней мере, если адвокат ближе к концу процесса заявляет: «Ввиду представленных стороной обвинения убедительных доказательств я полагаю, что мой подзащитный не заслуживает ничего иного кроме смертной казни», – то поведение такого адвоката будет охарактеризовано нами как не соответствующее нормам юридической практики. Адвокату *следует* отстаивать интересы своего подзащитного, какими бы убедительными доказательствами ни располагала сторона обвинения и какими бы жуткими ни были злодеяния, вменяемые подсудимому.

Почему это так? Что побуждает нас не просто оправдывать поведение адвоката, стремящегося выгородить того или иного очевидного преступника и позволить ему уйти от справедливого наказания, но предписывает адвокату совершать эти усилия? Легитимация подобных норм и практик находит своё обоснование в самой идее соревновательного суда. Предполагается, что противоборство двух в равной мере мотивированных сторон позволяет наиболее эффективным и организованным образом находить и оценивать аргументы за и против того или иного тезиса. Вне контекста личной заинтересованности – когда и аргументы в пользу вины обвиняемого, и аргументы в пользу его невиновности поручено искать одному и тому же человеку (например, судье) – результативность такой работы будет заведомо ниже.

Тем самым, я хотел бы указать на центральный тезис данного исследования: интеллектуальная нечестность того или иного познающего агента хотя и негатив-

ного влияет на его *личные* способности постигать истину, тем не менее может способствовать достижению истины на *коллективном* уровне.

Адвокат, искренне уверенный в невиновности своего подзащитного, не обязательно прав. Однако будучи даже неправым в том или ином конкретно взятом случае, он, всякий раз достойно выполняя свои адвокатские обязанности, служит делу эффективного судопроизводства. Его ангажированность, вероятно, систематически отклоняет его от познания истины, а потому, разумеется, не может быть признана интеллектуальной добродетелью в полном смысле этого слова. И тем не менее, такая заинтересованность побуждает его к поиску наилучших аргументов в пользу отстаиваемой им позиции, а сталкиваясь со столь же мотивированным и изощрённым противодействием своего оппонента – прокурора – способствует в конечном итоге наиболее эффективному поиску истины. Повторюсь: тем самым на коллективном уровне интеллектуальная нечестность познающих агентов может способствовать достижению истины.

Следует заметить при этом, что хотя адвокату, как и прокурору, позволено быть интеллектуально нечестными, это вовсе не предполагает позволения быть нечестными в моральном смысле. Адвокату позволено выстраивать свою линию аргументации таким образом, чтобы привлекать наибольшее внимание суда к тем доводам и обстоятельствам, которые свидетельствуют в пользу его подзащитного. Ни адвокат, ни сам подзащитный не обязаны свидетельствовать против себя. Тем самым им позволено замалчивать те или иные факты, оглашение которых не соответствует их интересам. Выявить эти факты, если таковые имеются – профессиональный долг стороны обвинения. Соответственно, когда мы говорим о стратегиях такого умышленного замалчивания, мы ведём речь о допустимых проявлениях интеллектуальной нечестности, а не о нечестности как таковой. В то же время адвокату не дозволяется, например, содействовать подсудимому в изготовлении поддельных справок или иных подложных свидетельств, способных повлиять на ход процесса. Подобное поведение в случае его выявления может быть квалифицировано не иначе как соучастие в преступных действиях.

Аналогичным образом и исследователю должно быть позволено проявлять личную заинтересованность в том, чтобы убедить широкие слои общественности в собственной правоте, но вместе с тем запрещено осуществлять прямой подлог данных и свидетельств.

В связи с этим я бы хотел особо подчеркнуть, что интеллектуальная нечестность не влечет за собой нечестность в традиционном, моральном смысле. В этом отношении интеллектуальная нечестность в той же мере отлична от нечестности как порока, в какой интеллектуальные добродетели как класс отличны от добродетелей моральных [Каримов, 2018]. Наличие или отсутствие в человеке тех или

иных интеллектуальных добродетелей ничего не сообщает нам о том, как нам следует охарактеризовать такого человека с моральной точки зрения. Наличие или отсутствие тех или иных интеллектуальных добродетелей лишь характеризует потенциал субъекта по достижению истины, не более того. Это познавательная, а не моральная характеристика субъекта. И даже такая характеристика является только лишь сравнительной: при прочих равных условиях обладание той или иной интеллектуальной добродетелью способствует обретению субъектом более широкого спектра истин, чем тот, который был бы для него доступен в том случае, если бы он не обладал такой интеллектуальной добродетелью. Соответственно, быть неполнобознательным – не аморально. Аналогичным образом быть интеллектуально нечестным – столь же не аморально.

Сократическая по своему духу гипотеза о том, что более совершенные познавательные способности субъекта влекут за собой склонность к более нравственному поведению, многократно оспаривалась в истории философии. Так, интеллектуально одарённый капиталист, обладающий всем спектром возможных интеллектуальных добродетелей, лишь получает в своё распоряжение дополнительный арсенал средств эксплуатации и манипулирования трудящимися. Это так потому, что обретение этих истин (истин факта) никоим образом не способно изменить его ценностную установку на извлечение прибыли, но лишь способствует более эффективному достижению желаемого. С другой стороны, сверхчеловек Ницше также может быть носителем всех мыслимых интеллектуальных добродетелей, отвергая при этом все моральные ценности, установки и ограничения.

Не менее спорным является тезис о том, что интеллектуальные несовершенства субъекта непременно ведут к аморальности и предосудительной жизни.

В самом деле, гипотеза о том, что интеллектуальная немощь есть предпосылка к аморальным действиям, нуждается для своего обоснования не просто в истинности морального реализма, но в истинности морального реализма особого рода, т. е. такого, который исходит из представлений о вполне эмпирическом методе познания моральных истин, примером чего может служить, в частности, концепция М. Нуссбаум [Нуссбаум, 1993]. В таком случае действительно, ограничения интеллектуального порядка (т.е. ограничения способности установления эмпирических фактов) могли бы быть причиной неспособности субъекта установить, в чем состоят как общие, так и частные моральные истины, что, в свою очередь, могло бы вести его к их систематическому нарушению.

Например, тяжёлая форма «неадаптивности интеллекта» [Zagzebski, 1996. С. 21] может иметь своим следствием неспособность следить за временем, без чего трудно не опаздывать на работу или деловые встречи. Более того, без такой интеллектуальной способности, усвоенной человеком, для него в принципе может быть

затруднительно открыть для себя идею того, что на деловые встречи следует приходить не позднее заранее согласованного времени. Аналогично, не обладая интеллектуальной способностью следить за календарём, затруднительно не забывать поздравлять своих друзей и близких с днём рождения. Таким образом, наши интеллектуальные несовершенства и качества (интеллектуальные пороки) действительно способны вести нас к моральным промахам различной степени серьёзности.

Соответственно, следует признать, что работа над нашими интеллектуальными несовершенствами способна позитивно влиять на моральную сторону нашего поведения. Так, улучшив каким-либо образом адаптивность своего интеллекта, можно уже более не забывать о том, чтобы купить подарок ко дню рождения собственного ребёнка, и тем самым не нарушать соответствующую моральную норму. И всё же следует признать, что никакие техники интеллектуального самосовершенствования не способны с необходимостью приводить к тому, чтобы полюбить собственного ребёнка, если это не так, как неспособны они научить искреннему состраданию и любви к ближнему.

Все эти рассуждения призваны показать следующее:

- 1) интеллектуальная честность, будучи интеллектуальной добродетелью, повышает наши шансы овладеть истиной и знанием, а оно, в свою очередь, в отдельных случаях способно позитивно влиять на моральную сторону нашего поведения;
- 2) тем не менее, эта потенциальная позитивная связь между интеллектуальными добродетелями и моральными добродетелями не может быть истолкована в качестве причинно-следственной, поскольку она не имеет вынуждающего характера;
- 3) интеллектуальные пороки, и, в частности, интеллектуальная нечестность, хотя и снижают наши шансы овладеть истиной и знанием, вовсе не обязательно негативно влияют на моральную сторону нашего поведения.

Кроме того, подводя некоторые итоги, следует напомнить, что познавательная деятельность имеет в том числе и коллективное, социальное измерение, нередко предполагающее борьбу и соперничество за приоритет или за лидерство. В рамках такой борьбы осуществляется отбор наиболее эффективных стратегий достижения желаемого результата, и если таковым ситуативно выступает именно истина, то для её обретения мотивированное противоборство нескольких сторон оказывается в конечном итоге наиболее эффективным инструментарием. При этом эффективность таких инструментов оказывается критически зависима от качества осуществляемого арбитража и экспертизы получаемых результатов. И в этом смысле интеллектуальная честность является безусловным фактором, определяющим темпы прогресса в познании как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Список литературы / References

- Каримов А. Р., Казакова В. А.** Теория интеллектуальных добродетелей и современное образование // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5–1. С. 155–162.
- Karimov A. R., Kazakova V. A.** Teoriya intellektualnykh dobrodetelei i sovremennoe obrazovanie [A Theory of Intellectual Virtues and Contemporary Education]. *Vestnik of Nizhny Novgorod State University*, 2014, no. 5, p. 155–162. (in Russ.)
- Каримов А. Р.** Типология учений об интеллектуальных добродетелях // Философия и культура. 2017. № 12 (120). С. 38–45.
- Karimov A. R.** Tipologiya uchenii ob intellektual'nykh dobrodetelyakh [Typology of the doctrine of intellectual virtues]. *Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]*, 2017, no. 12 (120), p. 38–45. (in Russ.)
- Каримов А. Р.** О соотношении моральных и интеллектуальных добродетелей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7, № 1А. С. 21–28.
- Karimov A. R.** O sootnoshenii moral'nykh i intellektual'nykh dobrodetelei [On the relation between moral and intellectual virtues]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy of the world and man]*, 2018, vol. 7, no. 1, p. 21–28. (In Russ.)
- Шевченко А. А.** Нормативность морали и моральной теории // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 81–86.
- Shevchenko A. A.** [Normativity of morality and moral theory]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 2, p. 81–86. (in Russ.)
- Шевченко А. А.** Эпистемология и добродетели // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 82–92.
- Shevchenko A. A.** Epistemology and Virtues. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 82–92. (in Russ.)
- Graham E.** The Basic Dictionary of Science. New York, Macmillan, 1965.
- Mitroff I.** Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: A Case Study of the Ambivalence of Scientists. *American Sociological Review*, 1974, vol. 39, no. 4, p. 579–595.
- Nussbaum M.** Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach. In: Nussbaum M. C., Sen A. (eds.) *The Quality of Life*. Oxford, Clarendon Press, 1993, p. 242–269.
- Parfit D.** *On What Matters*. New York, Oxford University Press, 2011.
- Popper K.** *Objective Knowledge*. Oxford, The Clarendon Press, 1972.
- Plakias A.** Publishing Without Belief. *Analysis*, 2019, vol. 79, no. 4, p. 638–646.

Roberts R., Wood. J. (eds.). *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford, Clarendon Press, 2007.

Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. New York, USA, Cambridge University Press, 1996.

Материал поступил в редколлегию

Received

07.04.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Фролов Константин Геннадьевич

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Konstantin G. Frolov

Candidate of Sciences (Philosophy)

Docent at the Chair of Philosophy, St. Petersburg Electrotechnical University (St. Petersburg, Russian Federation)

kgfrolov@etu.ru

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-98-107

Методологические основания анализа, оценки и управления риском

В. С. Диев

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предлагаемая статья отражает методологическую позицию автора, заключающуюся в том, что риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Рискуя, субъект выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Для управления риском ключевым является вопрос о его измерении. В работе рассмотрен закон больших чисел Я. Бернулли и связанные с ним методологические и философские вопросы. Показано значение Санкт-Петербургского парадокса для современного понимания риска. Обоснован тезис о том, что принятие решений в условиях риска – это не столкновение человека с независимыми от него обстоятельствами, а сознательный и рациональный выбор.

Ключевые слова

неопределенность, Я. Бернулли, Д. Бернулли, вероятность, полезность, принятие решений, рациональность, ценности

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452

Для цитирования

Диев В. С. Методологические основания анализа, оценки и управления риском // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 98–107. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-98-107

Methodological Foundations of Risk Analysis, Assessment and Management

V. S. Diev

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper aims to represent the author's methodological position that risk is a consequence of the decisions made by the person and is always associated with the person who not only makes a choice, but also evaluates the probabilities of possible events and associated losses. Taking a risk, the person chooses an alternative that is the result of her decision, although the possible results are not exactly known to her. The key to managing risk is the issue of measuring it. The law of large numbers by J. Bernoulli and related methodological and philosophical issues are considered. The significance of the St. Petersburg paradox for the modern understanding of risk is shown. Our thesis is that decision-making under the conditions of risk is not a person's collision with circumstances independent of her, but a conscious and rational choice.

Keywords

uncertainty, J. Bernoulli, D. Bernoulli, probability, usefulness, decision making, rationality, values

Acknowledgements

The study was supported by RFBR (project no. 18-011-00452)

For citation

Diev V. S. Methodological Foundations of Risk Analysis, Assessment and Management. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 98–107. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-98-107

В условиях пандемии вопросы, связанные с управлением риском, приобретают и вполне практический интерес. Сразу хочу сказать, что управление риском вовсе не означает его уничтожение, снижение или замалчивание. Это прежде всего готовность и способность принимать решения и действовать в таких ситуациях. Управление риском, как и любой процесс управления, предполагает успешное достижение поставленной цели, в данном случае – принятие решений, имеющих минимально возможный риск. Поэтому субъект управления должен обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений в условиях риска и неопределенности, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Рискуя, субъект выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Ключевым здесь является вопрос об измерении риска, поскольку нельзя осуще-

ствлять рациональный выбор из возможных линий поведения, пока риск не оценен.

Я неоднократно отмечал, что пока не существует единого понимания, что такое «риск», и как следствие, общепринятого определения, что приводит порой просто к взаимному непониманию представителей различных наук, хотя вроде бы обсуждается один феномен. Ряд авторов используют это термин, не давая ему никакого определения вообще. Не буду сравнивать различные подходы и формулировки, а сразу дам собственное определение (см., например, [Диев, 2010; 2011; 2013; 2018]). Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет принципиально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда можно оценить вероятность реализации решения с учетом влияния природной среды, действий партнеров, противников и т. п. В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Для описания этой ситуации требуется совокупность понятий: <Субъект, Решение, Вероятность, Потери>. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Риск – интегральный показатель, сочетающий в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий. Подчеркну, что риск является интегральной характеристикой, сочетающей в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и его последствий.

Для оценки риска сначала необходимо «измерить» неопределенность, возникающую в результате принятия решений субъектом, т. е. определить и дать количественную характеристику вероятности возможных событий. Численные оценки вероятностей даются в рамках математической теории вероятностей. Исторически первым в математике сложилось так называемое «классическое» определение вероятности. Известно, что П. Лаплас, следуя Я. Бернулли, определял вероятность как отношение числа благоприятных данному событию случаев к числу всех равновероятных случаев. Считаю необходимым подробнее остановиться на вкладе Якоба Бернулли и его законе больших чисел, поскольку с ним связаны многие методологические и философские вопросы. Прежде всего, связь между частотой случайного события и его вероятностью. Обозначим n число последовательности независимых испытаний, при которых может наступить событие A . При каждом испытании вероятность наступления события A равна одному и тому же числу p . Пусть в n независимых испытаниях событие A появится m раз. Отношение m/n называется частотой события. Закон больших чисел состоит в следующем: с веро-

ятностью, сколь угодно близкой к единице, можно утверждать, что при достаточно большом числе опытов частота появления события A как угодно мало отличается от его вероятности. Для проверки закона больших чисел было проведено много экспериментов, в основном с подбрасыванием монеты. В 1777 г. граф де Бюффон подбросил монету 4040 раз, при этом герб выпал 2048 раз, а решетка соответственно 1992. Частота герба составила 0,507 и решетки 0,493, что достаточно близко к значению 0,5. Эксперименты показали, что при достаточно большом количестве испытаний частота события становится как угодно близка к его вероятности. При этом важно понимать, что это утверждение только вероятно, а не достоверно, поэтому события, имеющие даже маленькую вероятность, могут произойти, так же как события, имеющие большую вероятность, могут не произойти. Вероятность выпадения орла при одном бросании монеты составляет 0,5, но результат каждого броска не зависит от остальных, он не зависит от предшествующих и не влияет на последующие. Закон больших чисел не утверждает, что вероятность выпадения орла для отдельного броска станет больше, чем 0,5, если, например, в предыдущих ста бросаниях орел выпадал только в 40 % случаев.

Хочу напомнить, что книга Якоба Бернулли «Искусство предположений», в которой были изложены эти результаты, была опубликована в 1713 г. спустя восемь лет после смерти автора. Своей работой Бернулли заложил основы методологического подхода к управлению риском на основе трех предположений – полнота информации, независимость испытаний и надежность количественных оценок.

Сегодня теория вероятностей является сформировавшейся научной дисциплиной, и наиболее распространенным является аксиоматическое определение вероятности, предложенное А. Н. Колмогоровым в двадцатые годы прошлого столетия. В рамках аксиоматического исчисления понятие вероятности не имеет развернутого определения. Оно рассматривается как исходное понятие, поставленное в условия, сформулированные в аксиомах. Дело в том, что в отличие от явного определения, всегда тем или иным образом фиксирующего класс объектов, к которому оно применимо, аксиоматическое определение по своему существу никогда не фиксирует ни одного класса объектов, к которому оно может быть применимо. Поэтому возникает методологическая проблема выбора интерпретации вероятности.

Одной из самых распространенных является частотная, или статистическая, интерпретация вероятности. Согласно этой интерпретации вероятность по существу отождествляется с относительной частотой массового случайного события при достаточно длительных испытаниях. С этой точки зрения никакое индивидуальное событие не обладает частотой, и поэтому нет смысла говорить о его вероятности. Поэтому статистическая вероятность может быть использована в приня-

тии решений только для количественной оценки таких альтернатив, для которых существует статистическая информация. Однако во многих реальных ситуациях, когда приходится принимать решение в условиях риска, человек такой информацией не обладает, и поэтому он вынужден обращаться к другим интерпретациям вероятности.

Остановлюсь подробнее на концепции субъективной вероятности. Она была предложена Ф. Рамсеем в 1925 г. и Б. де Финетти в 1937. Для Ф. Рамсея вероятность выражает субъективную степень уверенности, имеющую операционное значение в смысле желательности действовать или избежать риска. Согласно Б. де Финетти степени уверенности индивидуума, или его субъективные вероятностные оценки должны удовлетворять обычным законам вероятностей. На первый взгляд может показаться, что эта субъективная вероятность представляет собой ничем не основанную веру субъекта, его чисто произвольное мнение. Однако это не так. Во-первых, хотя вероятности и устанавливаются самим субъектом, но они должны быть когерентными между собой. Для такой когерентности требуется, чтобы они удовлетворяли аксиомам теории вероятностей. Например, Вы не можете утверждать, что завтра с вероятностью 60 % пойдет дождь, и одновременно – что с 50% вероятностью дождя не будет! Во-вторых, поскольку степень вероятности связывается с предпочтениями, целями и желаниями субъекта, то они, так или иначе, определяются эффективностью его действий. Чтобы действовать успешно, субъект должен в своей оценке вероятности приблизительно верно отобразить реальную ситуацию. Требование когерентности вероятностей показывает, чем субъективная интерпретация принципиально отличается от веры субъекта в то или иное событие.

Различные интерпретации вероятности не следует, однако, противопоставлять друг другу. Более того, в разных рискованных ситуациях целесообразно опираться на вероятностные оценки, используя различные подходы, например, как объективные, так и субъективные интерпретации. В ряде задач нужно говорить о субъективных оценках объективно существующих статистических вероятностей. Поэтому использование субъективных оценок вероятностей при принятии решений представляется методологически правомочным, если это не противоречит аксиомам теории вероятностей.

Для удобства читателей в ходе изложения я специально не использовал никаких формул, тем не менее, считаю возможным одну всё-таки привести. Речь идет о теореме Т. Байеса, которая впервые была опубликована в 1763 г., но не утратила своей актуальности и по сегодняшний день. Значение теоремы Байеса в теории вероятностей сопоставимо со значением теоремы Пифагора в геометрии. Формула

Байеса позволяет связать между собой условные и безусловные вероятности событий A и B :

$$P(A/B)=[P(B/A) \cdot P(A)]/P(B).$$

Согласно этой формуле, апостериорная вероятность гипотезы, т. е. вероятность ее после получения эмпирической информации, существенным образом зависит как от вероятности этой информации, так и от ее правдоподобия при данной гипотезе. Таким образом, с помощью все большего количества эмпирической информации можно значительно уточнить первоначальное предположение об априорной вероятности гипотезы. Поэтому совершенно естественно, что по мере накопления информации человек приписывает все меньший вес своим первоначальным мнениям и все больший – поступающим фактическим данным. Байесовский подход дает формальный механизм учета таких предпочтений и весов, а не перекладывает оценку их значимости и последствий на человека, вооруженного лишь собственной интуицией. Очень важно, что байесовский подход «работает» в рамках различных интерпретаций вероятности.

Исследования продемонстрировали, что люди, принимающие решения, уступают в точности формуле, даже когда им показывают результат, вычисленный посредством формулы! Как отмечает Д. Канеман: «Другая причина того, что эксперты проигрывают формулам, – непростительное непостоянство человеческих обобщений при обработке сложной информации. Если предоставить экспертам один и тот же набор данных дважды, они часто дают разные ответы. Степень этого непостоянства вызывает серьезную тревогу. Опытные радиологи, оценивая рентгенограммы грудной клетки (норма или патология), противоречат себе в 20 % случаев, когда повторно видят одни и те же снимки... Обзор 41 исследования о надежности суждений, высказанных аудиторами, патологами, психологами, менеджерами и прочими специалистами, позволяет предположить, что такая частота противоречий типична для всех случаев, даже если повторная оценка материала проводилась спустя всего несколько минут» [Канеман, 2014. С. 294–295].

Напомним, что риск является интегральным показателем, и самым простым способом, позволяющим учитывать как вероятности возможных событий, так и связанные с ними последствия (потери, ущерб, выигрыш), является перемножение вероятности возможного события на его результат, выраженный в количественных характеристиках. Именно так стали оценивать риск в азартных играх, когда математическая теория вероятностей только зарождалась. И сегодня этот способ является самым распространенным при оценке рисков в различных отраслях человеческой деятельности, начиная от экономики и заканчивая оценками

природного и техногенного риска. Однако такой подход приводит к парадоксу, имеющему важнейшие методологические следствия.

Риск чаще всего связывают с возможной неудачей. Такое представление доминирует в большинстве отраслей знания, где рассматривается риск. С другой точки зрения, риск понимается как деятельность, совершаемая в надежде на успех. Например, в толковом словаре русского языка В. И. Даля, риск, в числе прочего, приравнивается к понятиям предприимчивости, действий на свою удачу, в том числе «на авось». Все-таки что требуется субъекту, принимая решения: возможный выигрыш или потери? Полагаю, что при анализе и оценке рисков корректно говорить о возможных потерях. Такой подход позволяет рассматривать неполученный выигрыш как упущенную выгоду, или как возможную потерю. Следуя этому подходу, при игре в беспроигрышную лотерею потери – это невыпитое шампанское.

Племянник Якоба Бернулли – Даниил в 1738 г. опубликовал в «Известиях Императорской Санкт-Петербургской Академии наук» свою статью «Изложение новой теории об измерении риска», где он сформулировал свой знаменитый Санкт-Петербургский парадокс. Парадокс получил такое название, потому что Д. Бернулли был в числе первых выдающихся ученых, которых пригласил Пётр I, и стал российским академиком. Абсолютно согласен с мнением П. Бернштейна о том, что эта статья является одним из наиболее значительных когда-либо написанных текстов по проблемам как риска, так и человеческого поведения вообще [Бернштейн, 2000. С. 118]. В своей работе Д. Бернулли показал, как предположение о том, что риск определяется только ценой исхода и его вероятностью приводит к противоречию и парадоксу. Основной же тезис Д. Бернулли заключается в том, что риск, воспринимаемый каждым по-своему, не может и оцениваться одинаково. Он выдвигает тезис о том, что ценность чего-либо должна иметь основанием не цену, но скорее полезность. Понятие полезности ассоциируется с пользой, желательностью или удовлетворением. Таким образом, знания цены и вероятности еще не всегда достаточно для определения ценности исхода, поскольку полезность в каждом отдельном случае может зависеть от субъекта, делающего оценку. Каждый субъект имеет свою систему ценностей и реагирует на риск в соответствии с этой системой. Философско-методологическое значение парадокса Д. Бернулли состоит в том, что он первым показал, что оценка риска зависит от субъекта! При этом деньги, несмотря на всю их универсальность, не могут служить единым средством «измерения» человеческих предпочтений. А оценка полезности благ не является простой линейной функцией и зависит от человека, находящегося в рискованной ситуации. Д. Бернулли высказал идею о том, что польза от небольшого увеличения богатства обратно пропорциональна величине уже имеющегося богат-

ства. По мнению П. Бернштейна, это положение Бернулли является одним из величайших интеллектуальных достижений в истории идей [Бернштейн, 2000. С. 123], которое он иллюстрирует следующим образом: «Представьте себе богатство в виде штабеля, в основании которого большой брус, а поверх него, чем выше, тем все меньше бруски. Каждый брус, снятый с вершины, будет больше, чем брус, который Вы могли бы на него положить. Ущерб от потери бруса больше, чем польза от добавления еще одного» [Там же. С. 130].

Понятие риска для человека всегда связано с наступлением определенных событий, причем не существует «объективного» риска в философском смысле, т. е. в смысле его независимости от сознания человека. Субъективная сторона риска связана с выбором альтернатив, расчетом вероятностей их исхода, неодинаковым восприятием людьми одной и той же величины риска. Вместе с тем риск объективен, поскольку является формой количественного выражения существующей неопределенности, отражает происходящие в реальной жизни явления и процессы. Следует также отметить, что, несмотря на то что вероятность предполагаемого результата, и сам результат оценивается различными субъектами по-разному, это не означает, что риск не обладает объективным содержанием, поскольку сама рискованная деятельность (независимо от оценки субъектом) содержит определенную вероятность наступления или не-наступления событий. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает как вероятности возможных событий, так и связанные с ними потери. Риск всегда связан с субъектом, и нельзя говорить о риске вне субъекта. Кто-то может заметить, что субъект имплицитно присутствует в решении, и поэтому не требуется его специально выделять. Ведь не может быть решения без субъекта! Но субъект не только принимает решение, но и оценивает как вероятность возможных событий, так и связанные с ними потери. Легко представить ситуацию, когда два человека принимают одинаковые решения, но риск, связанный с их реализацией, оценивают совершенно по-разному. Подчеркну важность выбора, поскольку там, где нет выбора, не возникает и рискованная ситуация и, следовательно не будет и риска. Если же при этом субъект уходит от выбора, а какие-то события при этом происходят, то он фактически уже совершил выбор, только неосознанно, не используя свои интеллектуальные возможности, и ситуация с буридановым ослом – хрестоматийный тому пример. Всякий субъект обладает собственной системой предпочтений, поэтому не существует универсального функционала, интегрирующего вероятность и потери.

В начале прошлого века Анри Файоль в своей книге «Общее и промышленное управление» привел своё ставшее классическим определение – «Управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться, координировать и контролиро-

вать» [Файоль, 1992. С. 12]. Предвидеть значит учитывать возможные будущие события и вырабатывать программу действия. *Но будущее всегда неопределенно!* (курсив мой. – В. Д.). В этой книге Файоль сформулировал свои знаменитые 14 принципов и элементов управления, а также набор качеств и знаний, которые должны быть у руководителя. Считаю, что эти положения не утратили своей актуальности и на сегодняшний день. Среди необходимых качеств успешного руководителя Файоль выделяет мужество ответственности. Проблему личной ответственности человека в условиях риска ярко поставил Н. Талеб в своей последней книге, где он отстаивает тезис о том, что адекватные решения принимаются только тогда, когда человек «рискует своей шкурой». Более того, он считает, что «ставить шкуру на кон необходимо не только для того, чтобы быть честным, финансово успешным, управлять рисками; это необходимо для того, чтобы понимать мир» [Талеб, 2018. С. 18]. В заключение хочу отметить, что тезис Талеба согласуется с предлагаемым методологическим подходом, в котором риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Замечу, что при таком подходе принятие решений в условиях риска – это не столкновение человека с не зависящими от него обстоятельствами, а сознательный и рациональный выбор.

Список литературы / References

- Бернштейн П.** Против богов: Укрощение риска. М.: Олимп-Бизнес, 2000.
Bernstein P. Protiv bogov: Ukroshchenie riska. Moscow, Olimp-Biznes, 2000. (in Russ.)
- Диев В. С.** Управление. Философия. Общество // Вопр. филос. 2010. № 8. С. 35–41.
Diev V. S. Upravlenie. Filosofiya. Obshchestvo. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 8, p. 35–41. (in Russ.)
- Диев В. С.** Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 79–89.
Diev V. S. Risk i neopredelennost' v filosofii, nauke, upravlenii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, no. 2, p. 79–89. (in Russ.)
- Диев В. С.** Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопр. филос. 2013. № 8. С. 4–11.
Diev V. S. Ratsional'nye resheniya: kriterii, modeli, paradoksy. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8, p. 4–11. (in Russ.)

- Диев В. С.** Рациональный выбор в условиях риска: методологические и ценностные основания // *Филос. науки*. 2018. № 5. С. 48–58.
- Diev V. S.** Ratsional'nyi vybor v usloviyakh riska: metodologicheskie i tsennostnye osnovaniya. *Filosofskie nauki*, 2018, no. 5, p. 48–58. (in Russ.)
- Канеман Д.** Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014.
- Kaneman D.** Dumai medlenno... reshai bystro. Moscow, AST, 2014. (in Russ.)
- Талеб Н.** Рискую собственной шкурой: Открытая асимметрия повседневной жизни. М: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
- Taleb N.** Riskuya sobstvennoi shkuroi: Otkrytaya asimmetriya povsednevnoi zhizni. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2018. (in Russ.)
- Файоль А.** Из книги «Общее и промышленное управление» // Управление – это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. М.: Республика, 1992. С. 9–84.
- Faiol A.** Iz knigi "Obshchee i promyshlennoe upravlenie" // Upravlenie – eto nauka i iskusstvo: A. Faiol, G. Emerson, F. Teilor, G. Ford. Moscow, Respublika, 1992, p. 9–84. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

27.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Диев Владимир Серафимович

доктор философских наук, профессор

¹ директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

² ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Vladimir S. Diev

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor

¹ Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

diev@smile.nsu.ru

УДК 316

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-108-117

Спор о новой исторической стадии: марксизм и концепция постиндустриального общества

О. К. Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Марксизм и теория постиндустриального общества – два конкурирующих, но во многом сходных подхода к интерпретации социального развития. Появление гипотезы о переходе на новую, постиндустриальную стадию истории стало вызовом для марксистских теоретиков. Они ответили рядом аргументов, более или менее обоснованных, пытаясь опровергнуть основные положения конкурирующей теории. К настоящему моменту спор еще не окончен. Однако стало ясно, что ключевые положения обеих подходов нуждаются в дополнительном обосновании.

Ключевые слова

постмодерн, постиндустриальное общество, посткапиталистическое общество, капитализм, классы, идеология.

Для цитирования

Трубицын О. К. Спор о новой исторической стадии: марксизм и концепция постиндустриального общества // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 108–117. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-108-117

The Debate on the New Historical Stage: Marxism and the Concept of Post-Industrial Society

O. K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Marxism and the theory of post-industrial society are two competing but largely similar approaches to the interpretation of social development. The emergence of the hypothesis of the transition to a new, post-industrial stage of history was a challenge for Marxist theorists. They responded with a series of arguments, more or less valid, attempting to refute the main tenets of the competing theory. By now, the dis-

© О. К. Трубицын, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

pute is not over. However, it became clear that the key points of both approaches needed further justification.

Keywords

postmodern, post-industrial society, post-capitalist society, capitalism, classes, ideology.

For citation

Trubitsyn O. K. The Debate on the New Historical Stage: Marxism and the Concept of Post-Industrial Society. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 108–117. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-108-117

Марксизм и концепция постиндустриального общества (или концепция стадий технологического развития) – два популярных и весьма представительных подхода в современном обществоведении. Они обладают своими достоинствами и недостатками в плане способности давать убедительные интерпретации происходящих в современном мире процессов. Это обеспечивает обоим подходам наличие устойчивых групп сторонников, но не позволяет одержать окончательную победу в споре. Принципиальность спора связана с тем, что они во много конкурируют на одном и том же поле: они оба являются прогрессистскими и универсалистскими, отстаивая линейно-стадиальное видение единой истории человечества. Отсюда возникает вопрос, как соотносятся стадии в рамках одной модели со стадиями в рамках другой; в частности, каков статус новой, постиндустриальной стадии истории, декларируемой концепцией постиндустриального общества, в марксистской модели? В данной статье предпринимается попытка непредвзято взглянуть на спор сторонников двух этих парадигм, конкретно говоря, рассмотреть аргументы марксистских критиков концепции постиндустриального общества.

Сначала стоит кратко оговорить соотношение терминов «постиндустриализм», «посткапитализм», «общество знаний», «сервисное общество» и «информационное общество». Эти концепции по-разному соотносятся у разных авторов – сторонников парадигмы стадий технологического развития. Они могут рассматриваться как синонимы, могут соотноситься как общее и частное (концепция информационного общества – разновидность концепции постиндустриального общества или наоборот), либо же они могут считаться разными фазами новой исторической стадии, следующей за модерном. Если не углубляться в тонкости специфики подходов разных исследователей, то можно принять следующую версию. Стадия модерна, которая с точки зрения сторонников данного подхода сейчас завершается или уже завершилась и которая характеризовалась такими основными характеристиками как индустриализм и капитализм, сменяется некой новой стадией исторического развития. Эта стадия характеризуется отрицанием ключевых характеристик общества модерна, т. е. новое общество в негативном плане является постиндустриальным и посткапиталистическим. В позитивном плане это новое общество характе-

ризуется как информационное, сервисное и как общество знаний. Для простоты будем считать, вслед за большинством авторов, что концепция постиндустриального общества – это общая схема, в рамках которой существуют прочие, более специфические варианты подхода, делающие упор на какую-то определенную черту этого нового общества. Так, Д. Белл [1999], описывая определенные стороны постиндустриального общества, именует его информационным, сервисным, а также обществом знания.

Когда теория постиндустриализма еще только формировалась, советские исследователи отреагировали на ее появление достаточно оперативно и по большей части негативно. В качестве примера рассмотрим здесь аргументы, приводимые Г. И. Иконниковой [1975], которая подвергает критике как методологические, так и идеологические основания теории постиндустриализма.

Сторонники постиндустриализма представляют свою позицию как полностью свободную от идеологической ангажированности, что обосновывается не просто субъективной позицией, а объективным требованием наступающей эпохи, в которой идеология в принципе отмирает. «Согласно Беллу, "деидеологизация" – необходимый элемент "постиндустриального общества". Бжезинский в качестве одного из признаков "постиндустриального общества" называет "конец идеологии"» [Там же. С. 49]. С точки зрения Г. Иконниковой это явное лукавство: идеология не отмирает, а попытка укрыть идеологический характер теории постиндустриализма за мнимой объективностью – это собственно и есть один из пропагандистских приемов идеологической борьбы. Как представляется, отчасти она права. На практике мы не видим обещаемого «конца идеологии», напротив, в последнее время происходит поляризация политического спектра и обострение борьбы. Постиндустриальная теория, как и любая иная социальная теория, сохраняет определенную связь с идеологией. Тем не менее, отказывать ей в научности на этом основании представляется необоснованным. В ином случае подобного же рода аргумент может быть использован в отношении самого марксизма, который, очевидно, является предельно идеологически ангажированным, что не отменяет его научного статуса и ценности. Так что без подробного разбора аргументов просто объявить теорию постиндустриального общества «очередным мифом буржуазной идеологии», как это делает Г. Иконникова – это не научный, а догматический подход.

Предлагаемая Г. Иконниковой критика методологических оснований теории постиндустриального общества также представляется отчасти справедливой, но чрезмерной. По ее обоснованному мнению, «методологической основой теории "постиндустриального общества" является позитивизм, эклектически сочетающийся с "технологическим детерминизмом" и буржуазной философией истории» [Там же, 1975. С. 165–166]. Это действительно достаточно специфическая пара-

дигма, справедливо критикуемая за редукционистскую методологию и недостаточную обоснованность выводов. Можно согласиться с ней, что присутствующий в данной теории технологический детерминизм не позволяет учитывать влияние фактора сложившейся социальной структуры и классовых интересов на развитие общества. Однако представляется слишком категорическим вывод, который Г. Иконникова из этого делает, что «вся методология теории "постиндустриального общества" свидетельствует об антинаучном характере данной теории» [Иконникова, 1975. С. 166]. Технологический детерминизм, при всей своей ограниченности, указывает на фундаментальное значение смены технико-экономического базиса общества, в частности на роль промышленной революции, определившей облик современного мира. Так что нет оснований априорно отрицать *потенциальную* способность *гипотетического* постиндустриального уклада качественно изменить общество каким-то еще образом. Вопрос, скорее, в том, произошло ли это уже на самом деле, как утверждают сторонники теории постиндустриализма.

Также Г. Иконникова подвергает критике факты и их интерпретации, приводимые сторонниками постиндустриальной теории. В первую очередь подвергается сомнению концепция сервисного общества, выступающая составным элементом большинства вариантов теории постиндустриального общества. По мнению советского исследователя, постиндустриалисты преувеличивают значение имеющейся тенденции роста сферы услуг, абсолютизируя некоторые ее моменты. Заявляемый ими взрывной рост сферы услуг во многом является отражением не реальных изменений, а принятия новой методологии американскими статистическими ведомствами. Официальная статистика США дает классификацию ряда отраслей производства, положив в ее основу односторонний и поверхностный принцип деления на вещную и невещную формы продуктов труда. «При научной классификации отраслей и правильной их группировке соотношение сферы услуг и материально-вещественного производства свидетельствует, что никакого переворота в структуре общественного хозяйства США не произошло, хотя некоторые сдвиги и есть» [Там же. С. 76]. Это достаточно сильный аргумент. Действительно, неоправданно относить к третичному (постиндустриальному) сектору, скажем, услуги производству, такие как транспорт, перевозящий сырье и полуфабрикаты, используемые в промышленном производстве. Также значительное статистическое перемещение части работников из вторичного в третичный сектор произошло в связи с развитием аутсорсинга: те же самые бухгалтера, обслуживающие фабрику, уйдя на аутсорсинг, начинают рассматриваться статистикой как часть сферы услуг, хотя до этого, работая в бухгалтерском отделе предприятия, они считались представителями вторичного сектора. Все это делает оценки различия между ситуациями начала и конца XX века чрезмерно завышенными. Как указывает современный ис-

следователь Ф. Уэбстер, «преобладание третичного сектора уже в странах третьего мира, которое сейчас считается свидетельством неблагополучия в экономике, доказывает, что для развития сферы услуг нет необходимости в индустриальном базисе, кроме того... мало что свидетельствует в пользу представления о том, что развитые общества переходят от ситуации наибольшей занятости в промышленности к ситуации наибольшей занятости в секторе услуг. Самая разительная перемена произошла в связи с переходом рабочей силы в сферу услуг не из промышленности, а из сельского хозяйства» [Уэбстер, 2004. С. 64].

Еще один факт, на который опирается теория постиндустриализма, ставится под сомнение марксистскими социологами – утверждение о депролетаризации рабочей силы. Так, с точки зрения Г. Иконниковой, «авторы теории постиндустриального общества игнорируют основной критерий классовой принадлежности – отношение к средствам производства» [1975. С. 103]. Поэтому они относят к числу представителей креативного класса как эксплуатируемых наемных работников, так и собственников-эксплуататоров. С точки зрения Г. Иконниковой, НТР способствует интеллектуализации рабочего класса, при этом, вопреки мнению постиндустриалистов, «растет удельный вес и абсолютная численность пролетариата» [Там же. С. 102].

Этот аргумент широко используют и современные марксисты. Как указывает А. В. Бузгалин, среди современных марксистов популярно отрицание фундаментальности изменений, по сравнению с эпохой классического индустриализма. Критика подобного рода строится на том, что «масштабы распространения и, главное, роль процессов развития нового качества социума сильно преувеличены. Бум информационных технологий, резкое возрастание роли элиты профессионалов в жизни общества и т. п. характерны лишь для "золотого миллиарда", но даже там радикальных качественных изменений в природе рыночной буржуазной экономики, гражданского общества и homo economicus не происходит и поэтому основные постулаты прежней экономической, социальной, политической и т. д. теории остаются актуальными» [Бузгалин, 2002. С. 27].

В первую очередь многие марксисты склонны отрицать реальность процесса размывания классовой структуры и депролетаризации. В качестве примера можно привести утверждение А. Каллиникоса о том, что «вера в то, что классу пришел конец, всегда была ложной, а сейчас она окончательно похоронена. С одной стороны, как правило, признается, что богатство и власть все больше и больше концентрируются наверху глобальной социально-политической иерархии. С другой стороны, процессы пролетаризации... продолжают в мировом масштабе» [Каллиникос, 2005. С. 107]. Как представляется, данная критика отчасти верна, когда указывает на факты роста социальной поляризации в мире в целом и в отдельных

странах, в частности США, а также роста доли наемных работников. Однако классическая модель промышленного пролетариата как численно доминирующего класса в наиболее развитых странах более не соответствует действительности. В США, как и утверждают постиндустриалисты, основную часть рабочей силы сейчас составляют наемные сервисные работники. Так что нужно либо признать факт депролетаризации США, либо расширить понятие пролетариата на широкие группы наемных работников, совершенно лишенных классового пролетарского самосознания и нередко вполне обеспеченных. А.Каллиникос находит выход в признании факта глобализации, ведущей к росту числа пролетариев в мире, но не в развитых странах. С точки зрения классической марксистской теории – это арьергардные бои, когда границы данной теории размываются, включая в себя постулаты миросистемного подхода о том, что единицей анализа должны быть не отдельные общества, а мир в целом. С точки зрения классического марксизма стоило бы согласиться с постиндустриальной теорией в том, что постиндустриальными гипотетически могут быть отдельные передовые страны, одновременно с пролетаризацией новых индустриальных стран, находящихся на более низкой ступени развития.

А. Бузгалин указывает на еще один вариант реакции марксистов на приводимые постиндустриалистами аргументы – их идеологическая критика. Такая критика присутствовала у марксистов изначально, что видно по работе Г. Иконниковой; она продолжается и сейчас. Например, Г. Шиллер (см.: [Уэбстер, 2004. С. 182]) признает влияние информации на общественное развитие и рост этого влияния в XX веке, но утверждает, что коммуникации и информация являются составляющими капиталистической формации как таковой. С его точки зрения, сегодня информационная среда устроена так, как это максимально соответствует интересам корпоративного капитала, более того, информационно-коммуникационная революция становится фактором упрочения международной капиталистической системы. Подобные соображения подводят А. Бузгалина к тому, чтобы «подвергнуть критике не только теорию, но и практику протекания постиндустриальных процессов» [Бузгалин, 2002. С. 28]. Из этого следует его идеалистический, по сути, тезис о том, что если практика не соответствует нашей теории (нашим идеалам), то тем хуже для практики. Фактически это есть признание правоты теории постиндустриального общества – не в плане идеологических выводов, но в плане констатации факта: индустриального общества больше нет и связанные с ним теоретические модели более не адекватны.

Однако это не значит, что современные марксисты полностью капитулировали перед доводами теории постиндустриализма. Ключевой параметр марксистской интерпретации современной стадии общественного развития – это капитализм,

а не индустриализм. И здесь марксисты, продолжая настаивать на капиталистическом характере современного общества, противоречат большинству постиндустриалистов, для которых постиндустриальное общество автоматически преодолевает проблемы капитализма, основываясь на новых, посткапиталистических институтах.

Это утверждение строится прежде всего на изменении социально-классовой структуры. При этом постиндустриалисты апеллируют к положениям марксизма. К. Маркс назвал современное общество «буржуазным», именуя его, как и прочие формации, по господствующему классу наиболее эффективных собственников. Иначе говоря, капитализм как формация определяется с социологической точки зрения как общество, формируемое двумя основными классами – буржуазией в качестве господствующего класса и пролетариатом в качестве подчиненного, эксплуатируемого и потенциально революционного класса. Теория постиндустриального общества заявляет о депролетаризации рабочей силы и об изменении состава элитных слоев. Последнее подразумевает, что на смену господству крупной буржуазии приходит доминирование в обществе интеллигенции – корпоративных менеджеров, инженеров, государственных служащих и т. п. Например, Д. Белл утверждает, что в наши дни (речь идет о начале 1970-х гг.) происходит «важнейший исторический сдвиг – отделение общественной функции (или места человека в обществе, обычно задаваемого характером его занятий) от собственности» [Белл, 1999. С. 498]. Это связано с тем, что «сейчас Америка движется от общества, основанного на частнопредпринимательской рыночной системе, в направлении, где наиболее важные экономические решения будут приниматься на политическом уровне...» [Там же. С. 403]. При этом «основной класс в нарождающемся социуме – это прежде всего класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью» [Там же. С. 500]. Этот новый доминирующий класс вытесняет буржуазию в качестве господствующей элиты и организатора производства и в то же самое время пролетариат в качестве основного производителя благ, преодолевая тем самым классовый конфликт.

Марксисты указывают, что данные аргументы появились еще в довоенный период в работах Дж. Бернхэма и других теоретиков «менеджеризма», когда утверждалось, что развитие акционерного капитала означает ликвидацию частной собственности на основные средства производства. И. Н. Дворкин еще в 1959 г. указывал, что акционирование и отделение функции управления от собственности не противоречит основам капиталистической организации хозяйства [Дворкин, 1959. С. 366–370]. В наши дни А. А. Хамидов, оценивая тезис П. Друкера о том, что современное общество еще преждевременно рассматривать как общество знания, но оно определено является посткапиталистическим, заявляет, что «это громад-

нейшая иллюзия. То общество, о котором он пишет, начиная с промышленной революции и по сие время, является не чем иным, как капиталистическим обществом» [Хамидов, 2017. С. 46]. Действительно, можно согласиться с постиндустриалистами, что состав правящей элиты расширился путем кооптации некоторых слоев профессионалов и интеллигенции, но это не устранило господствующую роль крупных частных собственников и не ликвидировало капитализм как систему. Нельзя приравнивать менеджеров среднего звена к топ-менеджменту и миноритарных акционеров к держателям контрольного пакета.

Можно заметить существенную разницу в оценке теории постиндустриального общества между советскими и современными марксистами. Советский марксизм решительно отвергал адекватность данной теории, квалифицируя ее как «антинаучный буржуазный миф». Современные оценки стали куда сдержаннее, и чаще всего признается частичная правота ее сторонников. По крайней мере, частью современных марксистов признается факт формирования постиндустриального общества, но отрицается при этом бесклассовый и посткапиталистический характер этого общества. Так, А. В. Бузгалин признает, по сути, факт качественной трансформации общества от индустриального к постиндустриальному, подвергая критике не столько постиндустриальную теорию, сколько практику. Отвергается уже не переход к постиндустриализму сам по себе, а утверждение, что это автоматически означает переход к посткапитализму. С марксистской точки зрения постиндустриальное общество по-прежнему остается капиталистическим, сохраняя все присущие ему пороки. При этом утверждается, что развитие новых, информационных производительных сил вступает в обостряющееся противоречие со старыми, капиталистическими производственными отношениями. Как утверждает А. В. Бузгалин, «господствующая ныне модель постиндустриального развития, использующая высвобожденные высокими технологиями ресурсы для разбухания превратного сектора, генерирует собственные пределы, обостряя глобальные проблемы... отчуждая большинство от возможности участия в сотворчестве (и тем самым лишая себя ключевых ресурсов прогресса постиндустриального мира) и создавая (в лице материально и культурно деградирующего большинства) предел собственного развития» [Бузгалин, 2002. С. 33].

Подводя итог, можно сказать, что данный продолжительный спор между сторонниками марксизма и постиндустриализма не окончился пока решительной победой ни одной из сторон. Большинство марксистов было вынуждено признать существенность тех социальных изменений, которые произошли в современном обществе по сравнению с эпохой классического индустриального капитализма. Однако у них сформировался свой набор достаточно убедительных аргументов, указывающих на то, что постиндустриалисты преувеличивают фундаментальность

этих изменений. В частности, вполне убедительно отвергнуты претензии на переход к посткапитализму. Те современные марксисты, которые по-прежнему отрицают факт качественного перехода к новому, постиндустриальному уровню развития производительных сил, вынуждены вносить изменения уже не в защитный пояс, а в твердое ядро марксистской теории. Так, отрицание факта депролетаризации строится на миросистемной методологической предпосылке, когда единицей социального развития и научного анализа выступает не национальное общество, а мир-система в целом.

Список литературы / References

- Белл Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
- Bell D.** Gryadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting]. Moscow, Academia, 1999. (in Russ.)
- Бузгалин А. В.** «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // Вопр. филос. 2002. № 5. С. 26–43.
- Buzgalin A. V.** "Postindustrial'noe obshchestvo" – tupikovaya vetv' social'nogo razvitiya? ["Post-industrial society" – a dead end branch of social development?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 5, p. 26–43. (in Russ.)
- Дворкин И. Н.** Критика экономических теорий правых социалистов. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1959. 467 с.
- Dvorkin I. N.** Kritika ekonomicheskikh teorij pravyykh socialistov [Criticism of the economic theories of right-wing socialists] Moscow, 1959. (in Russ.)
- Иконникова Г. И.** Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ). М.: Мысль, 1975. 221 с.
- Ikonnikova G. I.** Teoriya "postindustrial'nogo obshchestva". Budushchee chelovechestva i ego burzhuaiznye tolkovateli (Kriticheskij analiz) [The theory of "post-industrial society". The future of humanity and its bourgeois interpreters (Critical analysis)]. Moscow, Mysl', 1975. (in Russ.)
- Каллиникос А.** Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. 192 с.
- Kallinikos A.** Antikapitalisticheskij manifest [Anti-capitalist Manifesto]. Moscow, Praksis, 2005. (in Russ.)
- Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- Webster F.** Teorii informacionnogo obshchestva [Theories of the information society]. Moscow, Aspekt Press, 2004. (in Russ.)

Хамидов А. А. Общество знания как проблема социальной философии // Вопр. филос. 2017. № 3. С. 43–53.

Khamidov A. A. Obshhestvo znaniya kak problema sotsial'noj filosofii [Society of knowledge as a problem of social philosophy]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2017, no. 3, p. 43–53. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

16.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Трубицын Олег Константинович

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Новосибирского государственного университета
(Новосибирск, Россия)

Oleg K. Trubitsyn

Candidate of Science (Philosophy)

Docent at the Chair of Philosophy, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

trubitsyn77@mail.ru

УДК 101.1: 141: 316.334.4

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-118-128

Нормативная правовая текстуальность как один из модусов выражения правосознания

З. Л. Сакаева

*Омский государственный аграрный университет
Омск, Россия*

Аннотация

Осуществляется социально-философский анализ феномена правосознания. Исследуется один из модусов правосознания – нормативная правовая текстуальность, поскольку она является средством транскрибирования феномена правосознания. Вне классических представлений юриспруденции и философии проведена рефлексия категорий: правосознание, текст, нормативно-правовой акт, дискурс, автор. Субъектами-участниками процесса создания нормативно-правового текста являются: повествователь, автор (разработчик), адресат. Особенность авторов проектов нормативно-правовых актов в том, что их правовой статус достаточно ограничен по сравнению с правовым статусом авторов любых других результатов интеллектуальной деятельности. Адресатами проектов нормативно-правовых актов являются государственные органы, тогда как адресатами текстов нормативно-правовых актов являются субъекты права. Для своих адресатов адресанты текстов нормативно-правовых актов всегда остаются лицами *incognito*.

Ключевые слова

правосознание, текст, нормативно-правовой акт, дискурс, автор

Для цитирования

Сакаева З. Л. Нормативная правовая текстуальность как один из модусов выражения правосознания // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 118–128. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-118-128

Normative Legal Textuality as One of the Modes of Expression of Legal Consciousness

Z. L. Sakaeva

*Omsk State Agrarian University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The paper offers a philosophical analysis of the phenomenon of legal consciousness. We study one of the modes of legal consciousness – normative legal textuality, since it is a means of transcribing the phenome-

© З. Л. Сакаева, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

non of legal consciousness. Outside of the classical concepts of jurisprudence and philosophy, the following categories were reflected upon: legal consciousness, text, normative legal act, discourse, and author. The subjects in the process of creating a normative legal text are: narrator, author (developer), and addressee. The distinctive feature of the authors of draft legal acts is that their legal status is quite limited compared to the legal status of the authors of any other results of intellectual activity. The addressees of draft normative legal acts are state bodies, while the addressees of texts of normative legal acts are subjects of law. For their addressees, the addressers of the texts of legal acts always remain incognito persons.

Keywords

legal consciousness, text, normative legal act, discourse, author

For citation

Sakaeva Z. L. Normative Legal Textuality as One of the Modes of Expression of Legal Consciousness. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 118–128. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-118-128

Говоря о правосознании, мы мыслим об объекте, находящемся как бы внутри своего субъекта (человека, группы, общества). Можно предположить, что этот объект, оставшись однажды невостребованным в качестве функции деятельностного социального субъекта, с необходимостью прекратил бы своё существование за ненадобностью ещё при жизни человека. Но этого не происходит, значит, что-то заставляет человека непрестанно обращаться к правосознанию как к функции, деятельности, знанию. Правосознание субъекта реактуализируется стремлением человека к порядку, вне которого невозможно сохранение жизни человека, обеспечение её безопасности. Именно этим стремлением объяснимо создание нормативно-правового текста как некоей субстанции материальной природы, в которой отчасти находит своё воплощение правосознание, то есть нормативно-правовой текст являет собой некую внешнюю, материальную форму, содержание которой призвано быть заполненным правосознанием. Отсюда следует, что нормативно-правовой текст есть средство для понимания причин тех или иных правовых явлений, а обращаясь к такому тексту, мы одновременно обращаемся к правовому сознанию с целью понимания оснований и мотивов поведения его носителя.

Необходимость изучения нормативно-правового текста, постановки проблемы нормативно-правовой текстуальности правосознания с философской позиции объясняется тем, что правосознание и правовые феномены никогда не даны нам «как таковые», то есть вне системы знаков. Нормативно-правовой акт, источники права в целом представляют собой знаковые системы, продуцируемые в обществе в рамках знаковой формации, а источником этих систем является правосознание.

В [Сакаева, 2016] обозначена роль субъекта-носителя правосознания в конструировании правовой реальности. Цель данной статьи: сформулировать перечень особенностей нормативно-правового дискурса. Задачи: а) обозначить субъектов,

участвующих в формировании нормативно-правового текста; б) определить особенности формирования матрицы нормативно-правового текста.

Текст как знаковая система являлся центральным объектом исследования философов-постмодернистов: Р. Барта, Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакана. Вслед за этими философами мы продолжаем структуралистский анализ текста, при этом нами сужен объект исследования: от общих понятий о дискурсе к нормативно-правовому дискурсу и тексту.

Структуралистский подход как метод исследования позволяет выйти за пределы классического подхода юридической техники правотворчества, интерпретации, систематизации, правореализации и посмотреть на текст с позиции «не юриста». Он позволяет расширить границы толкования нормативно-правового текста посредством обращения к категориям означающего и означаемого, знака, языка. Применение структуралистского подхода является необходимым этапом, прохождение которого обеспечивает возможность совершения деконструкции нормативно-правового текста и обнаружения за ним самого феномена правосознания.

Нормативно-правовой текст мы относим к повествовательному жанру и рассматриваем как повествовательный текст. Это повествование осуществляется на искусственном языке (письменном и устном). Искусственным он является за счёт используемой специальной юридической терминологии, разрабатываемой юридическими науками. Повествует, рассказывает нормативно-правовой акт, имеющий в качестве основы континуум имплицитных единиц (предложений), каждое из которых содержит в себе дискурс, т. е. некие высказывания: дозволения, предписания и т. д.

Субъекты и предикаты в тексте нормативно-правового акта подчиняются законам фразовой структуры. Предложение, составляющее положение закона, можно описать с точки зрения фонетической, грамматической, контекстуальной. Все эти уровни анализа предложения, его конструирования важны. Фонема значима, когда соединяется с другими фонемами в слове, слова приобретают смысл, когда соединяются в предложении.

Предложение, в рамках которого сформулирована норма права, подчиняется риторическим логикам описания, как и предложение любого другого повествования. В античной риторике [Барт, 2008] выработано два плана описания: *dispositio* и *elocutio*. В соответствии с *dispositio* («расположение») речь разделяется на вступление, изложение, разработку и заключение, *elocutio* направлено на выбор и комбинаторику слов.

Р. Барт различает в повествовательном произведении три уровня операции описания: уровень «функций» (ядерная функция, катализаторы, индексы, информанты, а также смешанные функции), уровень «действий», уровень «повествова-

ния», связанные отношением последовательной интеграции [Барт, 2008]. Функция раскрывает своё значение, когда сопряжена с действиями конкретного агента, а действие значимо при условии, что оно доводится до сведения окружающих. Под функцией [Там же] Р. Барт понимает единицу, превосходящую по размерам предложение либо больше или меньше предложения, а именно: группу предложений, произведение в целом, синтагму, слово, отдельные литературные элементы внутри слова, монему. Цель функции – донести значимое в дискурсе. «Единицей» принято считать любой сюжетный элемент, связанный с другими отношениями корреляции. Одно предложение может содержать в себе информацию о двух функциях с разным значением. Если эксплицировать сказанное в нормативное поле, к примеру, в рамках отрасли конституционного права, то обнаружим следующее: в статье первой Конституции РФ 1993 года перечислены основы конституционного строя современного российского государства, через это перечисление раскрывается несколько функций¹. Первая функция заключается в информировании о характеристиках общественного и государственного строя РФ, а вторая функция указывает на непосредственное означаемое, а именно: что Российская Федерация как государство репрезентирует себя лишь через континуум перечисленных основ, отсюда создаётся очень сильная корреляция, поскольку если исключить одну из основ, то мы уже говорим о качественно ином государстве. Приведём ещё один пример, но уже из гражданского права: обращение к категории «разумный срок». Эта категория (фраза) является целостной функциональной единицей, поскольку вызывает представление о высоком уровне развития правосознания. Законодатель допускает возможность обращения участника правоотношений к категории «разумный срок», когда по каким-либо причинам стороны не предусмотрели срок исполнения обязательства на уровне соглашения, и при условии, что временные рамки не регламентированы в тексте нормативно-правового акта. В этом случае законодатель возлагает решение вопроса о продолжительности срока для конкретного правового поведения, об оценке разумности определённого срока на самих участников правоотношений. Законодатель доверяет, рассчитывает на адекватную оценку и понимание данной категории субъектами правоотношений.

Таким образом, часть нормативно-правовых текстов обладает высокой степенью функциональности: Гражданский кодекс, Трудовой кодекс РФ и др. законы; в них закреплена функция «делать». Другие отличаются сильной акцентацией индексов (Конституция РФ, Декларация прав и свобод человека и гражданина, отдельные статьи законов, посвященные принципам права в данной области право-

¹ Конституция РФ от 12.12.1993. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 25.11.2019).

отношений); за ними прочитывается функция «быть». Между собой тексты отличаются большей или меньшей степенью функциональности, индексности. При этом функциональные единицы отличаются между собой степенью значимости в дискурсе. Р. Барт делит функциональные единицы на кардинальные («ядерные») и функции-катализаторы, обладающие вспомогательным характером [Барт, 2008]. Функция является кардинальной, если действие, указанное в тексте нормативно-правового акта, открывает или закрывает некую альтернативную возможность, определяющую дальнейшую ситуативную и поведенческую картину. Например, в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, объявленного умершим, суд отменяет решение об объявлении его умершим. В этой норме заключена ядерная функция. Катализаторы описывают формальную, процессуальную сторону процесса. Появление гражданина, признанного умершим, влечёт за собой возврат его в поле правовой реальности, в частности это влечёт возврат ему сохранившегося имущества (ст. 46 ГК РФ)². В этой норме заключена функция-катализатор. Отсюда: ядерные функции несут логическую нагрузку, катализаторы играют обслуживающую роль.

Текст нормативно-правового акта наряду с индексами содержит информанты. Если означаемые индексов имплицитны, «посажены» в текстовую матрицу автором осознанно, требуют дешифровки, то означаемые информантов эксплицитны и несут готовые, полные, ясные сведения, такова их цель – быть ясными и полными, создавать ситуацию комфортного прочтения, принятия и усвоения нормы права. Таким образом, текст нормативно-правового акта изобилует ядерными функциями, катализаторами, индексами и информантами. Центральной функцией, которую дополняют все остальные единицы, является ядерная функция. В повествовательном тексте может не быть других функций, но ядерная функция есть всегда [Барт, 2008].

Повествовательный анализ текста, основывающийся на процедурах сегментации, имеющей своим результатом появление дискретных единиц, и интеграции, соединяющей эти единицы в смысл, показал следующие особенности нормативно-правового текста (дискурса).

А. Специфика нормативно-правового текста заключается в том, что в нём задаётся синтаксис человеческих поступков. Законодатель определяет минимальный, универсальный сюжет поведения человека. Но эта логика рекомендательная, не наполненная жизненной энергией, потому что законодатель никогда не узнает,

² Часть первая Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: ivo.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/88:1 (дата обращения 25.11.2019).

воспользовался ли актант логикой законодателя (например, ст. 18 ФЗ «О защите прав потребителей»).

Б. Язык нормативно-правового текста достаточно синтетичен, так как содержит несколько смысловых координат; в той или иной статье нормативно-правового акта могут содержаться несколько означаемых. Так, ст. 45 ГК РФ включает: гарантию отмены решения суда в случае явки гражданина, признанного умершим, восстановление его в имущественных правах; данное событие включается в более широкий контекст отношений: защита гражданина государством, восстановление в трудовых правах, социальное обеспечение и т. д.

В. Текст нормативно-правового акта находится в сугубо констативном регистре, но не в перформативном, повествование ближе к монологу, нежели к диалогу. Между кодом нормативно-правового регламентирования (повествования) и кодом языка расположено пространство предложений.

Г. Автор очень часто (всегда, когда речь о тексте нормативно-правового акта) использует безличные обороты, что связано с анонимностью автора.

Д. Текст любого нормативно-правового акта утверждает сверхязыковую реальность – историю, поскольку сообщает и выражает то, что происходит в правосознании и правовой реальности. Каузально-генетическое объяснение текста нормативно-правового акта в его связи со временем разработки, обстоятельствами, в которых он был написан, в целом с контекстом даёт возможность понять текст, вывести его смысловые аспекты из контекста или же свести смысл к контексту.

Е. Нормативно-правовое письмо атонально (без интонации), ведь субъект скрыт; его цель – точность описания правила поведения.

Итак, мы пришли к выводу, что нормативно-правовой дискурс снабжён различного рода функциями, которые определяют специфику повествования в нормативно-правовом тексте. Теперь обратим фокус внимания на того, кто говорит в тексте и того, кто его читает. Есть тот, кто пишет нормативно-правовой текст, а значит, и говорит через него (адресант), и есть тот, кто его читает, его адресат.

Область нормативно-правовых актов как одного из видов нормативно-правового текста – это область, «устрашающая» возможностью применения мер государственного принуждения (мер юридической ответственности). Знание о существовании карательного аппарата, к сожалению, не позволяет правосознанию свободно погрузиться в наблюдение о нормотворческом процессе того или иного нормативно-правового акта, поскольку в человеке срабатывают некие бессознательные механизмы, блокирующие процесс познания. Эти механизмы основываются на определённых социально-культурных стереотипах мышления, детерминирующих работу правосознания, при этом одни стереотипы полезны, другие же – вредны для ориентации в пространстве правовой реальности. Ситуация неведения

и отсутствия интереса к миру правовых явлений, например, к процессу, предшествующему введению в действие нормативно-правовых актов, транспортирует, с одной стороны, идею о важности включённости субъекта в нормативно-правовой дискурс, и, с другой стороны, идею о том, что в первую очередь гражданин должен исполнить предписание нормативно-правового акта, понимание же нормативно-правового положения (текста) – вторично.

Парадигматическая структура нормативно-правового текста основана на дуадах: субъект – объект, адресат – адресант, помощник – противник. Поскольку объектом правового регулирования являются правоотношения, то субъект правоотношений как элемент структуры правоотношений является одновременно объектом правового воздействия, адресатом нормативного предписания, помощником. Интерес представляет вопрос о том, кто является адресантом нормативно-правового текста и есть ли место автору в правотворческом процессе? С точки зрения авторского права позиция по этому вопросу однозначна: авторство в контексте нормативно-правовых актов категория некорректная. При этом категория авторства применима к проектам нормативно-правовых актов. Охрана авторства проектов официальных документов регламентирована в ст. 1264 ГК РФ³, и она обеспечивается автору (разработчику) даже в том случае, если проект нормативно-правового акта не был обнародован. Нормативно-правовые акты не содержат указания на конкретные личности, являющиеся их авторами (разработчиками). Действительно, в конце нормативно-правового акта всегда предусмотрена подпись ответственного должностного лица (например, для федерального закона – подпись Президента РФ). Подпись является резолюцией, придающей нормативно-правовому акту законную силу, но она не является подписью автора.

Автор – это лицо, творческим трудом которого создано произведение. Автором может быть только физическое лицо, а предметом авторского права может быть лишь произведение науки, литературы и искусства. Гражданское законодательство РФ не охраняет в качестве объекта авторских прав нормативно-правовые акты, следовательно, с позиции закона у нормативно-правового акта нет автора. Объектом авторских прав, несмотря на то что является, по сути, результатом интеллектуальной деятельности человека, нормативно-правовой акт не является. Кроме того, проект нормативно-правового акта не входит в перечень результатов интеллектуальной деятельности человека, приведённый в ст. 1225 ГК РФ и имеющий исчерпывающий характер. Но, поскольку законодатель признаёт за автором проекта официального документа права автора (хотя, надо отметить, в очень ограни-

³ Часть четвертая Гражданского кодекса РФ от 18.12.2006 № 230–ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10164072/7d7b9c31284350c257ca3649122f627b/> (дата обращения 25.11.2019).

ченном объеме: только право авторства и право на имя), логично включить его в перечень ст. 1225 ГК РФ. На этом можно было бы и завершить структурный анализ нормативно-правового текста, поскольку структурный анализ имеет в качестве своего объекта произведение.

Автор – создатель какого-нибудь произведения. Произведение – создание, продукт труда, творчества [Ожегов, 2016]. Таким образом, нормативно-правовой текст официального документа не является объектом авторского права, этот факт не оспаривается, но вне сомнения и то обстоятельство, что проект нормативно-правового акта является результатом творческой деятельности людей (законотворческой группы, аппарата Президента РФ и т. д.). Эти субъекты обладают авторскими правами на текст проекта нормативно-правового акта, но не обладают ими на текст нормативно-правового акта, общество не знает их в лицо и по имени, это лица *incognito*, представляющие интересы всего населения страны.

Кто бы ни был разработчиком нормативно-правового акта, он участвует в осуществлении государственной власти через слово нормативно-правового акта. Создавая функциональный язык, он формулирует норму, закрепляя её в тексте статьи, тем самым подготавливая средство для трансформации правосознания и правовой реальности.

Отличие писателя произведения от разработчика текста нормативно-правового акта в том, что писатель отождествляет себя со своим словом, тогда как разработчики нормативно-правового акта не имеют в себе авторских, личностных позиций, в силу чего отождествления не происходит. Последних можно именовать как «пишущих», людей «транзитивного типа» [Барт, 1989], клириков. Нормативное слово не является самоцельным деянием, а является результатом деятельности клириков. Транзитивность участников правотворческого процесса заключается в том, что перед ними ставится цель: зафиксировать, показать, раскрыть, довести до сведения, создать порядок, свидетельствовать, но не объяснить, не учить. Зафиксированное в тексте нормативно-правового акта слово является средством для достижения закреплённых в нём задач.

Функциональный язык нормативно-правового текста является коммуникативным орудием, поскольку несёт в себе деятельностьную мысль, что соответствует деятельностному подходу в праве [Червонюк, 2003] как способу правопознания, использование которого позволяет охарактеризовать нацеленность права, его норм и институтов на достижение фактических результатов, тех целей, которые вытекают из права. Разработчик текста нормативно-правового акта не осуществляет над текстом сущностного, онтологически важного действия, доказательством чего является недопустимость отражения в тексте индивидуального стиля, стандартизация и универсализация стиля. Цель, которая ставится в коммуникативном

проекте нормативно-правового текста, заключается в создании нормы соответствующей критериям: однозначности и бесспорности позиции законодателя. Таким образом, слово нормативно-правового текста транзитивно, ему не позволительно быть многозначным, оно не может содержать в себе вопроса, не должно вносить неопределённости.

В нормативно-правовом тексте мы не найдём личностей, зато в качестве субъектов права, обозначенных в тексте, мы обнаруживаем агентов действия (актантов), которые включены в парадигматические структуры текста: субъект – объект, адресат – адресант, помощник – противник, добросовестный приобретатель – собственник, продавец – покупатель и т. д.

Как отмечал Леви-Стросс, «общество состоит из общающихся друг с другом индивидов и групп» [Леви-Стросс, 1985], при этом коммуникация не может окончательно и бесповоротно прекратиться либо всегда наличествовать на одном и том же уровне, она реализуется, пока существует человеческое общество. Оппозиции «личность – символ», «ценность – знак» ввёл Леви-Стросс, анализируя три уровня коммуникации, существующие в любом обществе (женщин, имущества и услуг, сообщений) [Леви-Стросс, 1985]. Так, коммуникация «договорная» отражает оппозицию «ценность (товары, услуги) – знак»; коммуникация «семейная» – «личность и символ».

Нормативно-правовой текст закона является объектом коммуникативного акта между подателем (термин Барта [Барт, 2008]), в качестве которого выступает законодатель, и получателем (правоприменителем). Более того, с нормативно-правовым текстом образуется пространство коммуникативных актов между субъектами правоприменения. Это пространство усложняется за счёт новых нормативно-правовых текстов. Податель (он же повествователь) в коммуникативном акте с участниками правоприменительной деятельности скрывает своё личностное множество, имена законотворческой группы. Он выступает как безличное глобальное правосознание, форма которого совсем не ясна (народное, государственное, корпоративное). Это правосознание стоит в основе правопорядка, имеет надличностный характер. У него нет цели создать впечатление «народного», оно содержит индекс отстранённости, указывающий на своё означаемое – волю государства. С одной стороны, повествователь имманентен субъектам коммуникативных актов, но с другой стороны – отстраняется, как только отсылает к санкциям, он не ориентирован на одного субъекта более чем на другого (продавца или покупателя, истца или ответчика и т. д.), поскольку безучастен к социальным ролям субъектов коммуникативных актов.

Таким образом, мы обнаруживаем, что у правосознания нет и не может быть оппозиционной пары, при этом есть диалектическая – мать/сын (правосознание –

нормативно-правовой текст), представляющая собой дистилляцию квинтэссенций правосознания.

Список литературы / References

- Барт Р.** Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: поэтика / Под ред. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 133–141.
- Bart R.** Pisateli i pishushchie. In: Kosikov G. K. (ed.). Barthes R. Izbrannye raboty: semiotika: poetika. Moscow, Progress, 1989, p. 133–141. (in Russ.)
- Барт Р.** Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Барт Р. Нулевая степень письма / Под ред. Г. К. Косикова. М.: Акад. проект, 2008. С. 353–406.
- Barthes R.** Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatelnykh tekstov. In: Kosikov G. K. (ed.). Barthes R. Nulevaya stepen pisma. Moscow, Akademicheskii Prosrkt, 2008, p. 353–406. (in Russ.)
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Levi-Stross K.** Strukturnaya antropologiya. Moscow, Nauka, 1985. (in Russ.)
- Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л. И. Скворцова. М.: АСТ, 2016.
- Ozhegov S. I.** Tolkovyi slovar russkogo yazyka: okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii. Moscow, AST, 2016. (in Russ.)
- Сакаева З. Л.** Построение категориальных схем о правосознании с использованием теории динамических информационных систем // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, №4. С. 141–152.
- Sakaeva Z. L.** Constructing Categorical Schemes of Legal Consciousness Using the Theory of Dynamic Information Systems. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 141–152. (in Russ.)
- Червонюк В. И.** Элементарные начала общей теории права. М.: КолоС, 2003.
- Chervonyuk V. I.** Elementarnye nachala obshchei teorii prava. Moscow, KoloS, 2003. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

01.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author**Сакаева Зарема Лаврентьевна**

старший преподаватель, Омский государственный аграрный университет
(Омск, Россия)

Zarema L. Sakaeva

Senior Instructor, Omsk State Agrarian University (Omsk, Russian Federation)

sakaeva_zarema@mail.ru

УДК 316.354

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-129-143

Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири: сравнительный анализ советского и постсоветского опыта

А. М. Аблажей

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу национальных (этнических) научных сообществ. Основываясь на анализе исследовательской литературы, автор приходит к выводу о наличии локальной, национальной (этнической) по своей природе специфике научных сообществ. Подобная специфика проявляется в первую очередь в формировании своеобразного «образа науки и ученого», что особенно ярко проявляется на примере модернизирующихся обществ. Полученные теоретические результаты проиллюстрированы на примере формирования, эволюции и нынешнего состояния научно-образовательных сообществ республик Сибири (Тыва, Хакасия, Бурятия, Алтай). Доказано, что специфика их постсоветского развития во многом обусловлена советским опытом, в частности, когда речь идет о месте ученого в традиционном и модернизированном обществе, роли науки и образования как социального лифта, места сфер интеллектуального производства в современной социальной и экономической структуре указанных регионов.

Ключевые слова

наука, этническая специфика, национальная специфика, образ науки, познавательная традиция, модернизация, научное сообщество, локальность

Для цитирования

Аблажей А. М. Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири: сравнительный анализ советского и постсоветского опыта // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 129–143. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-129-143

The Position of Science and Scientist in the National Republics of Siberia: A Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Experience

A. M. Ablazhey

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of ethnic scientific communities. Based on the analysis of research literature, the author comes to the conclusion that there is a local, ethnic nature of the specificity of scientific communities. This specificity is manifested primarily in the formation of a kind of “image of science and scientist”, which is especially pronounced in modernizing societies. The obtained theoretical results are illustrated by the example of the formation, evolution and current state of the scientific and educational communities of the republics of Siberia (Tuva, Khakassia, Buryatia, Altai). It is proved that the specifics of their post-Soviet development is largely due to Soviet experience, in particular when it comes to the place of a scientist in a traditional and modernized society, the role of science and education as a social elevator, the place of spheres of intellectual production in the modern social and economic structure of these regions.

Keywords

science, ethnic specificity, national specificity, the image of science, cognitive tradition, modernization, the scientific community, locality

For citation

Ablazhey A. M. The Position of Science and Scientist in the National Republics of Siberia: A Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Experience. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 129–143. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-129-143

Актуальность изучения современного состояния науки и образования в модернизирующихся обществах, к которым, по моему мнению, с полным основанием следует относить и ряд республик Сибири, обусловлена двумя важнейшими обстоятельствами: во-первых, необходимо учитывать исторически важную роль, которую играют такие социальные институты как культура, образование, а с недавних пор и наука, в жизни традиционных обществ, прежде всего при реализации их модернизационного потенциала; во-вторых, налицо явный недостаток работ, основанных на материалах конкретно-социологических исследований. Настоящая статья представляет собой попытку показать динамику отношения к науке, к профессии ученого в локальных этнических сообществах и культурах в постсоветский

период. Важно, что речь пойдет о таких сообществах, в которых обособление интеллектуального труда и, как следствие, формирование и быстрый рост особого социального слоя занятых подобной деятельностью людей, слоя, способного к самовоспроизводству, произошло совсем недавно, будучи важным элементом процесса социальной модернизации. С другой стороны, нам было важно на материале сравнительно недавних эмпирических социологических исследований проанализировать ряд теоретических схем, имеющих отношение к проблеме национальной природы науки.

Прежде чем перейти к анализу эмпирических данных, стоит осветить основные проблемы, связанные с исследованием национальной (этнической) специфики локальных научно-образовательных сообществ. Начнем с рассуждений В. П. Филатова по поводу возможности анализа национальной науки как реального объекта. По его мнению, в современной философии науки и теории познания существует ряд важных идей, а именно: 1) знание не полностью детерминировано эмпирией; 2) нет единых рациональных методов организации знания, как и единых принципов его оценки, налицо методологический и эпистемологический плюрализм; 3) большую роль в процессе производства знания играют философские и идеологические детерминанты. Современная наука интернациональна, с историко-социологических позиций она является результатом постепенного распространения западно-европейской традиции научного знания. Однако это распространение предполагает наличие в воспринимающем науку обществе собственных ценностных и социальных предпосылок, без чего оно не может быть успешным. Адекватным способом исследования подобных предпосылок он считает исследовательскую программу антропологии знания, в которой на основе культурологических, антропологических и герменевтических методик исследуется функционирование научного знания и научных сообществ в различных культурах, процессы миграции знания, влияния социально-политических факторов на развитие научных традиций. Исходя из этой программы, предлагается и обосновывается понятие социокультурного «образа науки», характерного для определенного времени и определенной культуры. В этот образ входят представления ученых и более широких слоев общества о природе и целях науки, ее социальной роли, ее месте среди других форм духовной культуры (религии, искусства, политического сознания, философии и т. п.), о ценностно-этических формах, которые должны разделять члены научного сообщества.

Для иллюстрации своей позиции В. П. Филатов приводит характеристику образов науки, сформировавшихся в русском общественном сознании к началу XX в. 1. Наука «стандартного европейского типа», что связано с появлением первых успехов отечественной науки и с повышением социального статуса ученых в обще-

стве. 2. Наука как «средство преодоления социального и сословного гнета», с опорой на народнические и неонароднические идеи, на традиционные формы культуры, на утилитарное понимание науки, порой доходящее до «контрнаучных и контркультурных движений». 3. Наконец, воззрения Н. Федорова, который предложил проект создания «самобытной русской науки, принципиально отличной по всем этим параметрам от науки западной» В целом, по мнению Филатова, науку трудно вписать в культуру, но делать это нужно и можно, при условии применения соответствующих методов. Например, западную познавательную традицию нужно понимать как своеобразную «научную культуру», связанную с мистическими, религиозными, идеологическими факторами, искусством (см.: [Филатов, 1990. С. 38]). Ср. с В. В. Целищевым: «...неоспоримо то, что на убеждения людей значительнейшим образом влияет сообщество, в котором они творят, и культура» [Целищев, 2003. С. 5].

Оригинальная трактовка национальной природы науки представлена в концепции израильского исследователя И. Эльканы. По его мнению, не существует единой науки, единого знания и единой научной традиции. Напротив, для разных культур характерно наличие уникальных *образов* знания, что дает основание предположить наличие разных «наук» в различных культурах, которые могут быть качественно отличны друг от друга. Для пояснения своей позиции Элькана вводит понятие «познавательной традиции», которая является результатом синтеза трех групп факторов: 1) различные типы общего мировосприятия, в том числе специфика отношения «субъект – объект»; 2) своеобразие «образа знания» – специфичных для данной культуры представлений о природе и источниках знания, целях и возможностях познания, о месте знания среди других форм духовной культуры (религии, искусства, морали); 3) место людей, занятых познавательной деятельностью, в структуре общества. Важно, что подобная схема не исключает существования этнически локальных систем знания, наличие которых характерно для традиционных обществ, изучение которых возможно только «изнутри», только антропологическими методами, с целью увидеть мир «глазами» изучаемого когнитивного сообщества (см.: [Elkana, 1981. С. 9]).

Продуктивную концепцию анализа национальной природы науки предлагает Т. Романовская. По ее мнению, есть несколько способов, с помощью которых в принципе возможны подобного рода исследования, учитывая в том числе тот факт, что в целом понятие «национальная наука» широко используется в работах по истории науки и никаких проблем с ним не возникает. Например, когда мы говорим, что в середине XVIII в. французская наука уступила главенствующее место английской и немецкой, то имеем в виду совершенно неоспоримый факт того, что в это время большинство значительных работ в области естествознания и точ-

ных наук были сделаны английскими и немецкими учеными, тогда как в начале века картина была противоположная. Другими словами, использование концепции национальной науки в историко-научных исследованиях достаточно традиционно и не вызывает особых проблем. Другое дело, когда мы говорим о национальной науке именно применительно к культурной специфике – здесь начинаются трудности, поскольку нет очевидного ответа на вопрос о том, где искать корни национальной специфики научной деятельности: в этнических особенностях, в географии; каким образом можно выделить в науке как таковой, в отдельной научной работе, в творчестве отдельного ученого то, что соотносится с национальными особенностями и насколько это вообще правомерно.

Возможны два варианта решения данной проблемы. 1. Исходить из установленных априори национальных особенностей данного региона или данной страны, т. е. вести разговор о национальном менталитете, использовать художественный метод постижения внутреннего мира представителей той или иной национальной культуры, в качестве доказательств использовать метод аналогий, при анализе языка науки использовать скорее метафорические, чем лингвистические приемы. Этот метод, с точки зрения Романовской, ярок, но малопродуктивен. 2. Заниматься поиском конкретных механизмов зависимости между наукой данного периода и некими характерными особенностями (которые еще предстоит выявить), которые можно условно отнести к национальной специфике науки (см.: [Романовская, 1998. С. 72]).

Ряд исследователей обращают внимание на сосуществование двух, казалось бы, взаимоисключающих тенденций: к «национализации» науки и, напротив, к ее интернационализации. Х. Рейнбергер, указывает, в частности, на следующее обстоятельство: «интернационализм в науке – это не единичная, четко определенная вещь или отношения, так же как формы глобализации, связанные с ним... они бывают в разных формах и во многих временных вариантах, которые необходимо подробно проанализировать. То же самое относится к формам развития на национальном и местном уровнях, будь то предпосылка или следствие тенденций к интернационализации/глобализации. Два явления – локальность и глобальность – обычно не могут быть аккуратно отделены друг от друга, но порождают друг друга в их специфических формах» [Rheinberger, 2016. С. 201].

По мнению А. Юревича, несмотря на свою очевидность, национально-этническая обусловленность научного познания остается одной из самых «трудных» тем для науковедения, с большим сопротивлением отвоевывающей себе место в науковедческой проблематике. Основные причины этого сопротивления тоже не лишены национально-культурной окраски. Во-первых, боязнь того, что акцентирование национального может внести раскол в «братскую семью народов».

Во-вторых, современный западный контррасизм, здоровый в своей основе, но принявший утрированные формы и выражающийся, например, в том, что профессор американского университета может быть запросто уволен, если скажет студентам, что нации или расы хоть чем-то различаются.

Помимо этого, активный поиск национальных особенностей науки продиктован, по мнению Юревича, следующими важными обстоятельствами. Прежде всего, сегодня исследование национальных научных сообществ в целом является активно развивающимся направлением в социологии науки, социологии знания, науковедении, социальной истории науки. Далее, нечто похожее на Россию наблюдается и в других странах, имеющих неплохо развитую науку – пример Турция, где раздаются призывы построить в противовес западной особую «исламскую науку». Наконец, даже на Западе наука западного типа не признается единственно возможной, в качестве именно науки принята, например, традиционная восточная наука (еще 20 лет назад стало модно говорить о различиях западного и восточного мышления, при сравнении, например, опыта строительства современного общества в Европе и Японии). Отсюда вывод, что можно говорить об общекультурных особенностях науки и принципиальном плюрализме форм научного знания и способов его производства. По мнению Юревича, когда речь идет о *процессе познания*, особенно его социальной организации, тогда национальные особенности налицо. Имеет смысл также рассуждать о макросоциальных особенностях науки: какие функции она выполняет в данном обществе; на развитии каких именно наук делается акцент; как организован институт науки в целом; как строится взаимодействие между академической, вузовской и прикладной наукой, и т. п. (см.: [Юревич, 2000. С. 9–13]).

В связи с этим особую роль приобретает социально-культурный контекст науки, связанный с модернизацией: в период перехода к новым формам социальной жизни институт науки начинает играть более разнообразные функции. С. Панарин, характеризуя специфику современной Бурятии, оперирует понятием «социальная модернизация», рассуждая о том, почему наиболее предпочтительным вариантом карьеры для представителей титульных этносов оказалась карьера ученого-гуманитария, или управленца, или деятеля культуры; в любом случае – как правило, вне сферы материального производства. По его мнению, «наиболее популярной среди бурят стратегией социальной мобильности был переход от коллективно наследуемых сельскохозяйственных занятий к индивидуально избираемым занятиям, не требующим личного участия в материальном производстве – преимущественно управленческим и интеллектуальным. Причина – реализация специфической стратегии мобильности через образование. Она обеспечивает групповые потребности в социальной модернизации в резко ухудшившихся для

этого условиях. Но одновременно она, уже на уровне регионального сознания, не стимулирует индивидуального выбора в пользу тех видов деятельности, доступ к которым не обусловлен групповыми лояльностями» [Панарин, 2000. С. 16]. Другими словами, отношение к интеллектуальной деятельности в контексте национальной (этнической) специфики выражается в реализации «стратегии мобильности через образование... [что] безусловно, удовлетворяет потребность в этносоциальной модернизации в резко ухудшившихся для этого условиях» [Панарин, 2005. С. 65]. Тех же позиций придерживается и Г. Манзанова, утверждая, что «высокая ориентация бурят на достижение соответствующего [образовательного] статуса и связанных с ним должностных привилегий связана... не только с пережитками патриархальных традиционных отношений, но и с отсутствием иных каналов мобильности для этнических групп в депрессивном регионе» [Манзанова, 2001. С. 57]. Подтверждают подобный вывод – «для сельских жителей Бурятии получение диплома о высшем образовании имеет большую ценность» – и другие аналогичные исследования (см.: [Гунтыпова, Шулунова, 2006]).

Еще одним серьезным аргументом в пользу подхода, основанного на выделении и анализе социокультурных факторов развития сфер интеллектуального производства, в первую очередь науки, могут служить особенности трансформации института науки в постсоветский период. Научное сообщество в этом случае понимается нами как традиционно обладающее (или стремящееся к таковой) институциональной автономией, которая, в свою очередь, диктует специфические условия профессиональной социализации ученого и его социальное самочувствие. Специфика взаимоотношений в сфере научной деятельности определяется «сетью социальных взаимодействий... наука определенного времени – это сообщество людей, занятых научными исследованиями, их сложнейшие связи и отношения, их познавательные установки и их познавательные практики, в первую очередь способы согласования этих установок и практик» [Карпович, 2003. С. 4].

С целью реализации предложенной методологии мы условно поделили отношение к науке на два типа: советский и постсоветский, каким оно было «прежде» и стало «теперь». Эти типы были сконструированы на основе текстов интервью и других материалах социологических исследований, проведенных среди научных сотрудников и преподавателей вузов республик Тува и Хакасия в ходе социологических экспедиций в 2000-е гг. В данном случае ученые позиционировали себя, с одной стороны, по отношению к обществу в целом, отвечая в ходе интервью, в частности, на вопрос о том, какова специфика положения науки по сравнению с другими социальными институтами на данный момент времени, с другой, мы просили оценить как их личное профессиональное и социально-психологическое состояние, так и положение дел в научном сообществе в целом.

Для всех наших собеседников абсолютно бесспорным является убежденность в том, что «раньше» (очевидна нечеткость такого временного разграничения, и более строго хронологически это можно обозначить как период 1940–1980-х гг., особенно это характерно для Тувы) положение науки и ученого, преподавателя вуза, степень уважения к образованным людям вообще, к новой, только нарождавшейся национальной интеллигенции были совершенно иными, чем сегодня: *«Раньше мы были белая кость, уважаемые люди. Особенно для восточного общества, они уважали учителей, а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги»*¹.

Другой наш собеседник, подтверждая, с одной стороны, эту мысль, выразил уверенность, что это уважение еще сохраняется на уровне сознания сельского жителя, продолжающего оставаться во многом носителем традиционного сознания: *«Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы, к ним здесь (в Туве) относились с большим пиететом... у тувинцев еще сохраняется в сельской местности: ученый – вот это действительно большой человек, и то, что он скажет, просто последняя инстанция»*.

В современной России, согласно официальным оценкам, «воспроизводство молодежи высшего образования не носит преимущественно наследственного характера, а достаточно широко представлено и представителями других социальных групп молодежи. Хотя по сравнению с 1999 г. отмечается пусть незначительное, но сужение социальной базы воспроизводства интеллигенции с высшим образованием»². В условиях стремительного социального расслоения выбор научной карьеры становится одним из каналов социальной мобильности, успешно действующим социальным лифтом: *«Это один из способов продвижения по карьере... если нет больше возможностей как-то подняться, продвинуться – через науку... люди идут из низов в науку, из небогатых семей... у нас все научные сотрудники в основном из деревни»*. Положение науки изменилось, а на уровне традиционного сознания еще сохранились прежние стереотипы. Оценки науки на уровнях массового сознания и членов научного сообщества кардинально разнятся, хотя прежде, по всей видимости, они во многом совпадали: *«Считают, что напишут кандидатскую как диплом и будут большим человеком, со всеми вытекающими последствиями»*. Отношение к науке только как к средству карьерного роста в других сферах деятельности приводит к тому, что *«некоторые, вроде как и нормально заканчивают вузы, но поскольку они не осознают, что такое аспирантура, они так*

¹ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты наших социологических интервью.

² Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 годы): эффективность и перспективы» // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2004. № 31 (251). URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25512/ (дата обращения 07.05.2020).

долго и учатся. И тема может быть хорошая, и в лучшем случае они даже защитятся, но потом это как-то замедляется, застопоривается». Таким образом, для части современных студентов в высшем образовании важно не столько его содержание, сколько социальный капитал, полученный как лично студентом, так и близким социальным окружением по факту нахождения в сфере высшего образования, обеспечившим для своего члена доступ к резерву социальной мобильности. Аналогичный мотив подчеркивает и С. Панарин: установка бурят на высшее образование активизируется и реализуется «не из-за абстрактной жажды знания, а потому что дорога в вуз – это одновременно дорога от фермы, в перспективе – от тяжелого и все хуже вознаграждающего труда к “чистой” и хорошо оплачиваемой работе» [Панарин, 2005. С. 65].

Следует особо остановиться на феномене замещающей социальной мобильности, в результате которой на смену уехавшим в центр страны детям нынешней национальной элиты (стремящимся занять более высокие ступени социальной лестницы) приходит молодежь из более низких социальных слоев, получающая высшее образование и выбирающая ученую карьеру с целью реализации восходящего вектора социальной мобильности. Это характерно, например, для Республики Алтай: *«Дети элиты, властной элиты, они на сегодняшний день просто получают хорошее образование где-то в России или не в России, но в республике их нет, их здесь нет... они просто все исчезли и уехали. И не слышно, чтобы они защитили какие-то диссертации, как-то реализовались, каким-то образом. А вот по университету в основном это те, кто приехали, поняли, что обратно [в деревню] им не хочется».*

Одним из наиболее серьезных признаков кризиса науки в России признается дефицит молодых кадров, в связи с чем мы специально задавали нашим респондентам вопрос о том, благодаря чему молодежь все же идет в науку. Здесь подтвердилась тенденция, неоднократно отмечавшаяся ранее: по мнению самих ученых, в том числе и молодых, наибольшее влияние имеют тяга к познанию и стремление к творчеству. Значительное влияние на молодежь оказывает сама ученая среда; так, молодые научные сотрудники активно перенимают сложившиеся в научных коллективах традиции общения: *«Из тех, кто все-таки попадает в науку, и в частности, те, кто у нас в лаборатории, это ребята, которых удалось заразить получением новой информации собственными руками... это игра на амбициях в хорошем смысле слова».* Члены локальных научно-образовательных сообществ национальных республик Сибири сохраняют достаточно высокую степень привязанности к профессии. Значительная часть ученых сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают. Тем не менее существенное значение играет фактор трансформации

органичной для ученой профессии системы ценностей, поскольку для целого ряда людей ученая карьера, как уже говорилось, является не целью, а средством: «...молодежь все-таки недопонимает. Надо же, кандидат наук, потому что это действительно престижно, а что за этим, что это такое – они недопонимают».

При анализе процесса воспроизводства национальной интеллигенции нельзя не отметить также фактор усиления внутриэтнической солидарности при реализации стратегии вертикальной социальной мобильности через образование. Подобный феномен уже отмечался исследователями применительно к Республике Бурятия: «Существует достаточно распространенное мнение о том, что у абитуриентов-бурят есть гораздо больше преимуществ перед абитуриентами-русскими. Объясняется это тем фактором, что система высшего образования представлена в большей степени бурятами. Для осуществления их деятельностных предпочтений бурятам надо получать высшее образование. Для того чтобы абитуриенты из сельской местности могли возместить неизбежные недостатки своего образования, они (точнее, их родители) должны мобилизовывать в поддержку своих детей внутриэтнические родственно-земляческие связи» [Панарин, 2000. С. 17]. Аналогичные процессы описаны Р. Харуновым на примере Тувы (см.: [Харунов, 2007; 2010]).

Крайне противоречивая ситуация сложилась на сегодняшний день в отношении к такому новому для российской науки явлению, как коммерциализация. Примечательно, но даже те исследователи и управленцы, которые настаивают на том, что наука (в том числе фундаментальная) должна себя окупать, согласны, что этика научного поиска и заинтересованность в коммерческом успехе его результатов как поведенческие стратегии слабо согласуются друг с другом. Что касается региональной науки, то в большинстве своем члены местных научных сообществ относятся к коммерциализации науки отрицательно. На вопрос о том, какое влияние оказывают попытки перевода научных учреждений на самоокупаемость, стимулирование самостоятельного поиска потребителей научной продукции, на положение науки в городе и республике, почти половина указали, что в целом оно негативно; значительная часть респондентов еще не составила для себя определенного мнения по данному вопросу. Исходя из подобного распределения оценок, очевидно, что все попытки реформировать российскую науку (во всяком случае, когда речь ведется о периферийных научных центрах) в направлении увеличения удельного веса ее коммерческой составляющей фактически не удалась и приоритеты ученых на местах в этом отношении мало изменились. Отрицательно относясь к процессу коммерциализации науки, ученые в то же самое время категорично утверждают, что низкий уровень доходов в науке остается главным фактором, из-за которого люди уходят в другие сферы деятельности, а молодежь не идет

в науку, т. е. процесс увеличения доходов в науке, процесс, от которого зависит само выживание науки, с точки зрения наших респондентов, не должен сопровождаться процессом ее коммерциализации, что полностью противоречит государственной политике (как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов) в отношении фундаментальной науки в России.

В то же время можно считать практически бесспорным и тот факт, что подготовка научной смены на местном уровне – почти личная инициатива ученых, поскольку власти зачастую считают, что проще подготовить специалиста в престижном столичном вузе, чем, допустим, в ТувГУ: *«...очень большие деньги вкладываются в обучение за пределами (республики), но поскольку отсутствует стратегия, кого посылать и по каким специальностям готовить, то все решается на уровне моды у родителей»*. Вероятнее всего, помимо энтузиазма, срабатывает своеобразный инстинкт самосохранения научного сообщества, поскольку опыт показывает, что *«...вузовский преподаватель, не имеющий возможности время от времени получать отпуск для повышения квалификации или собственной научной работы, тоже дисквалифицируется. Равно как и ученый, вокруг которого нет молодежи»*. Среди ученых нарастает ощущение того, что кризисное положение науки в обществе, невнимание к ее нуждам негативно сказывается на квалификации людей, работающих в науке. Почти половина наших респондентов, оценивая профессиональный уровень своих коллег, дали ему среднюю оценку, и лишь один человек поставил высший балл.

Анализируя полученные от участников обследования ответы относительно степени их индивидуальной адаптации к новым социальным и экономическим условиям жизни, следует сделать вывод, что здесь картина более благоприятная, чем в крупных научных центрах. Более половины обозначили свой уровень адаптации как средний, менее десяти процентов ученых решили, что они хорошо адаптированы (при том что лишь один человек признался в том, что «совершенно не приспособлен к современным условиям»). Ровно четверть респондентов отметили, что адаптация к новым условиям происходит с трудом. Менее благоприятная картина наблюдается при оценке респондентами уровня жизни: более трети опрошенных ученых обозначили его как средний, тогда как более сорока процентов – находящийся ниже среднего уровня; более $\frac{1}{5}$ вообще уверены, что живут на уровне, близком к черте бедности. Никто из опрошенных не указал, что живет на уровне выше среднего или тем более на высоком уровне достатка.

Ученые в провинции сохраняют достаточно высокую степень привязанности к профессии. Лишь чуть более четверти из них выразили готовность перейти на более оплачиваемую работу вне науки, тогда как уверены в том, что не согласятся на это ни при каких обстоятельствах, более трети. Стоит, однако, отметить, что

оставшаяся часть респондентов выбрали психологически более нейтральный вариант, не дав вообще никакого определенного ответа, оставляя для себя свободу маневра. Анализ мнений ученых о том, какие факторы заставляют их в сложившихся условиях сохранять верность науке, показывает, что ведущую роль играет такой мотив как любовь к своей профессии, работе; желание быть нужным, полезным обществу. Лишь явное меньшинство остаются в науке потому, что не могут найти более подходящего места, равно как и боятся остаться без работы. Значительная часть ученых все еще сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают, даже несмотря на то, что материальное обеспечение оставляет желать лучшего.

Проведенное исследование позволяет сделать как минимум два важных вывода. Прежде всего, анализ собранных нами материалов подтверждает тот факт, что специфика места и роли ученого в обществах, относительно недавно вступивших на путь социально-экономической и социокультурной модернизации, определяется как наличными социально-экономическими факторами, так и сложной по генезису традицией. Особое место интеллектуала в таких обществах и культурах, как следствие процесса модернизации советского времени, во многом сохранилось, хотя и претерпело очевидные негативные трансформации.

Очевидно также неоднозначное положение науки в национальных регионах Сибири. Несмотря на то, что многие институты гуманитарного профиля считаются (и продолжают оставаться на деле) важнейшим элементом культурного наследия и развития региона, поддержка со стороны местных властей не всегда оказывается в нужном объеме. Жизненно важной задачей для региональных научных сообществ (при этом речь идет не только о научных учреждениях, полностью финансируемых из местных бюджетов, но и институтах РАН, расположенных на территории национальных территорий Сибири - в данном случае мы можем судить о сложившейся ситуации на примере Республик Тыва и Хакасия) становится выработка и реализация тщательно продуманной и реалистичной стратегии взаимодействия с местной властью, от которой в условиях дефицита ресурсов, в первую очередь финансовых, зависит очень и очень многое.

Список литературы / References

- Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опросов в Бурятской сельхозакадемии // Вестник Евразии. 2006. № 2 (32). С. 47–61.
- Guntypova E., Shulunova R. Migratsiya i vysshee obrazovanie (po rezul'tatam oprosov v Buryatskoj sel'khozakademii [Migrations and High Education: according

to the results of surveys in the Buryat Agricultural Academy]. *Vestnik Evrazii*, 2006, no 2 (32), p. 47–61. (in Russ.)

Карпович В. Н. Социальная эпистемология и принятие решений в демократическом научном сообществе // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2003. С. 13–17.

Karpovitch V. N. Sotsial'naya epistemologiya i prinyatie reshenij v demokratičeskom nauchnom soobshchestve [Social Epistemology and Decision Making in a Democratic Science Community]. In: *Filosofiya: istoriya i sovremennost'* [Philosophy: History and Modernity]. Novosibirsk, NSU Press, 2003, p. 13–17. (in Russ.)

Манзанова Г. В. Трансформация процессов урбанизации и маргинализации в национальных регионах России // *Конфликт – диалог – сотрудничество*. М.: ЦСПИ, 2001. Бюл. № 8. С. 56–64.

Manzanova G. V. Transformatsiya protsessov urbanizatsii i marginalizatsii v natsional'nykh regionakh Rossii [Transformation the processes of urbanization and marginalization in the national regions of Russia]. In: *Konflikt – dialog – sotrudnichestvo* [Conflict – dialogue – cooperation]. Moscow, CSPI, 2001, no. 8, p. 56–64. (in Russ.)

Панарин С. А. Конфликтный потенциал социально-экономических и этносоциальных процессов в Республике Бурятия // *Конфликт – диалог – сотрудничество*. М.: ЦСПИ, 2000. Бюл. № 3. С. 4–17.

Panarin S. A. Konfliktnyj potentsial sotsial'no-ekonomicheskikh i etnosotsial'nykh protsessov v Respublike Buryatiya [Conflict potential of socio-economic and ethno-social processes in the Buryat Republic]. In: *Konflikt – dialog – sotrudnichestvo* [Conflict – dialogue – cooperation]. Moscow, CSPI, 2000, no. 3, p. 4–17 (in Russ.)

Панарин С. А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // *Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность*. М.: Наталис, 2005. Вып. № 5. С. 23–94.

Panarin S. A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Respublike Buryatiya [Ethno-political situation in the Buryat Republic]. In: *Bajkal'skaya Sibir': iz chego skladyvaetsya stabilnost'* [Baikal Siberia: the origins of stability]. Moscow, Natalis, 2005, iss. 5, p. 23–94. (in Russ.)

Романовская Т. Б. К анализу понятия «национальная наука»: постановка проблемы // *Социокультурный контекст науки* / Под ред. Е. А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 1998. С. 70–83.

Romanovskaya T. B. K analizu ponyatiya “natsional'naya nauka”: postanovka problemy [To the analysis of the “national science” concept: statement of the prob-

- lem]. In: Mamchur E. A. (ed.). *Sotsiokul'turnyj kontekst nauki* [Socio-cultural context of Science]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 1998, p. 70–83. (in Russ.)
- Филатов В. П.** Образы науки в русской культуре // *Вопр. филос.* 1990. № 5. С. 34–46.
- Filatov V. P.** *Obrazy nauki v russkoj kul'ture* [Images of science in Russian culture]. *Questions of Philosophy*, 1990, no. 5, p. 34–46. (in Russ.)
- Харунов Р. Ш.** Стратегии доступа к высшему образованию в Туве // *Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии*. М.: Наталис, 2007. С. 190–203.
- Kharunov R. Sh.** *Strategii dostupa k vysshemu obrazovaniju v Tuve* [Strategies for Access to Higher Education in Tuva]. In: *Sistema vysshego obrazovaniya v sotsial'nom razvitii Tsentral'noj Azii* [The High Education System in the social development of Central Asia]. Moscow, Natalis, 2007, p. 190–202. (in Russ.)
- Харунов Р. Ш.** Формирование тувинской интеллигенции путем выдвижения – коренизации кадров // *Новые исследования Тувы*. 2009. № 12. С. 273–290.
- Kharunov R. Sh.** *Formirovanie tuvinskoj intelligentsii putem vydvizheniya – korenizatsii kadrov* [Formation of the Tuvan intelligentsia through promotion – indigenization of personnel]. *Novye Issledovaniya Tuvy*, 2009, no. 12, p. 273–290. (in Russ.)
- Целищев В. В.** Наука и социальные ценности: социальная и концептуальная структура научного дискурса // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2003. С. 5–12.
- Tshelishchev V. V.** *Nauka i sotsial'nye tsennosti: sotsial'naya i kontseptual'naya struktura nauchnogo diskursa* [Science and Social Values: social and conceptual structure of scientific discourse]. In: *Filosofiya: istoriya i sovremennost'* [Philosophy: History and Modernity]. Novosibirsk, NSU Press, 2003, p. 13–17. (in Russ.)
- Юревич А. В.** Национальные особенности науки // *Науковедение*. 2000. № 2. С. 9–23.
- Yurevich A. V.** *Natsional'nye osobennosti nauki* [National specific of Science]. *Naukovedenie*, 2000, no. 2, p. 9–23. (in Russ.)
- Elkana Y.** Programmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge. In: Mendelsohn E., Elkana Y. (eds.). *Sciences and Cultures. Anthropological and Historical Studies of the Sciences*. Springer, 1981, p. 1–76.
- Pallo G.** Internationalism in Soviet World-Science: The Hungarian Case. In: Crawford E., Shinn T., Sorlin S. (eds.). *Denationalizing Science. The Contexts of International Scientific Practice*. Springer, 1993, p. 209–232.

Rheinberger Hans-Jörg. Patterns of the International and the National, the Global and the Local in the History of Molecular Biology. In: Merz M., Sormani P. (eds.). The Local Configuration of New Research Fields. On Regional and National Diversity. Springer, 2016, p. 193–204.

Материал поступил в редколлегию

Received

16.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Аблажей Анатолий Михайлович

кандидат философских наук

¹ ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

² доцент кафедры социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Anatoly M. Ablazhey

Candidate of Sciences (Philosophy)

¹ Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

² Docent, Department of Social Philosophy and Politology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

ablazhey63@gmail.com

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-144-153

Сельские локальные сообщества: функциональный анализ социокультурного развития

В. С. Шмаков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследование динамики социокультурного развития сельских локальных сообществ в условиях многополярности, разноректорности и разновременности изменения их социально-экономического пространства, с точки зрения системного подхода, дает возможность отразить сложные процессы социокультурного развития села. На основе типологизации функций, определяющих основные стратегии социокультурного развития сельских сообществ, предложена имитационная модель анализа динамики социокультурного развития села. Модель обладает достаточно высокой степенью адекватности, верификации и способствует формированию научно обоснованных выводов. Имитационная агент-ориентированная модель дает возможность перехода к симуляции социокультурных явлений и процессов, построению их прогнозных сценариев.

Ключевые слова

сельские локальные сообщества, социокультурная динамика, функциональный анализ, имитационная модель

Для цитирования

Шмаков В. С. Сельские локальные сообщества: функциональный анализ социокультурного развития // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 144–153. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-144-153

Rural Local Community: A Functional Analysis of Socio-Cultural Development

V. S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study of the dynamics of the socio-cultural development of rural local communities under the conditions of multipolarity, multidirectional and asynchronous changes in their socio-economic space, from the

© В. С. Шмаков, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

point of view of the systemic approach, makes it possible to present the complex processes of rural social and cultural development. Based on the typology of functions that determine the basic strategies for the socio-cultural development of rural communities, a simulation model is proposed for analyzing the dynamics of the socio-cultural development of the village. The model has a sufficiently high degree of adequacy, verification and contributes to the formation of scientifically based conclusions. A simulation-based agent model enables the transition to the simulation of socio-cultural phenomena and processes, and the construction of their forecast scenarios.

Keywords

rural local communities, socio-cultural dynamics, functional analysis, simulation model

For citation

Shmakov V. S. Rural Local Community: A Functional Analysis of Socio-Cultural Development. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 144–153. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-144-153

Производственно-экономические и институциональные изменения в агропромышленном комплексе (АПК) России оказывает системообразующее влияние на динамику социокультурного развития сельских локальных сообществ. Изменяются количественные и качественные социокультурные характеристики. Идет процесс формирования новых поведенческих стратегий. Эти преобразования свидетельствуют о том, что сельские сообщества, с одной стороны, пытаются сохранить присущие им традиции, обычаи и т. д., способствующие поддержанию своей самоидентичности, с другой стороны, заново конструирует социокультурные механизмы адаптации к новым социально-экономическим реалиям. Эти процессы оказываются одним из существенных факторов, определяющих стратегии инновационного развития. Социокультурное содержание производственно-экономических и институциональных трансформаций, происходящих в обществе, определяется не только внешне обусловленными социально-экономическими преобразованиями, связанными с изменением форм собственности, аграрной политикой государства, формирующейся системой социально-экономических взаимодействий и т. д. Значительное влияние оказывают и реакции населения на эти преобразования. Жителям сельских сообществ приходится усваивать новые производственно-экономические, институциональные и социокультурные нормы. В процессе адаптации к современным условиям жизнедеятельности складываются новые сложные, недостаточно устойчивые отношения и связи, что приводит к состоянию непостоянности, изменчивости, неравновесности, сложному сочетанию порядка и хаоса. В результате динамика социокультурного развития сельских локальных сообществ имеет крайне противоречивый и нелинейный характер. Говоря словами И. Пригожина, речь идет о «...неравновесности, ведущей не только к порядку и беспорядку, но открывающей также возможность для возникновения уникальных событий, ибо спектр возможных способов существования объектов в этом

случае значительно расширяется (в сравнении с образом равновесного мира)» [Пригожин, 1991. С. 50]. Эти процессы наиболее отчетливо могут быть проиллюстрированы на примере функционального анализа моделей социокультурной трансформации сельских локальных сообществ. Исследование динамики социокультурного развития села в рамках функционального подхода, определяющего общество как систему, представляющую собой достаточно органичный комплекс функционально взаимосвязанных элементов, позволяет интерпретировать развитие сельских общества с точки зрения вызовов, с которыми они сталкиваются сегодня и ответов, их реакций на эти вызовы, определяющие внутренний импульс развития. Можно отметить, что фундаментальные производственно-экономические и институциональные сдвиги, а также обусловленные ими социокультурные изменения, в достаточно полной мере определяют происходящие процессы. Их осмысление эффективно осуществлять с использованием своеобразных моделей, фиксирующих динамику социокультурных процессов, демонстрирующих истинную природу трансформационных изменений. С этой точки зрения функциональный подход является определенным инструментом, позволяющим дать описание социокультурного развития сельских сообществ путем определения, подбора моделей анализа его анагенеза, посредством изучения и оценки функций этих моделей как отражающих исполнение участниками соответствующих процессов своих ролей, осуществляющих определенную поведенческую деятельность, адаптивные процессы и др. Исследование моделей социокультурной динамики развития сельских локальных сообществ в условиях многополярности, разновекторности и разновременности формирования их социально-экономического пространства может способствовать активизации аграрной политики государства, обращению внимания на социокультурные процессы.

К задачам нашего исследования мы, таким образом, относим анализ и подбор функциональных моделей динамики социокультурного развития села. Ситуация усложняется тем, что объект изучения является сложной системой, развитие и функционирование которой не поддается однозначной оценке. Сельские локальные сообщества многофункциональны, в процессе исследования возникает достаточно много проблем, требующих оценки количественных и качественных параметров, определения логики развития процессов их функционирования. Эффективное решение поставленной задачи осложняется чрезвычайно динамичными процессами взаимодействия и переходов состояний. Использование методов и методологии моделирования предполагает определение функций используемой модели, способствующих углубленному познанию социокультурного развития села, позволяющих осуществить их системную характеристику. Определение основных параметров социокультурной динамики сельских сообществ, построение

моделей их развития может способствовать решению существующих проблем, осуществлению системы мер, направленных на улучшение жизни сельского населения. Применение в качестве методологической основы исследования функционального анализа дает возможность рассматривать изучаемый объект как сложную социокультурную структуру, характеризующуюся исключительным разнообразием. Системный подход способствует получению развернутой картины социокультурной жизни сельских сообществ, в которой все происходящие процессы исследуются с точки зрения взаимосвязанности её составляющих. Его цель – определение условий сохранения целостности сельского сообщества и приспособления его к формирующимся реалиям.

Отметим, что в литературе функциональный подход является одним из основных методологических принципов анализа, сущность которого состоит в дифференциации элементов структуры социальной системы. Установление взаимоотношений и взаимовлияния субъектов в процессе социального взаимодействия, определение роли, значения функций раскрывает способность их взаимодействия в процессе самовоспроизводства и саморегулирования.

В этом случае категория «функция» означает «исполнение» деятельности, осуществляемой элементами в процессе функционирования в интересах всей системы. Речь идет о повторяющихся социальных явлениях и процессах, в нашем случае, это динамика социокультурного развития села. Главное содержание, смысл функции есть определение объективных следствий, продуцируемых социальными явлениями и процессами социокультурного развития сельских локальных сообществ.

Основатели функционального подхода О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм полагали, что общество – это система, которая представляет собой интегрированный, органичный комплекс взаимосвязанных, согласованных элементов, пребывающих в функциональных отношениях и взаимосвязях друг с другом на протяжении определенного временного интервала. Социальная статика О. Конта подчеркивает, что объяснение любого социального явления возможно лишь в случае наличия закона, с помощью которого можно охарактеризовать его взаимосвязи с другими явлениями, процессами и их структурными элементами [Конт, 2003]. Г. Спенсер отмечал, что общества есть организмы и прогрессирующая интеграция и дифференциация общественной структуры в обществе сопровождается дифференциацией функций ее структурных элементов (см.: [Спенсер, 1996. С. 279–332]). Э. Дюркгейм подчеркивал, что общество обладает характерной, объективной реальностью, независимой от людей, содержание и сущность которой определяют социальные факты и элементы, которые можно устанавливать, исследовать, сопоставлять и измерять. Объяснение, трактовку социальной жизни следует определять исхо-

да из природы общества. Система складывающегося в обществе разделения труда предполагает типизацию социальных действий [Дюркгейм, 1996]. Б. Малиновский, рассматривая динамику культурных изменений, определял общество как адаптивную систему, все элементы структуры которой предназначены удовлетворению, компенсации потребностей системы, обеспечению ее жизни, равновесия [Малиновский, 2004]. Т. Парсонс введением в процесс исследования понятия эволюции расширяет идею равновесия, включая принципы самосохранения и развития, организуя ряд подсистем, определяя выработку целей действия. Условиями существования системы являются ее функции: адаптация к окружающей среде; постановка и достижение целей, определение механизмов их достижения. Общество обладает системой саморегуляции, стабильностью, способностью к интеграции. Наличие устойчивых связей элементов позволяет системе воспроизводиться в качестве образца на долгое время [Парсонс, 1997].

В сумме можно отметить, что функционалисты подчеркивают: любая система функциональна, вносит свой вклад в определение и достижение целей, содействует адаптации, взаимодействию, устойчивости системы к изменяющимся реалиям, выполняет регуляцию внутренних связей, отношений, поведения отдельных элементов системы. При этом акцентируется внимание на подсистемах как частях общества, Изменение одной оказывает влияние на другие элементы и на общество в целом. Методология функционального подхода к исследованию сельских локальных сообществ позволяет выделить основные функции их развития как системы. Сравнительный анализ особенностей производственно-экономического, институционального развития сельских локальных сообществ, исследование процессов их социального взаимодействия дает возможность установить причинно-следственные связи, выявить механизмы и модели современного социокультурного развития села.

С нашей точки зрения эти процессы определяются, во-первых, государственной аграрной политикой, во-вторых, институциональными изменениями, продуцируемыми инновационными процессами, происходящими без прямого воздействия государственных структур. Целеполагающим началом анализа функциональных моделей развития сельских сообществ является понимание того, что сообщества необходимо рассматривать как единую систему, состоящую из достаточно большого количества элементов, множества частей. Каждый из этих элементов может поддерживаться только в рамках целостности, занимая свое определенное место и выполняя конкретные, сложившиеся функции, направленные на поддержание устойчивого развития сообщества. Исполнение функций есть поддержание внутреннего единства, стабильности, упорядоченности, латентности, пресечение возможных отклонений, интегрирование в процессе трансформации. Социальная

интеграция создает ощущение, что сообщество формируется и развивается на основе согласия большинства населения, разделяет единую систему ценностей, способствует сохранению структуры сообществ как совокупности устойчивых связей между элементами системы.

Для более полного понимания сути функционального единства сельских сообществ и определения моделей анализа можно сформулировать ряд принципов моделирования. 1. Определение основных параметров и переменных, формирование банка данных, с учетом неполноты и достаточной недетерминированности исходной информации. 2. Учет и фиксация процессов и воздействий внешней среды, их разнообразие и вероятностный характер. 3. Сравнительный анализ материалов банка данных, характеризующих действующие объекты, учитывая сложность структуры и стохастичность связей элементов, амбивалентность алгоритмов поведения системы при различных условиях. 4. Выбор модели анализа, сравнение объекта-оригинала и модели, выявление качественных характеристик. 5. Интерпретация полученных результатов. При необходимости, редактирование модели. Основное условие модели как аналога объекта-оригинала заключается в том, что она, имея сходство с оригиналом, не должна его повторять, иначе моделирование, по существу, теряет смысл. Подобный подход позволяет определять связи между элементами и целым, соотносить определенные структурные элементы объекта со способами их функционирования. Полученная типология связей отдельных частей друг с другом и с целым, способствует обретению развернутой картины социокультурной жизни сообществ. Мы получаем статичное состояние социальной жизни в конкретный исторический период. Оперирование системой параметров, отражающих структуру социокультурного развития, дает возможность выявления основных функций моделей развития, что способствует построению многокомпонентных логических структур, характеризующих систему внутренних взаимосвязей исследуемых процессов.

Необходимо особо подчеркнуть, что сообщества, представляя собой определенную целостность, в то же время состоят из множества компонентов, каждый из которых может существовать исключительно в рамках единства, целостности, реализуя определенные функции. Представляя сельские локальные сообщества как открытую, неравновесную и саморегулирующуюся систему, мы считаем, что у сельских локальных сообществ имеются определенные параметры, определяющие их функционирование как системы: вход, выход, внутренние процессы, ограничения (например, производственно-экономические или институциональные изменения), обратная связь. Вход в систему есть комплекс, пакет воздействий на сообщество, оказывающих определяющее влияние на формирование и развитие системы. Эти действия обуславливают и стимулируют функционирование в сооб-

шестве новых процессов и явлений. Выход является результатом функционирования системы. Идет процесс преобразования сообществ, их предназначения. Ограничения – это формирование некоторых рамок, ограничений деятельности сообществ с целью управляющего воздействия. Обратная связь представляется своеобразной функцией контроля, определяет, насколько полученные результаты соответствуют поставленным задачам. В итоге все составляющие систему компоненты являются совершенно самостоятельным структурным элементом. Его можно исследовать в качестве функционального механизма (см. подробнее: [Шмаков, 2009. С. 48]).

Установление функциональных связей между входом и выходом объекта исследования необходимо для обозначения тенденций движения, выявление наиболее острых «критических» моментов, «узлов» противоречий и корректировки нежелательных процессов. Выделим основные функции модели, способствующие в полной мере отразить, воссоздать и спрогнозировать системное социокультурное развитие сельских сообществ. 1. Познавательная-коммуникативная (модель выступает как средство осмысления действительности и как средство общения). Способствует более полному, углубленному познанию исследуемых объектов. 2. Дескриптивная (описательная) функция. Модель позволяет достаточно просто объяснить анализируемые процессы, раскрыть сущность исследуемых объектов, показать, почему они устроены именно таким образом. 3. Нормативная функция дает возможность, на основе описания существующей системы, построить ее нормативный образ, представить полученные результаты в компактном, коррелированном, системном виде. Сравнение с моделью-оригиналом дает возможность проверить истинность положений теории или системы гипотез. 4. Имитационная функция способствует искусственному воспроизведению свойств изучаемого объекта. Эта процедура чрезвычайно важна, исходя из сложного характера объекта анализа. Она дает возможность введения, установления в исследуемый объект заданных свойств, реализация которых позволяет достичь позитивных результатов. 5. Прогностическая функция нацелена на прогнозирование возможных изменений свойств, характеристик и параметров анализируемых объектов. Учитывая действия различных факторов внешней и внутренней среды, эта функция способствует созданию прогнозных сценариев развития сообществ. 6. Эвристическая функция позволяет выявить негативные тенденции развития, определить позитивные пути решения поставленной задачи, дает возможность выявить альтернативные варианты. В этом ракурсе моделирование выступает в комбинации с прогнозированием, как его составная часть.

Многофункциональность процедуры моделирования предполагает определение основных принципов моделирования, что способствует более тщательному

выбору модели исследования. Во главу угла можно поставить принципы целостности, единства и обратной связи. Целостность модели отображает ее способность к воспроизводству механизмов функционирования объекта исследования. Обратная связь, как мы отметили выше, способствует не только поддержанию этой целостности в результате взаимодействия, интерактивности объекта с внешними и внутренними факторами окружающей среды, но дает возможность управлять этими процессами, целенаправленно, упорядоченно оказывать влияние на их развитие и функционирование.

Подчеркнем, что функциональная модель обслуживает конкретную исследовательскую задачу, вовлекая в анализ элементы, необходимые для достижения цели. Основными признаками модели являются: во-первых, равновесный характер, определяющий тесную связь свойств исследуемого объекта с условиями его воспроизводства и существования, во-вторых, наличие функциональной полноты при определении ролей, входящих в нее элементов. В целом же модель не может противоречить задачам исследования, целям моделирования исследуемого объекта. В-третьих, модель должна обладать обязательными для ее развития, существования и функционирования свойствами, иллюстрирующими и объясняющими эвристический потенциал процедуры моделирования, иметь связь с функциями сельских локальных сообществ как системы.

При моделировании социокультурных процессов развития сельских сообществ определенным преимуществом обладает методологический подход, позволяющий использовать имитационную многоагентную модель. Выделенная модель способна к верификации, т. е. ее поведение должно соответствовать поставленным исследователем задачам, целям исследования. Она поддерживает установление вероятно значимых выводов, оценок на основе банка данных, составленных в том числе и по результатам экспериментов с моделью. На этой основе возможно провести достаточно адекватную проверку соответствия модели реальной системе.

Для определения конкретного содержания модели социокультурного развития сельских сообществ можно выделить ряд наиболее важных показателей, характеризующих и отражающих эти процессы. Прежде всего, динамика социокультурного развития сельских сообществ характеризуется уровнем экономической и социальной активности; степенью развитости системы самоуправления; трудовой мотивацией; социальной мобильностью способностью к восприятию сообществом инноваций. К основным индикаторам, определяющим систему трансформации села, оказывающих основное влияние на динамику социокультурного развития сельских сообществ можно отнести уровень занятости; образование; медицину; развитую инфраструктуру; демографические показатели; миграционные процессы; экономическую и политическую активность и лояльность. Необходимо учитывать

имеющиеся доступные обществу социальные ресурсы, степень вовлеченности обществ в модернизационные процессы.

С нашей точки зрения, имитационные модели могут быть представлены в качестве многомерных массивов, гиперкубов (баз данных), на основе которых можно одновременно проводить анализ достаточно больших показателей. В итоге для анализа исследователь получает определенные срезы или проекции кубов, представляемые в виде обычных двумерных таблиц или графиков.

С помощью модели можно, во-первых, определить теоретические принципы унифицированного описания математических моделей. Во-вторых, наметить алгоритмы интеграции и трансформации декларативных описаний моделей. В-третьих, задать набор агентов для задач имитационного моделирования применительно к конкретному объекту анализа. Система имеет достаточно гибкую архитектуру и складывается из отдельных модулей. Предложенная концепция создает теоретическую основу для интерпретации результатов исследований процессов социокультурного развития сельских локальных сообществ. Для решения проблемы формирования единого информационного поля, в завершеном варианте модель будет иметь банк данных и методик, с соответствующими программными реализациями для имитационных экспериментов, включая результаты социологических исследований.

Список литературы / References

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. 432 с.

Durkheim E. O Razdelenii obshchestvennogo truda [Division of Social Labor]. Moscow, 1996, 432 p. (in Russ.)

Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д, 2003. 256 с.

Comte O. Duh pozitivnoi filosofii (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The spirit of positive philosophy (A word about positive thinking)]. Rostov on Don, 2003, 256 p. (in Russ.)

Малиновский Б. Динамика культурных изменений // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. 959 с.

Malinovsky B. Dinamika kul'turnykh izmenenii. In: Malinovsky B. Izbrannoe: Dinamika kul'tury. Moscow, 2004, 959 p. (in Russ.)

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. 270 с.

Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [System of modern societies]. Moscow, 1997, 270 p. (in Russ.)

Пригожин И. Философия нестабильности // Вopr. филос. 1991. № 6. С. 46–52.

Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti [The philosophy of instability]. *Question of Philosophy*, 1991, no. 6, p. 46–52. (in Russ.)

Спенсер Г. Основания социологии // Западноевропейская социология XIX в.: Тексты. М., 1996. С. 279–332.

Spenser G. Osnovaniya sociologii [Foundations of sociology]. In: *Zapadnoevropejskaya sotsiologiya XIX v.: Teksty*. Moscow, 1996, p. 279–332. (in Russ.)

Шмаков В. С., Сердюкова Ю. С. К проблеме моделирования социальных процессов: методологические аспекты // Гуманит. науки в Сибири. 2009. № 1. С. 46–49.

Shmakov V. S., Serdyukova Yu. S. K probleme modelirovaniya social'nykh protsessov: metodologicheskie aspekty [On the problem of modeling social processes: methodological aspects]. *Humanities in Siberia*, 2009, no. 1, p. 46–49. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

01.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Шмаков Владимир Сергеевич

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Vladimir S. Shmakov

Doctor of Science (Philosophy)

leading researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

vsshmakov@gmail.com

УДК 316.36 + 323.2

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-154-167

Семья в моделях национальной политики Российской Федерации: реалии и возможности

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проведен анализ правового статуса семьи в теоретических моделях (концепциях, стратегиях) национальной, культурной, семейной политики на федеральном и региональном уровнях. Результаты анализа сопоставлены с социально-философским и социологическим обоснованием роли семьи в формировании установок молодежи в отношении межэтнического взаимодействия. Сделан вывод о том, что несмотря на то, что, социальный институт семьи теоретически не обозначен как субъект в моделях национальной политики, тем не менее он играет в ней важную роль. Обосновано предложение о фиксировании семьи в ее моделях как субъекта государственной национальной политики.

Ключевые слова:

национальная политика, модели политики, семья, типы семьи, коммуникационное пространство семьи, аккультурационные стратегии, субъект политики.

Для цитирования

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Семья в моделях национальной политики Российской Федерации: реалии и возможности // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 154–167. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-154-167

Family within the Models of Ethnic Policy in the Russian Federation: Realities and Opportunities

M. A. Abramova, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper offers an analysis of the legal status of the family in theoretical models (conceptions, strategies) of ethnic, cultural, and family policy at the federal and regional levels. The results of the analysis are compared with the socio-philosophical and sociological justification of the role of the family in the formation

© М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

of attitudes of young people towards interethnic interaction. It is concluded that despite the fact that the social institution of the family is not theoretically designated as a subject in the models of national policy, nevertheless it plays an important role in it. The paper justifies the proposal to fix the family as a subject of the state national policy in the models.

Keywords

ethnic policy, policy models, family, family types, family communication space, acculturation strategies, policy subject.

For citation

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Family within the Models of Ethnic Policy in the Russian Federation: Realities and Opportunities. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 154–167. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-154-167

Для Российской Федерации, на территории которой проживают представители свыше 190 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), задача обеспечения социально-экономического, социального и культурного развития народов, гармонизации межэтнических отношений, укрепления российской государственности, устойчивого развития общества имеет поистине фундаментальный характер¹. Ее решение во многом определяется эффективностью национальной политики.

Под национальной политикой понимается «система законодательно закрепленных взглядов, принципов, приоритетов, связанных с основным содержанием деятельности государственных органов и общественных организаций в сфере межнациональных отношений на определенный исторический период» [Политика национальная, 2003. С. 220].

Политика связана с властными отношениями между людьми, социальными группами, народами, поэтому основным ее субъектом является государство, которое совместно с другими институтами гражданского общества (местного самоуправления, политическими партиями, общественными объединениями, учреждениями культуры, образования и т. д.) регулирует сферу внутри- и межэтнических взаимодействий. Данный феномен охватывает все многообразие субъектов и форм социокультурных отношений, и, хотя государство – самый мощный институт национальной политики, политика не сводится к государственной, но включает и внегосударственную регуляцию социокультурного взаимодействия, в том числе и гармонизацию межэтнических отношений.

Взгляды, принципы, приоритеты ведущих политических сил общества в тот или иной исторический период определяют концептуальную основу национальной политики государства как органа власти этих сил. Закрепленные в конститу-

¹ См.: Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения 02.02.2020).

циях и соответствующих правовых актах принципы, идеи, нормы, правила государственной национальной политики составляют ее правовую базу, обеспечивающую контроль за исполнением решений органов государственной власти в сфере социокультурного взаимодействия, гармонизации внутри- и межэтнических отношений.

Концептуальная основа в единстве с основными направлениями деятельности государства и механизмом реализации политики (субъекты, их задачи, содержание деятельности, формы взаимодействия) образуют теоретическую модель государственной национальной политики, а также региональные ее модели [Региональные модели..., 2016]. Сущность моделей наиболее концентрированно выражена в Концепции (1996 г.) и Стратегии (2012 г.) государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с дополнениями в редакции 2018 г.).

Важно отметить, что эффективность решения вопросов, охватываемых сферой национальной политики, зависит от научной обоснованности, комплексности и демократичности как ее теоретических моделей, так и практик их реализации. Одним из важнейших условий разработки моделей и реализации политики является системный и комплексный подходы, предполагающие взаимосвязь и взаимообусловленность элементов системы как целостной развивающейся структуры, встроенной в другие системно-структурные образования. Как в Концепции, так и в Стратегии важная роль, наряду с органами государственной власти и местного самоуправления, отводится институтам гражданского общества и таким социальным институтам, как образование, культура, средства массовой информации. Но, к сожалению, практически незамеченной остается пока роль семьи как социального института в социокультурном развитии и регулировании межэтнических отношений ни в Концепции, ни в Стратегии. В то же время роль семьи в развитии человечества, народа, индивида имеет длительную историю изучения: Платон, Аристотель, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ф. Энгельс, М. Ковалевский, П. Сорокин, А. Харчев и др.

Социально-философские и социологические вопросы сущности семьи, ее социальных функций, семейной политики проанализированы А.И. Антоновым и В. М. Медковым в работе «Социология семьи». По их определению, «семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [Антонов, Медков, 1996. С. 66]. Как специфический социальный институт и одновременно как малая социальная группа семья является посредником между личностью и обществом

и поэтому включена во всю систему общественных отношений. «К началу XX столетия, – отмечают они, – социальные институты все более совмещают с семьей и берут на себя функции образования и воспитания (школа и детсады), защиты и охраны (полиция, армия), благосостояния и передачи социального статуса» [Антонов, Медков, 1996. С. 69]. Далеко не всегда это совмещение функций является благоприятным для развития семьи (и как социального института, и как малой группы): так, при ускоренной индустриализации и урбанизации «решающую роль в потере семей ключевое положение в воспитании новых поколений имела поддерживаемая государством передача социализирующих функций семьи специализированным институтам воспитания и образования (детским дошкольным учреждениям, школам, интернатам, пионерлагерям, училищам, вузам и т.д.» [Там же. С. 137].

В аспекте исследуемой проблемы «семья и национальная политика» представляет особый интерес раздел IV «Социальные проблемы семьи и семейной политики» [Там же. С. 237–283], в частности, критический анализ парадигм модернизации и кризиса семьи применительно к современным условиям России. И сегодня актуальны данные в середине 1990-х годов А. И. Антоновым оценки семейной политики России: «Фактически то, что сейчас называют семейной политикой, будучи в содержательном плане материальной помощью бедным, концептуально и аксиологически отражает политическое предпочтение изолированной нуклеарной семьи с одним-двумя детьми» [Там же. С. 245]; констатация, что «большинство как отечественных, так и западных концепций семейной политики исходит из постулата «семейного благосостояния», объявляя единственной целью достижение экономического, материального благосостояния всеми семьями» [Там же. С. 260].

Стратегической, *долгосрочной* целью семейной политики определено укрепление семьи как социального института, которая реализуется посредством взаимодействия трех субъектов социальной жизни – *семьи* как малой группы, разного рода *социальных и территориальных общностей и объединений* (соседские общины, этнические группы, партии, общественные объединения, ассоциации семей и т.п.), и *государства* (федеральных, региональных и локальных его органов). Предлагаемая А. Антоновым и В. Медковым новая технология семейной политики, названная принципом социального участия [Там же. С. 250–252], вполне применима, как мы полагаем, и для национальной политики, сопряжения ее с семейной, хотя специально в их монографии этнический аспект не рассматривается, а лишь упоминается (в контексте экзо-эндогамии, теорий брачного выбора [Там же. С. 152; 166]).

Отметим, что в СССР вопрос о роли семьи в социокультурном развитии страны, в том числе в гармонизации межэтнических отношений, был более широко

и разностороннее представлен в публикациях, чем в постперестроечный период. Национально-смешанные семьи и браки в 1970–1980-е изучались на территории СССР не просто как распространенное явление, но в качестве фактора этнокультурных и этносоциальных процессов, одного из каналов, по которому происходило сближение наций и шло формирование советского народа (Р. А. Ачылова, В. Б. Голофаст, Л. М. Дробижина, А. Б. Калышев, А. Г. Харчев и др.). В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. проблема сохранения семьи стала более остро обсуждаться на фоне усиливающегося внимания к этнокультурным традициям в воспитании детей, поскольку она выступала основным механизмом трансляции национальной культуры (А. Г. Вишневский, С. И. Голод, Т. А. Гурко, М. С. Мацковский, Т. А. Титова, А. А. Сусоколов и др.). Современные этносоциологические, этнодемографические, этнопсихологические исследования семьи в России также подтверждают ее важную роль как субъекта национальной политики, о чем подробнее будет сказано ниже.

Несмотря на проведенные ранее исследования, если в первоначальной (2012 г.) редакции Стратегии в качестве одной из *задач* по обеспечению межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений (п. 21 «в») было выделено «вовлечение этнокультурных и общественных объединений, религиозных организаций в деятельность по развитию межнационального и межконфессионального диалога, *возрождение семейных ценностей*» (здесь и далее выделено нами. – М. А., Г. Г., В. К.)², то в ее последней (2018 г.) редакции семья упомянута уже не среди задач, а среди общих принципов и ценностей российского народа: «патриотизм, служение Отечеству, *семья*, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм» (раздел II, п. 11)³.

Правда, определенное сопряжение задач национальной и культурной политики страны и роли социального института семьи в их решении отмечено в Основах (2014 г.) и Стратегии (2016 г.) государственной культурной политики на период до 2030 года. Так, в Стратегии констатируется «ослабление роли семьи и семейных отношений в системе ценностных ориентаций граждан Российской Федерации» (с. 13). Среди приоритетных направлений Стратегии отмечено: «Повышение социального статуса семьи как общественного института, обеспечивающего воспитание и передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм» (с. 27). С этой целью предлагается: «Возрождение традиций семейного воспитания, утверждение в общественном сознании традиционных

² Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.pravo.gov.ru>; «Собрание законодательства РФ». 24.12.2012, № 52, ст. 7477 (дата обращения 02.02.2020).

³ Там же.

семейных ценностей», «преподавание в школе основ семейной культуры», «изучение истории семьи и рода» и ряд других мер (с. 30). В результате новая модель культурной политики предполагает: «Гармоничное сочетание интересов *национальной безопасности*, единства культурного пространства и *этнокультурного многообразия страны*» (с. 36).

Таким образом, мы должны признать, что ценность института семьи как основной ячейки общества постепенно трансформируется лишь в механизм воспитания индивида и трансляции этнокультурных традиций, что и приводит к постепенному устранению данного понятия из документов государственного регулирования и эпизодическому обращению к нему в документах о формировании межнационального согласия.

Так, в региональных концепциях (стратегиях) национальной политики (республик Татарстан, Саха (Якутия), Тыва, Алтай, Хакасия и др.), аналогично федеральной стратегии, отсутствует семья как субъект политики. Единственное исключение из правила – Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 года. В ней в качестве задач гражданско-исторического воспитания (п. 4-4) обозначено: «совершенствование учебно-методической деятельности и развитие системы воспитания и образования в сфере межнациональных отношений по линии: *семья* – детский сад – школа – вуз в городе Москве» (п. 4-4-7), а в задаче стимулирования «положительной динамики рождаемости» (п. 4-7) – «пропаганда традиционных семейных ценностей» (п. 4-7-2)⁴.

В Республике Хакасия осуществляет практическую модель национальной политики региональная общественная организация «Доброе сердце Хакасии» по поддержке семей, воспитывающих детей-инвалидов разных национальностей⁵.

Важно отметить, что указанная несогласованность государственных документов в отношении семьи, определяющих стратегию развития страны, усиливается тем, что в Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года на фоне четко выраженного демографического и социально-экономического акцента роли семьи отсутствуют понятия «этнос» и «нация»⁶.

Данная неопределенность в понимании семьи как социального института в структуре общества обуславливает дальнейшую неоднозначность в ее правах

⁴ Правительство Москвы / Постановление от 6 июня 2016 года № 312-ПП О Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года (с изменениями на 4 сентября 2018 года). URL: https://mdn.ru/download/Dokumenty_o_natapolitike/strategiya_moskva_2025.pdf (дата обращения 02.02.2020).

⁵ Новости о: Доброе сердце Хакасии. URL: <https://abakan.bezformata.com/word/dobroe-serdtce-hakasii/2111043/> (дата обращения 02.02.2020).

⁶ Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения 02.02.2020).

и осознании той роли, которую она должна играть в трансформационных процессах в России. В этой связи мы считаем все же целесообразной прямую фиксацию семьи как субъекта в Стратегии государственной национальной политики, так как это вытекает из ее важной роли в межэтнических отношениях, подтверждаемой в том числе социально-философскими и социологическими исследованиями.

Наши исследования этносоциальных процессов, этнонациональной политики и роли различных типов семей (этнически однородных и смешанных) в социализации, инкультурации и аккультурации молодежи, формировании у нее установок межэтнических отношений, этнической и гражданской идентичностей, в социокультурном воспроизводстве этносов базируются на понимании этносов как исторически сформировавшихся социокультурных реальностей, интеграции в теоретико-методологическом аспекте социокультурного и структурно-функционального подходов [Социокультурный подход..., 2013. С. 6–28, 200–225]. В методике конкретных исследований в регионах Сибири (республики Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия и др.) использовались: анализ статистических данных, экспертные опросы, массовые социологические опросы и социально-психологические методики исследования. Общий массив опрошенных в 2006–2014 гг. составил свыше 6 000 человек.

Результаты комплексных этносоциологических исследований динамики этнически однородных и смешанных семей, аккультурационных стратегий и межэтнических установок молодежи из различных типов семей в регионах Сибири подтверждают, что семья, не будучи *юридически* обозначенной в государственных концепциях как субъект национальной политики, *фактически* участвует в трансформации межэтнических отношений и определении той или иной этнополитической ситуации в регионах.

Так, предрасположенность к дружелюбному или конфликтному поведению, в том числе и в межэтническом взаимодействии, обусловлена особенностями психологического, культурного взаимодействия в семье. Поведение индивида формируется под влиянием примера его родителей. И в результате взаимодействия брачных партнеров в семьях создается особое коммуникационное пространство, которое обуславливает либо потенциально дружелюбное взаимодействие с представителями иных этнических групп (конструктивный тип), либо формирует установки враждебного отношения (деструктивный тип).

Результаты наших исследований показали, что конфликтная коммуникационная среда в семье создает предпосылки для выбора индивидом аккультурационной стратегии ассимиляции, подразумевающей стремление к взаимодействию без трепетного отношения к сохранению культурного разнообразия – как своего, так и чужого. В противовес ей интеграционная стратегия подразумевает уважение

к своей культуре, стремление к ее сохранению, но также и уважение к другой культуре и стремление к взаимодействию, учитывающему специфику другой культуры [Абрамова и др., 2016b] ⁷.

Важно также отметить, что по силе влияния фактор негативного эмоционального фона в семье оказался более значим, чем установка родителей на сохранение и воспроизведение образцов этнической культуры. Таким образом, мы можем сделать вывод, что уважение и понимание как в сфере межличностного, так и в сфере межэтнического взаимодействия начинается не с соблюдения традиций, а с уважения и стремления к пониманию другого, независимо от его национальности и вероисповедания. Именно признание ребенка личностью еще в детстве является той основой, которая не только создает благоприятный фон для партнерского взаимодействия с другими уже во взрослой жизни, но и обеспечивает адаптированность субъекта.

Проверка на степень социокультурной адаптации индивидов осуществлялась на основе индикаторов «удовлетворенность жизнью» и «социальный оптимизм» [Абрамова, 2018б] ⁸ и оценивалась как «хорошо адаптирован», «средне адаптирован», «плохо адаптирован». Анализ показал, что потомки деструктивного типа семей (моноэтнических и этнически смешанных) крайне плохо адаптированы к социокультурным условиям жизни, в отличие от молодежи из конструктивных типов семей. Если среди молодежи конструктивных типов семей 50 % моноэтнических и 52 % этнически смешанных адаптированы хорошо и лишь 13-20 % соответственно адаптированы плохо, то среди молодежи из моноэтнических семей деструктивного социокультурного типа хорошо адаптированных 37%, а плохо – 24 %, у молодежи из этнически смешанных семей деструктивного типа с адаптацией еще хуже – лишь 9 % адаптированных хорошо и 52 % – плохо.

Таким образом, степень социокультурной адаптации молодежи является отражением ее социокультурного самочувствия в целом и сказывается на ее установках, ценностных ориентациях и стратегиях, в том числе и в сфере межэтнических взаимодействий.

Этнически смешанная семья рассматривается нами как показатель усиления интеграционных настроений в обществе, являясь в определенной степени продуктом и условием того или иного типа национальной политики [Абрамова, 2018а]. Так, по данным Всесоюзных переписей населения, в СССР и РСФСР в 1950–

⁷ Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г., Савельев Л. Я. Влияние типа семьи на адаптированность молодежи // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 163–173.

⁸ Абрамова М. А. Влияние типа семьи на формирование установок в межэтническом взаимодействии // Психологические проблемы современной семьи: Сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 393–399.

1989 гг. непрерывно росла доля этнически смешанных семей. Если в 1950 г. в России их было около 10,0 %, то в 1979 г. – 12,0, а в 1989 г. – 14,7 % [Краткая социально-демографическая характеристика..., 1992. С. 330–332]. При этом политика интернационализации в СССР, проведение масштабных строек века хотя и способствовали росту числа и доли этнически смешанных семей, но не приводили к усилению ассимиляции этнических групп [Абрамова, 2018]. Национальная политика государства в постсоветской России привела к резкому снижению численности и доли межнациональных браков и семей как по стране в целом, так и во многих регионах [Костюк, Гончарова, 2015]. Если в 2002 г. доля этнически смешанных домохозяйств (семей) в России составляла 14,8 %, то в 2010 г. – 11,7 %, а в Сибирском федеральном округе она снизилась с 13,4 до 10,2 %. При этом снижение произошло во всех субъектах округа: максимальные темпы снижения в Республике Тыва – с 8,4 до 4,5 % (на 45,9 %), а минимальные – в Республике Бурятия (–8,7 %), Республике Алтай (–10,3 %), средние темпы – в Республике Хакасия (–19,2 %). В республиках Алтай, Хакасия и Омской области в 2010 г. оставалась самая высокая доля этнически смешанных семей (соответственно 15,4 %, 14,0 и 15,0%), что обусловлено как спецификой динамики этнической структуры населения, так и социально-экономической, национальной политики [Этносоциальные процессы..., 2015. С. 204–232, 233–251].

Важную роль в отрицательной динамике этнически смешанных семей играет также рост этноцентристских установок молодежи при выборе друзей, брачных партнеров, коллеги, шефа, руководителей власти, особенно среди русской молодежи, наиболее многочисленной в большинстве регионов Сибири (за исключением Тывы и Якутии), являющейся в основном детьми из русских семей. Как показали опросы молодежи в республиках Саха (Якутия) и Хакасия, 42,0 % русской молодежи из однородных русских семей предпочли бы в качестве супруга русского. Аналогично – в Хакасии (55,0 %), в то время как этноцентризм при выборе супруга у молодежи из этнически смешанных семей существенно ниже: среди русских в Якутии – 29,0 %, в Хакасии – 36,0 %. Так же проявляется этноцентризм при выборе супруга(и) и у молодежи саха и хакасов: у детей из этнически смешанных семей он менее заметен (22,0 и 8,0 % соответственно) [Социокультурный подход..., 2013. С. 214–215].

В конечном итоге, те или иные типы семей – этнически однородные или смешанные – формируют (совместно с другими институтами общества) ту или иную степень этнической и гражданской самоидентификации молодежи. Соотношение их значимости определяет тип аккультурационной стратегии: *интеграции* (значимы и этническая, и гражданская идентичности), *ассимиляции* (доминирование значимости гражданской идентичности над этнической), *сепарации* (доминирова-

ние этнической над гражданской), *маргинализации* (не значима для индивида ни этническая, ни гражданская идентичности) [Berry, 1997].

Проведенное нами исследование в Якутии, Тыве и Хакасии показало, что для молодежи всех этнических групп – русских, саха, хакасов, тувинцев, КМНС (коренных малочисленных народов Севера) характерно, что у детей из семей и этнически однородных, и смешанных – наиболее значима стратегия интеграции (51,0–85,0 %). При этом у молодежи из этнически однородных семей она проявляется четче, чем из смешанных семей: среди саха – 74,0 и 62,0 % соответственно, среди хакасов – 82,0 и 59,0 %, среди русских – 65,0 и 56,0 % в Якутии, 65,0 и 51,0 % – в Хакасии.

Сепарационные стратегии малозначимы: 3,0–8,0 % среди потомков этнически смешанных семей и 4,0–13,0 % – среди молодежи из однородных семей (КМНС – 13,0 %, саха – 10,0 %).

Более сложный феномен – ассимиляционные стратегии среди молодежи – русской (29,0 и 38,0 % в Якутии среди однородных и смешанных семей и в Хакасии (соответственно 26,0 и 42,0 %)), а также у молодежи саха (14,0 и 28,0 %), хакасов (10,0 и 30,0 % соответственно для однородных и смешанных семей). Возможно, это связано с проявлением среди части русской молодежи отождествления русской (этнической) и российской (гражданской) идентичностей. Возможно, это объяснение применимо и для молодежи саха, хакасов, КМНС, но проблема требует более глубокого изучения. В любом случае, относительно высокий уровень ассимиляции – это не та цель, которую должна преследовать национальная политика в многонациональной России [Абрамова и др., 2016а].

В Стратегии национальной политики важное место занимают вопросы регулирования внешней миграции в Россию, что объяснимо демографическими и социально-экономическими проблемами страны. Однако в Стратегиях как национальной, так и миграционной политики семья мигрантов как субъект социализации и аккультурации потенциальных граждан России отсутствует, хотя обладает несомненным адаптирующим потенциалом, что отмечают многие исследователи [Фофанова, Сычев, 2019].

Как видим, необходимость теоретического и практического включения семьи в состав важных субъектов моделей национальной политики диктуется насущными интересами не только реальных, но и потенциальных граждан России. Воспитывая детей, формируя у них этническую и гражданскую идентичность, те или иные установки в межэтнических отношениях, аккультурационные стратегии, создавая различные ассоциации, семья даже при индифферентном отношении к ней государственных органов фактически участвует в этой политике. Однако повышение ее правового статуса как субъекта государственно-национальной по-

литики было бы, с одной стороны, проявлением демократизации государства, а с другой – содействовало бы расширению возможностей семьи в консолидации не только ее самой, но и российского общества в целом.

Список литературы / References

Абрамова М. А. Влияние мультикультурализма на динамику этнически смешанных браков в России // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. Казань, 6–7 сент. 2018 г. / Под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018а. С. 354–358.

Abramova M. A. Vliyanie mul'tikul'turalizma na dinamiku etnicheski smeshannykh brakov v Rossii [Influence of multiculturalism on the dynamics of ethnically mixed marriages in Russia]. In: Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Positive experience in regulating ethnosocial and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation]. Materials of the III all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the first ethnosociological research in the USSR, Kazan, September 6–7, 2018. Kazan, Institute of History. Sh. Marjani AN RT, 2018, p. 354–358. (in Russ.)

Абрамова М. А. Влияние типа семьи на формирование установок в межэтническом взаимодействии // Психологические проблемы современной семьи: Сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2018б. С. 393–399.

Abramova M. A. Vliyanie tipa sem'i na formirovanie ustanovok v mezhetnicheskom vzaimodejstvii [Influence of the family type on the formation of attitudes in interethnic interaction]. In: Psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i [Psychological problems of the modern family]. Sbornik materialov VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2018, p. 393–399. (in Russ.)

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Влияние этнического типа семьи на выбор аккультурационной стратегии молодежью // Сиб. филос. журн. 2016а. Т. 14, № 1. С. 161–171.

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Influence of the ethnic family type on the choice of acculturation strategy by young people. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 1, p. 161–171. (in Russ.)

- Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г., Савельев Л. Я.** Влияние типа семьи на адаптированность молодежи // Сиб. филос. журн. 2016б. Т. 14, № 4. С. 163–173.
- Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G., Saveliev L. Ya.** Influence of the family type on the adaptability of youth. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 163–173. (in Russ.)
- Антонов А. И., Медков В. М.** Социология семьи. М.: МГУ, 1996. 324 с.
- Antonov A. I., Medkov V. M.** Sotsiologiya sem'i [Sociology of the family]. Moscow, MSU Press, 1996, 324 p. (in Russ.)
- Костюк В. Г., Гончарова Г. С.** Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 105–111.
- Kostyuk V. G., Goncharova G. S.** Interrelation of ethnic types of families and interethnic interactions in modern Russia. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 4, p. 105–111. (in Russ.)
- Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным переписи населения 1989 года): В 4 ч. М.: Росинформцентр, 1992. Ч. 4. 403 с.
- Kratkaya sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naseleniya RSFSR (po dannym perepisi naseleniya 1989 g.). In 4 parts. Moscow, Rosinformtsentr, 1991, pt. 4, 403 p. (in Russ.)
- Политика национальная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.
- Politika natsional'naya [The policy of the national]. In: Sociologicheskaya entsiklopediya [Sociological encyclopedia]. In 2 vols. Moscow, Thought, 2003, vol. 2, 863 p. (in Russ.)
- Региональные модели государственной национальной политики современной России / Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А. и др.; под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 176 с.
- Abramova M. A., Kostyuk V. G., Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Popkov Yu. V.** Regionalnye modeli gosudarstvennoi natsionalnoi politiki sovremennoi Rossii [Regional Model of the State National Policy of Modern Russia]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2016, 176 p. (in Russ.)
- Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Под ред. Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 372 с.
- Sotsiokulturnyi podkhod k regulirovaniyu mezhetnicheskikh vzaimodeistvii [Sociocultural Approach to the Regulation of Inter-ethnic Interactions]. Eds. Yu. V. Popkov, V. G. Kostyuk. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2013, 372 p. (in Russ.)

Фофанова К. В., Сычев А. А. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 4 (109). С. 756–778.

Fofanova K. V., Sychev A. A. Faktory migratsionnoj privlekatel'nosti provintsial'nogo goroda (na primere g. Saranska) [Factors of migration attractiveness of a provincial city (on the example of Saransk)]. *Regionologiya* [Regionology], 2019, no. 4 (109), p. 756–778. (in Russ.)

Этнонациональные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

Etnonatsional'nye processy i etnonatsional'naya politika v regionakh Sibiri [Ethnonational processes and ethnonational policy in the regions of Siberia]. Ed/ by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SB RAS Publ, 2015, 273 p. (in Russ.)

Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An international review*, 1997, vol. 46, no. 1, p. 5–34.

Материал поступил в редакцию

Received

11.03.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук

заведующая отделом Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Mariya A. Abramova

Doctor of Sciences (Education)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

marika24@yandex.ru

Гончарова Галина Савитовна

научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Galina S. Goncharova

Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

socis@philosophy.nsc.ru

Костюк Всеволод Григорьевич

кандидат философских наук

старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Vsevolod G. Kostyuk

Candidate of Science (Philosophy)

Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

demosros2017@gmail.com

УДК 1.091 + 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-168-180

О несовместимости экстернализма и картезианской модели знания о себе

О. А. Козырева

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме совместимости экстернализма в отношении содержания ментальных состояний агента и его знания об этом содержании. Анализ основных аргументов антикомпатибилистов, утверждающих эту несовместимость, а также возражения им со стороны тех, кто данную несовместимость не признает, позволяет сделать вывод о том, что позиция антикомпатибилистов основывается на допущении перехода от онтологического вопроса к вопросу эпистемическому. Защищается идея о том, что подобный переход для сторонников компатибилизма является необоснованным в связи с неприятием ими картезианской интроспективной модели знания агента о содержании своих ментальных состояний.

Ключевые слова

экстернализм, интернализм, антикомпатибилизм, компатибилизм, содержание ментального состояния, ментальное состояние, убеждение, знание о себе, приватность, картезианство

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00324.

Для цитирования

Козырева О. А. О несовместимости экстернализма и картезианской модели знания о себе // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 168–180. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-168-180

On the Incompatibility between Externalism and Cartesian Account of Self-Knowledge

O. A. Kozyreva

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract

The paper aims to examine the compatibility problem between externalism about mental content and self-knowledge. First, I explore the main anti-compatibilist arguments and objections to them and conclude that anti-compatibilist views imply the shift from the ontological issue to the epistemic one. Second, I argue that compatibilists, in its turn, regard this shift as unjustified. The reason for that is that they do not accept the Cartesian introspective model of self-knowledge.

Keywords

internalism, externalism, anti-compatibilism, compatibilism, mental content, mental state, belief, self-knowledge, privacy, Cartesianism

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00324

For citation

Kozyreva O. A. On the Incompatibility between Externalism and Cartesian Account of Self-Knowledge. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 168–180. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-168-180

В аналитической философии сознания проблема содержания ментальных состояний составляет предмет спора сторонников двух противоположных позиций – экстернализма и интернализма (иначе анти-индивидуализма и индивидуализма). В то время как первые утверждают, что содержание ментальных состояний зависит от внешних для агента факторов (например, от эмпирических фактов естественной среды или от языковых фактов социальной среды), вторые настаивают на том, что такая зависимость отсутствует, и содержание ментальных состояний зависит от нереляционных свойств агента. Истоки интерналистской позиции традиционно принято обнаруживать в картезианской философии [Cassam, 2008; Ferraiolo, 1996]; в частности, речь идет о том, что убеждения картезианского агента об эмпирических данных окружающего мира не изменяются при изменении самого мира, что подтверждает отсутствие зависимости между ментальными состояниями агента и его взаимоотношениями с внешним миром. Именно поэтому противоположная – экстерналистская – позиция зачастую позиционируется ее сторонниками как антикартезианская.

Основной тезис настоящей статьи заключается в том, что, так как спор между экстернализмом и интернализмом касается только вопроса о том, что определяет содержание ментальных состояний агента, но не вопроса о том, как агент узнает о содержании своих ментальных состояний, то переход от одного вопроса к другому – от онтологического к эпистемическому соответственно – приводит к возникновению антикомпатибилистских взглядов, согласно которым экстернализм и знание агента о своих ментальных состояниях несовместимы. Защита экстернализма от обвинений в такой несовместимости должна строиться на демонстрации необоснованности подобного перехода в тех случаях, когда знание агента о содержании своих ментальных состояний не рассматривается в рамках картезианской интроспективной модели.

Базовое представление об экстернализме

Актуализация экстерналистской позиции в отношении содержания ментальных состояний связана с аргументом Х. Патнэма о двойнике Земли [Putnam, 1975]. Этот аргумент был направлен на опровержение первого из трех основных положений стандартной концепции значения: 1) значение не зависит от физических и/или социальных факторов; 2) значение определяет референцию; 3) истинностные условия утвердительного предложения определяются его содержанием [Farkas, 2006].

В рамках этого аргумента Х. Патнэм предлагает представить ситуацию, когда у Земли есть Двойник, точный во всех отношениях за исключением одного: жидкость, которую и земляне, и жители Двойника Земли называют водой, имеет разную химическую структуру на каждой из планет. На Земле – это H_2O , а на Двойнике Земли – XYZ. Житель Земли – Оскар₁ – и житель Двойника Земли – Оскар₂ – абсолютно тождественны друг другу в том, что касается их физических и ментальных свойств. Последнее означает, что все убеждения Оскара₁ о воде наличествуют и у Оскара₂ о двойнике воды. Однако ни землянин Оскар₁, ни его двойник Оскар₂ не могут отличить воду от двойника воды по внешним свойствам, а химическая формула этих двух жидкостей им неизвестна. И тем не менее Х. Патнэм полагает, что, используя понятие «воды», Оскар₁ всегда указывает на H_2O , а Оскар₂ – на XYZ. И так как различие в референтах понятий (H_2O – референт для «воды» на Земле, а XYZ – для «воды» на Двойнике Земли) влечет за собой различие в их значениях, то интенционалы понятия «воды» у обоих Оскаров одинаковые, в то время как экстенционалы различаются. Этот вывод призван продемонстрировать истинность семантического экстернализма, а именно идею того, что именно внешние по отношению к агенту, владеющему этим понятием, факторы определяют экстенционал и, как следствие, значение понятия.

На возможность применения аргумента Х. Патнэма к ментальным состояниям обратил внимание К. МакГинн: если значение используемого агентом понятия зависит не от ментального состояния агента, а от внешних факторов, то и содержание этого состояния, которое концептуально по своей природе, тоже зависит от этих же самых факторов. Подобное применение стало возможным благодаря допущению о том, что семантическая структура интенциональных ментальных состояний агента сходна с семантической структурой утвердительных предложений. Так как, согласно третьему положению упомянутой ранее концепции значения, условия истинности последних зависят от их содержания, что означает, что аргумент в защиту семантического экстернализма можно превратить в аргумент в защиту экстернализма в отношении ментальных состояний: «Правильная спецификация ментальных состояний касательно различий H_2O и XYZ у двух групп говорящих будет касаться самих этих веществ; и различие этих веществ гарантирует различие в направленных на них ментальных состояниях» [McGinn, 1977. С. 531]. В связи с этим экстернализм в отношении ментальных состояний стал пониматься как позиция, утверждающая, что содержание ментальных состояний агента определяется внешними по отношению к этому агенту факторами.

Дальнейшее развитие экстернализма в отношении ментальных состояний осуществляет Т. Бёрдж. Во-первых, он модифицирует аргумент Х. Патнэма так, что от различий в экстенционалах понятий «воды», используемых Оскаром и двойником Оскара, он переходит к различию их убеждений о воде [Burge, 2007a]. Речь идет о том, что убеждение Оскара о том, что «вода влажная» – это убеждение о H_2O , в то время как убеждение его двойника о том, что «вода влажная» – это убеждение о XYZ. Из этого следует, по мнению Т. Бёрджа, что ментальные состояния – в частности, убеждения – зависят от существования внешних для агента объектов или, по крайней мере, это существование предполагают.

Во-вторых, в пользу экстернализма Т. Бёрдж развивает собственный аргумент социального характера [Burge, 1979]. Он предлагает представить некоего человека Альфа, у которого имеется набор установок о таком заболевании, как артрит, одной из которых является его убеждение в том, что у него начался артрит бедра. С этим убеждением Альф приходит на прием к врачу, на что врач ему сообщает, что это невозможно, так как артрит – это воспаление суставов, а бедро суставом не является. Далее Т. Бёрдж предлагает помыслить такой мир, в котором существует точно такой же Альф, с точно такими же убеждениями, феноменальными переживаниями, физическими свойствами, историей обучения языку и т. д., как и первый, но в этом мире термин «артрит» используется не только применительно к воспалению суставов, но и к различным ревматическим заболеваниям костей.

В этом мире убеждение Альфа о том, что у него артрит бедра, было бы истинным. Из того, что все свойства Альфа в обоих мирах одинаковы, следует, по мнению Т. Бёрджа, что истинность или ложность убеждений Альфа зависят от социально-лингвистических факторов, то есть от практики употребления сообществом тех или иных понятий. Это, в свою очередь, должно послужить доказательством того, что значение понятий и, следовательно, содержание ментальных состояний агента зависят не от свойств самого агента, а от окружающей его среды: если содержание убеждения Альфа из актуального мира, в котором под артритом понимается только воспаление суставов, отличается от содержания убеждения Альфа из контрафактического мира, где под артритом понимается любое костное заболевание, то эти убеждения Альфа не тождественны друг другу.

Этот аргумент Т. Бёрджа опирается на идею Х. Патнэма о том, что различие в экстенционалах понятий влечет за собой различие в их значениях. Сам Т. Бёрдж настаивает на том, что его аргумент отсылает не столько к референтам убеждений агентов, как это было у Х. Патнэма, сколько к тому, каким способом агенты мыслят, то есть к тому, каковы условия возможности приобретения агентами ментальных состояний [Burge, 2007b]. И, как отмечает М. Роулэндс, в отличие от аргумента Х. Патнэма аргумент Т. Бёрджа базируется не на понятии условия истинности, а на понятии лингвистического употребления [Rowlands, 2003]. Именно это обуславливает возможность рассмотрения аргумента Х. Патнэма в качестве частного случая аргумента Т. Бёрджа: хотя истинностные условия высказываний, включающих в себя термины естественных видов, и зависят от окружающей агента внешней среды и в то же время определяют значения данных терминов, эти условия все равно детерминированы тем способом, которым члены языкового сообщества употребляют такие высказывания.

Несовместимость экстернализма и знания о себе: основные аргументы

Основным возражением экстернализму в отношении ментальных состояний является указание на его несовместимость с идеей наличия у агента знания о себе – «характерной способности человека знать собственные ментальные состояния, такие как ощущения, восприятия, эмоции и пропозициональные установки» [Colliva, 2013. С. 676]. Принято считать, что знание о себе представляет второпорядковые убеждения агента о его первопорядковых ментальных состояниях и обладает двумя основными свойствами – непосредственностью и непогрешимостью. Под первым имеется в виду, что агент приобретает знание о своих ментальных состояниях без использования эпистемических средств, не основываясь ни на наблюдении за своим поведением, ни на умозаключении. Под вторым –

что второпорядковые убеждения агента о своих ментальных состояниях не могут быть ложными, и их истинность не может подвергаться сомнению со стороны третьих лиц¹.

Несовместимость экстернализма и знания о себе обнаруживается, на первый взгляд, в том, что в аргументах Х. Патнэма и Т. Бёрджа предполагается возможность ошибки агента в определении своих ментальных состояний: если содержание ментальных состояний агента зависит от условий окружающего мира, то, ошибаясь в том, каков окружающий мир, агент должен ошибаться и в том, каково содержание его ментальных состояний, а это значит, что у агента нет знания о себе. Одна из наиболее популярных стратегий аргументации сторонников такой несовместимости – антикомпатибилистов – состоит в демонстрации того, что экстерналистская позиция ведет к тому, что агент может переходить от знания о своих ментальных состояниях к знанию о существовании окружающего мира вне его.

Так, М. Маккинзи настаивает на том, что знание агента о своих ментальных состояниях должно рассматриваться как знание, получаемое агентом *a priori* за счет наличия у него привилегированного доступа к содержанию своих ментальных состояний. Экстерналистскую позицию Т. Бёрджа он трактует следующим образом: некоторые ментальные состояния агента концептуально предполагают существование объектов вне этого агента. Именно такая трактовка экстернализма входит, по мнению М. Маккинзи, в противоречие с идеей о наличии у агента знания о себе: Оскар не может *a priori* знать условия окружающей среды, но, согласно экстернализму, Оскар может *a priori* вывести эти условия из посылки, которая известна ему *a priori*, а именно – каково содержание его ментальных состояний. М. Маккинзи резюмирует свою позицию так: «Если бы вы могли знать *a priori*, что вы находитесь в ментальном состоянии, и ваше нахождение в этом ментальном состоянии концептуально или логически предполагает существование внешних объектов, то вы могли бы знать *a priori*, что внешний мир существует. Поскольку очевидно, что вы не можете знать *a priori*, что внешний мир существует, вы также не можете знать *a priori* и то, что вы находитесь в данном ментальном состоянии» [McKinsey, 1991. С. 16].

Схожие сомнения в том, что экстернализм совместим со знанием о себе, высказывает и П. Богоссян [Boghossian, 1997]. Он также демонстрирует *reductio ad ab-*

¹ Безусловно, в современной философии никто не питает иллюзий в отношении наличия у агента необходимого истинного знания о себе. Феномены самообмана и самозаблуждения являются яркими контрпримерами возможности такого знания. Тем не менее в рамках здравого смысла традиция доверять высказываниям агента о своих ментальных состояниях от первого лица больше, нежели высказываниям третьих лиц об этих же состояниях агента, сохраняется.

surdum компатибилистской позиции, как и М. Маккинзи, утверждая, что, согласно ей, агент может иметь знание *a priori* о мире, о котором принято считать, что знание о нем агенты могут получить только *a posteriori*. Так, если Оскар утверждает, что экстернализм и знание о себе совместимы, то он должен размышлять следующим образом:

(1) Если у меня есть понятие воды, то вода существует.

(2) У меня есть понятие воды.

Следовательно,

(3) Вода существует.

Первая посылка представляет собой, по мнению П. Богоссяна, выражение позиции экстернализма: в ней утверждается отношение зависимости между содержанием ментального состояния Оскара (убеждения в том, что у него есть понятие воды) и объектами внешнего мира, которые влияют на это содержание (факт наличия воды). Вторая посылка выражает идею наличия у Оскара привилегированного доступа к содержанию своих ментальных состояний, благодаря которому он может приобретать *a priori* знание о том, что у него имеется понятие воды. Вывод аргумента предполагает, что Оскар может знать *a priori* не только факты о своей ментальной жизни, но и факты об окружающем мире, в частности, что вода существует. Однако, как указывает П. Богоссян, очевидно, что такой вывод не может быть известен Оскару *a priori*: для того чтобы узнать, что в мире существует вода, Оскару необходимо эмпирическим образом обнаружить эту воду. Так как Оскар не может знать *a priori*, что вода существует, то подобное рассуждение абсурдно, и позиция сторонников совместимости экстернализма и знания о себе ложна.

Сильное возражение аргументам М. Маккинзи и П. Богоссяна против компатибилизма предлагает Э. Брюкнер [Brueckner, 1992]. Он утверждает, что из того, что Оскар *a priori* знает свое убеждение о том, что вода влажная, следовать должно то, что в мире существуют какие-либо сущности, отличные от Оскара, а не то, что существует конкретная сущность – вода. Поэтому Оскар может вывести из знания о своем убеждении только то, что в окружающем его мире существуют какие-то объекты, к которым отсылают его убеждения. Но какие именно это объекты – Оскар может узнать только *a posteriori*. Следовательно, экстернализм не угрожает знанию Оскара о своих ментальных состояниях, так как он не влечет за собой возможности агента иметь знание *a priori* о существовании внешнего мира.

Несколько иной вид возражения компатибилизму приводит П. Богоссян в рамках обращения к «аргументу о постепенном перемещении» (*slow switch argument*) Т. Бёрджа, который задумывался последним в качестве подтверждения возможности совместимости экстернализма и знания о себе [Burge, 1988]. Если Оскар периодически перемещается между Землей и Двойником Земли, не будучи осве-

домленным о своих перемещениях и не будучи способным отличить Землю от ее двойника, то он не сможет обнаружить, что содержание его убеждений о воде различается в зависимости от того, на какой планете он находится. Чем больше времени Оскар будет проводить на Двойнике Земли, тем быстрее его убеждение о «воде» станет убеждением о «двойнике воды», так как референт сменится с H_2O на XYZ. Это связано с тем, что после достаточно долгого пребывания на Двойнике Земли, в результате которого у Оскара появится опыт взаимодействия с двойником воды, он приобретет новое понятие для указания на XYZ, чем понятие «воды». Из этого следует, что Оскар в принципе не знает, каково содержание его убеждений о воде, то есть фактически у него отсутствует знание о своем ментальном состоянии.

И если Т. Бёрдж утверждал, что предложенный им аргумент не доказывает несовместимости экстернализма и знания о себе, так как убеждения агента о своих ментальных состояниях являются самоверифицируемыми высказываниями (высказываниями, истинность которых определяется самим фактом высказывания), то П. Богоссян считает, что этот аргумент все-таки демонстрирует несовместимость экстернализма и знания о себе. Он трансформирует первоначальный аргумент так, что теперь Оскар перемещается между Землей и Двойником Земли «скачками», проводя на обеих планетах достаточное время, чтобы приобрести соответствующие понятия для обозначения воды и двойника воды или артрита и двойника артрита [Boghossian, 1989]. П. Богоссян утверждает, что в результате у Оскара отсутствует знание о содержании своих ментальных состояний, так как для того, чтобы это знание у него имелось, он должен не только обладать двумя понятиями, но и рассматривать их в качестве релевантных альтернатив друг другу: «Считается, что человек знает, что p только в том случае, когда он отделяет или различает истинность p от других релевантных альтернатив» [Goldman, 1976. С. 772]. Но сделать этого Оскар не может, потому как, по условиям оригинального аргумента, он не осведомлен о своих перемещениях между планетами.

Совместимость экстернализма и знания о себе: стратегия защиты

Проблему несовместимости экстернализма и знания о себе в аналитической философии можно рассматривать как проблему обоснованности перехода от онтологического вопроса к вопросу эпистемическому. Антикомпатибилисты в своих аргументах допускают возможность подобного перехода – перехода от онтологического вопроса о том, что определяет содержание ментальных состояний агента, к эпистемическому вопросу о том, как агент приобретает знание об этом содержа-

нии. Сторонниками компатибилизма, такой переход, напротив, считается по меньшей мере необоснованным, а по большей мере и вовсе ошибочным.

Для того чтобы понять, почему компатибилисты придерживаются такой точки зрения, следует обратиться к позиции Т. Бёрджа. Он отмечает, что для того чтобы у Оскара имелось знание о своих ментальных состояниях, ему необходимо иметь знание о содержании своих второпорядковых убеждений, содержанием которых, в свою очередь, являются его первопорядковые убеждения. Согласно экстернализму, внешние факторы определяют содержание первопорядкового убеждения агента, но, как утверждает Т. Бёрдж, эти факторы никак не затрагивают содержание второпорядкового убеждения агента, которое с необходимостью фиксировано содержанием первопорядкового убеждения [Burge, 1988]. Таким образом, даже если Оскар не знает, что перед ним – вода или двойник воды – он все равно знает, что в данный момент у него есть убеждение о том, что «вода влажная».

Представленная позиция Т. Бёрджа основывается на допущении необходимости логической связи между содержанием второпорядковых убеждений агента и содержанием его первопорядковых убеждений. Именно эта связь гарантирует истинность знания агента о своих ментальных состояниях. Самоверифицируемость, приписываемая Т. Бёрджем второпорядковым убеждениям агента о своих ментальных состояниях, обеспечивает знание агента о себе таким свойством, как непогрешимость: Оскар знает о том, что он убежден, что вода влажная, и невозможно, чтобы это его знание оказалось ложным, даже если на самом деле объектом его убеждения выступает не вода, а двойниковая вода. Это обусловлено тем, что истинность приписывается содержанию второпорядкового убеждения агента, а не содержанию первопорядкового убеждения, чьи условия истинности как раз и могут быть поставлены под вопрос при экстерналистском подходе.

Сам Т. Бёрдж характеризует свое понимание знания о себе как антикартезианское. Под картезианством он, в первую очередь, подразумевает представление об интроспекции как о способе приобретения агентом знания о себе. Он отмечает, что у картезианского субъекта имеется истинное знание о содержании своих ментальных состояний благодаря корректному функционированию способности к интроспекции таких состояний. Интроспекция в то же время рассматривается как восприятие внутренних ментальных состояний субъекта по аналогии с восприятием внешних для этого субъекта физических объектов. Эта аналогия распространяется на метафизическое по своей сути представление о природе ментальных состояний: ментальные состояния мыслятся как объекты, чей способ существования отличается от способа существования физических объектов окружающего мира тем, что они существуют как приватные объекты, в то время как физические объекты существуют как публичные. Категориальная пара приватное – публичное

здесь понимается в эпистемическом смысле, что означает, что объект является приватным тогда и только тогда, когда эпистемическим доступом к нему обладает только один субъект, и объект является публичным тогда и только тогда, когда эпистемическим доступом к нему обладают как минимум два различных субъекта.

В рамках картезианской интроспективной модели приватность ментальных состояний субъекта коррелирует с тем, что, во-первых, ментальные состояния субъекта являются «прозрачными» для него самого, а, во-вторых, отношение субъекта к этим состояниям обладает привилегированной авторитетностью. Первое обеспечивает непосредственность знания картезианского субъекта о себе, так как ему достаточно находиться в некотором состоянии, чтобы сразу, без использования эпистемических средств, иметь убеждение о том, что он находится в этом состоянии. Второе обеспечивает непогрешимость знания картезианского субъекта о себе, так как если у него имеется убеждение о том, что он находится в каком-то ментальном состоянии, то с необходимостью это убеждение является истинным.

Антикартезианское понимание Т. Бёрджем знания о себе состоит как раз в отрицании им интроспективной модели. Вместо нее Т. Бёрдж утверждает необходимую логическую связь между содержанием двух разнопорядковых убеждений агента. Благодаря признанию этой логической связи для него не встает вопрос о том, как экстернализм в отношении содержания первопорядкового убеждения агента может повлиять на содержание второпорядкового убеждения агента. Постановка такого вопроса в рамках его подхода выглядит тривиальной и поэтому необоснованной: из наличия обозначенной выше логической связи содержания убеждений разного порядка эксплицитно следует, что второпорядковые убеждения агента не имеют отношения к референтам понятий, входящих в его первопорядковые убеждения. Это, в свою очередь, означает, что в рамках компатибилизма не совершается переход от онтологического вопроса к вопросу эпистемическому при обсуждении экстерналистской позиции.

Нетривиальной постановка подобного вопроса о переходе может быть только тогда, когда наличие логической связи не признается: в таком случае требуется объяснить, каким образом связаны между собой первопорядковые и второпорядковые убеждения агента, и почему эта связь не является эмпирически случайной. Именно это и происходит в картезианской интроспективной модели, где связующим звеном между убеждениями агента выступает процедура интроспекции, а ее необходимый характер объясняется посредством метафизического описания природы самих ментальных состояний агента.

Исходя из рассмотренных ранее антикомпатибилистских аргументов, понятно, что знание о себе в них предстает как раз в рамках картезианской интроспектив-

ной модели: это знание *a priori*, которое агент приобретает, обращаясь «внутрь» себя, где обнаруживает содержание своих ментальных состояний и может различать их в качестве релевантных альтернатив. Как отмечает сам Т. Бёрдж, ответственность за стирание границы между знанием *a priori* и авторитетным знанием от первого лица, с которым он ассоциирует знание о себе, лежит на Р. Декарте: «Иллюстрацией основной ошибки Декарта является, на мой взгляд, тенденция к стиранию различий между знанием *a priori* (или, что то же самое, знанием, связанным с объяснением владения понятиями) и авторитетным знанием о себе: преувеличение следствий авторитетного знания о себе для обезличенного знания о необходимых истинах» [Burge, 1988. С. 662].

Таким образом, отождествление знания о себе со знанием *a priori* в аргументах антикомпатибилистов демонстрирует их приверженность картезианской интроспективной модели. Соответственно, данные аргументы о несовместимости экстернализма и знания о себе можно в полной мере рассматривать как аргументы против картезианского понимания знания о себе. Но в таком случае антикомпатибилизм следует трактовать не как попытку опровергнуть экстерналистскую позицию (за счет указания на её несовместимость со знанием о себе), а как попытку опровергнуть картезианское представление об интроспекции в качестве способа приобретения агентом знания о себе и следующую из этого представления модель знания о себе в целом. И, по крайней мере, в этом аспекте – то есть в критике картезианства – антикомпатибилисты с компатибилистами занимают одну позицию.

Защищаемый в данной статье тезис о том, что экстернализм не совместим со знанием о себе, понимаемым в рамках картезианской интроспективной модели, совпадает с убеждением Т. Э. Уорфилда о том, что антикомпатибилистским аргументам (в частности, аргумент с перемещением П. Богоссяна) не удастся доказать несовместимость экстернализма со знанием о себе [Warfield, 1992]. При рассмотрении понятий «воды» и «двойниковой воды» в качестве релевантных альтернатив, имеющих у Оскара в аргументе о перемещении, единственным выводом должно стать утверждение о том, что, перемещаясь с одной планеты на другую, Оскар не сможет приобрести знание о содержании своего убеждения о воде интроспективным образом. Однако этот вывод не является настолько сильным, чтобы несовместимость экстернализма со знанием о себе считалась доказанной; все, что следует из него – это несовместимость интроспективного знания о себе с экстернализмом.

В заключение можно подытожить, что переход от онтологического вопроса о том, что определяет содержание ментальных состояний, к эпистемическому вопросу о том, как агент узнает о своих ментальных состояниях, считается необосно-

ванным с точки зрения компатибилистов, когда знание агента о своих ментальных состояниях рассматривается в рамках картезианской интроспективной модели. С представлением о знании о себе в рамках именно такой модели несовместим экстернализм. Если же придерживаться иной, антикартезианской, модели – например, такой, которую предлагает Т.Бёрдж, – то необходимости совершать подобный переход не возникает, и поэтому можно утверждать, что экстернализм в отношении содержания ментальных состояний агента совместим со знанием агента о себе.

Список литературы / References

- Boghossian P.** Content and Self-knowledge. *Philosophical Topics*, 1989. vol. 17, no. 1, p. 5–26.
- Boghossian P.** What the Externalist Can Know A Priori. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1997, vol. 97, p. 161–175.
- Burge T.** Individualism and Self-Knowledge. *The Journal of Philosophy*, 1988, vol. 85, no. 11, p. 649–663.
- Burge T.** Individualism and the Mental. In: French P., Uehling T., Wettstein H. (eds.). *Studies in Metaphysics (Midwest Studies in Philosophy, vol. 4)*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1979, p. 73–121.
- Burge T.** Other Bodies. In: Burge T. (ed.). *Foundations of Mind. Philosophical Essays*. Oxford, Clarendon Press, 2007a, vol. 2, p. 82–99.
- Burge T.** Postscript to “Individualism and the Mental”. In: Burge T. (ed.). *Foundations of Mind. Philosophical Essays*. Oxford, Clarendon Press, 2007b, vol. 2, p. 151–181.
- Cassam Q.** Contemporary Reactions to Descartes’s Philosophy of Mind. In: Broughton J., Carriero J. (eds.). *A Companion to Descartes*. Massachusettes, Blackwell Publishing, 2008, p. 482–495.
- Colliva A.** Self-Knowledge. In: Pashler H. (ed.). *Encyclopedia of the Mind*. California, SAGE Publ., 2013, vol. 2, p. 676–678.
- Goldman A.** Discrimination and Perceptual Knowledge. *The Journal of Philosophy*, 1976. no. 73, p. 771–791.
- Farkas K.** Semantic Internalism and Externalism. In: Lepore E., Smith B. (eds.). *The Oxford Handbook of Philosophy of Language*. Oxford, Oxford University Press, 2006, p. 323–240.
- Ferraiolo W.** Individualism and Descartes. *Teorema*, 1996, vol. 16, no. 1, p. 71–86.
- McGinn C.** Charity, Interpretation, and Belief. *The Journal of Philosophy*, 1977, vol. 74, no. 9, p. 521–535.
- McKinsey M.** Anti-Individualism and Privileged Access. *Analysis*, 1991, vol. 51, p. 9–16.

- Putnam H.** Meaning of Meaning. In: Putnam H. (ed.). Philosophical Papers. Cambridge, Cambridge University Press, 1975, vol. 2: Mind, Language, and Reality, p. 215–271.
- Warfield T.** Privileged Self-Knowledge and Externalism are Compatible. *Analysis*, 1992, vol. 52, p. 232–237.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Козырева Ольга Александровна

аспирант, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Olga A. Kozyreva

PhD student, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

olgakozyreva@mail.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-181-194

Рене Декарт против Пьера Бурдена: проявления невозможности компромисса

В. П. Горан

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены проявления бескомпромиссно негативного реагирования Р. Декарта на критику его концепции человеческого ума как бестелесной субстанции церковным деятелем П. Бурденом. С отрицанием Декартом трактовки ума как продукта функционирования материального мозга человека соотнесена недооценка им рефлексивной составляющей мыслительной активности человека. Специальное внимание обращено на то, что Декарт фактически уклонился от содержательной полемики с Бурденом по этим вопросам, ограничившись повторением составляющих своей позиции, аргументированную критику которых тот предъявил ему. Признано, что в итоге Декарт опустился до фактически оскорбительной характеристики критической оценки Бурденом исходной у Декарта позиции радикального сомнения в реальности существования чего бы то ни было, заявив, что воспринимает эту оценку как «облаивание». Показательным в том, что Декарту нечем было на критику его философской позиции Бурденом ответить аргументированно, признано и то, что философ счел для себя допустимым обратиться с жалобой на этого своего оппонента к церковному его начальству.

Ключевые слова

Декарт, Бурден, философия, человек, ум, тело, бестелесность, дуализм, материалистический монизм, рефлексия, аргументированная критика, неспособность ответить на критику по существу, донос

Для цитирования

Горан В. П. Рене Декарт против Пьера Бурдена: проявления невозможности компромисса // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 181–194. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-181-194

Rene Descartes against Pierre Bourdain: Manifestations of the Impossibility of Compromise

V. P. Goran

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The author considers the manifestations of R. Descartes' uncompromisingly negative reaction to the criticism of his conception of the human mind as a disembodied substance by the Church figure P. Bourdain. Descartes' rejection of the interpretation of the mind as a product of the functioning of the human material brain correlates with his underestimation of the reflexive component of human mental activity. Special attention is drawn to the fact that Descartes actually avoided a substantive debate with Bourdain on these issues, limiting himself to repeating those components of his position, the reasoned criticism of which he received from the opponent. It is recognized that in the end Descartes descended to the actually offensive characterization of Bourdain's critical assessment of Descartes' original position of radical doubt in the reality of the existence of anything, stating that he perceives this assessment as "barking". It is significant that Descartes had nothing with which to respond to Bourdain's criticism of his philosophical position in a reasoned way, and it is also shown that the philosopher considered it permissible for himself to report his opponent to his ecclesiastical superiors.

Keywords

Descartes, Bourdain, philosophy, man, mind, body, incorporeality, dualism, materialistic monism, reflection, reasoned criticism, inability to respond to substantive criticism, denunciation.

For citation

Goran V. P. Rene Descartes against Pierre Bourdain: Manifestations of the Impossibility of Compromise. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 181–194. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-181-194

Данная статья тематически примыкает к опубликованной мной в предыдущем номере этого журнала. Уже в названиях этих двух статей наглядно проявляется их тематическое родство, но отнюдь не совпадение даже предметов рассмотрения. Действительно, если в названии предыдущей статьи фиксировалось, что в ней рассматривается направленность позиции Бурдена против позиции Декарта, то название настоящей, как видим, указывает на то, что предметный акцент в ней другой – направленность уже позиции Декарта против позиции Бурдена. А делает их тематически примыкающими друг к другу и, тем самым, объединяет в некое единство то, что обе посвящены рассмотрению одних и тех же текстов, соответственно Декарта и Бурдена. Да и сами тексты эти, к тому же, теснейшим образом связаны, поскольку принадлежащий Бурдену есть отзыв на трактат Декарта «Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между

человеческой душой и телом», а принадлежащий Декарту – продукт комментирования им этого отзыва.

Поэтому, приступая к теме настоящей статьи, предварительно есть резон воспроизвести, во-первых, имеющееся в самом начале предыдущей, конкретно то, что Декарт не желал ничего отвечать Бурдену по причине тех отрицательных эмоций, которыми сопровождалось его знакомство с предыдущими оценками данного автора опубликованных им ранее своих результатов. Еще тогда Декарт сделал для себя вывод о якобы некомпетентности этих оценок. Вот как он сам фактически признает это в своей последующей жалобе на Бурдена, а по сути дела в доносе на него, провинциальному настоятелю Франции, т. е. его церковному начальнику, «отцу» Дине. «Однако пока он нападал на мои трактаты, связанные с физикой и математикой, я не обращал на это внимания. Но коль скоро он затеял в своем рассуждении ниспровержение тех метафизических основоположений, с помощью которых я доказал бытие Бога и реальное отличие человеческой души от тела, причем осуществил он свой замысел не путем доказательств, а при помощи клеветы, я придаю познанию этих истин такое значение, что, полагаю, ни одному честному человеку не может быть неудобным, если я в меру своих сил постараюсь защитить то, что я написал на эту тему» [Декарт, 1994в. С. 425]. Но ведь как клевету Декарт характеризует здесь вполне обоснованную, как мной продемонстрировано в вышеназванной статье, критику Бурденом основополагающих для его философии положений. А так как такое обвинение в клевете, да еще в контексте заявления о своих усилиях по защите религиозных взглядов, сделано в обращении к церковному начальству Бурдена, то выраженная в нем надежда на то, что эти его, Декарта, усилия, в том числе, стало быть, и конкретно этот фактически донос, «не может быть неудобным» делом, означает попытку оправдания им, прежде всего в собственных глазах, и такого способа защиты себя от критики. Но поскольку в данном случае сам Декарт заранее, еще до издания этого своего трактата обязался с вниманием отнестись ко всем инициированным им самим отзывам на него, он не считал для себя возможным не публиковать, а соответственно и не отвечать уже конкретно на данный отзыв Бурдена. А так как в настоящей моей статье акцент делается на рассмотрение реагирования Декартом именно на этот отзыв, то существенные особенности данной своеобразной дискуссии будут представляться читателю этой статьи весьма странными и мало понятными, если оставить его неосведомленным об отмечаемой мной сейчас специфике отношений ее участников. Поэтому о ней я сейчас и упоминаю.

Во-вторых, также для более отчетливого понимания специфики этой их дискуссии надлежит удерживать в памяти и, стало быть, иметь в виду самые существенные результаты, полученные мной в указанной выше предыдущей статье. Дело

в том, что хотя в ней акцент делался на отношении не Декарта к Бурдену, а наоборот – Бурдена к Декарту, но рассмотренное в ней также наглядно отражает отмеченный только что характер их взаимоотношений в целом. Руководствуясь изложенными соображениями, я сейчас и воспроизведу указанные результаты, разумеется, в самом сжатом виде.

Бурден весьма настойчиво пытался уяснить основание, на котором покоится у Декарта решение считать ум человека бестелесным, соответственно, обособленным от его тела и независимым от этого последнего настолько полностью, чтобы признать его продолжающим существовать и после смерти тела. Поскольку Бурден пришел к выводу, что эти усилия Декарта не имели убедительного позитивного результата, он в итоге эту его концепцию как обособленности ума от тела, так и бессмертия ума отверг. Конкретно эту позицию церковного иерарха нельзя не признать материалистической. Так что приходится констатировать парадоксальность сложившейся в итоге ситуации. В вопросе о соотношении тела и души человека церковный иерарх отстаивает материалистическую позицию, а один из крупнейших ученых-естествоиспытателей того времени – религиозно-идеалистическое представление о бессмертии человеческой души. Причем полемизируют они по этим вопросам не заочно и опосредованно, а непосредственно в споре друг с другом. То, как конкретно реагировал на материалистический вывод Бурдена Декарт, и является предметом моего внимания уже в настоящей статье.

К каким отнюдь не доказательным приемам Декарт счел допустимым для себя прибегнуть при этом, обратившись с жалобой на Бурдена к провинциальному настоятелю Франции, мной уже отмечено только что. А сейчас, приступая к решению только что сформулированной задачи, прежде всего, рассмотрю следующую составляющую полемики Декарта и Бурдена. Ее конкретный предмет – известная Декартова формулировка «Я мыслю, следовательно, существую», а именно, то, что ею констатируется ситуация обращенности мысли человека на саму себя в осуществляемом ею заключении о своем существовании. Это – определенно рефлексивный акт человеческой мысли. Ведь в этой формулировке Декарт под «Я» имеет в виду именно мыслящую и ни к чему иному не предназначенную, по его оценке, вещь (см.: [Декарт, 1994а. С. 23–25]), каковую он затем и характеризует как отдельную самостоятельную субстанцию, сущностная специфика которой и состоит в том, что она только мыслящая, а потому якобы и бестелесная (см.: [Там же. С. 37–38]). С особой настойчивостью Декарт и подтверждает эту особенность понимания им человеческого «Я» в споре с Бурденом. А Бурден, понимая под человеческим «Я» одушевленное, но при этом все же телесное, существо, и пытается обратить внимание Декарта на то, что тот своим «Я мыслю, следовательно, существую» де-

монстрирует рефлексивность мышления человека как существа именно телесного, а не его якобы бестелесной души.

При этом в стремлении наглядно представить определенные составляющие сути позиции не столько своей, сколько Декарта, Бурден прибегает к построению как бы возможного следующего своего диалога с ним, в котором он пытается рассуждать с позиции, которую тот предложил ему (в квадратных скобках я указываю в чьи уста – свои или Декарта – Бурден вкладывает соответствующие фразы):

- [якобы Декарт:] ...Что ты некогда думал о самом себе?
- [Бурден:] ...Вот: я мыслю, я существую. Кроме этого ничего нет – я от всего отрекся.
- [якобы Декарт:] Но взвесь, говоришь ты, – то, что ты помнишь.
- [Бурден:] Что значит это «взвесь»? Я сейчас мыслю, что некогда мыслил; но значит ли это, будто я некогда мыслил, что только что помыслил то, что я мыслил некогда?
(см.: [Декарт, 1994б. С. 363]).

Как видим, Бурден здесь вкладывает в свои уста не только констатацию рефлексивного характера Декартовой формулировки «Я мыслю, следовательно, существую», но и акцентирование того, что уделяет этому особое внимание. Более того, делает он это нарочито явно, прибегая к выражению «Я сейчас мыслю, что некогда мыслил».

И вот как отреагировал Декарт на приведенный текст Бурдена: «...когда он утверждает, будто для субстанции недостаточно быть мыслящей, чтобы в силу этого она считалась сверхматериальной и абсолютно духовной, а между тем он только эту последнюю и желает именовать умом и вдобавок требует, чтобы посредством акта рефлексии она мыслила, или, иначе говоря, осознавала свое мышление, он несет такой же вздор, как и каменщик, утверждающий, что опытный архитектор должен посредством акта рефлексии осознавать в себе эту опытность до того, как сумеет стать архитектором» [Декарт, 1994б. С. 415]. Как видим, Декарт не оставил без внимания то, что Бурден зафиксировал рефлексивность его «Я мыслю, следовательно, существую» и действительно нарочито явственно указал на нее. При этом приведенным мной только что текстом Декарт наглядно продемонстрировал и то, что он не склонен уделять особое внимание феномену рефлексии, когда ведет речь о человеческом уме. Но это, впрочем, не помешало ему не оставить без внимания и в дальнейшем то, что Бурден, напротив, придавал способности человеческого мышления к рефлексии особую значимость. Так, всего через пару страниц Декарт снова отмечает, что, согласно Бурдену, акт рефлексии – это то, что «отличает людей от животных» [Там же. С. 417].

А вот то, что Декарт не уделяет столь же пристального внимания такой оценке рефлексии, нельзя не признать соответствующим тому онтологическому статусу, каковой он признал за человеческим умом. А именно Декарт ведь признал за ним

статус самостоятельной, сугубо духовной, «сверхматериальной», как мы только что видели, т. е. нематериальной субстанции, а не продукта функционирования материального мозга человека. Ведь если признавать ум продуктом мозга, то оценка этой его особенности, состоящей в способности сосредоточения на содержании собственной деятельности, будет включать и констатацию того, что рефлексивность принадлежит к сущностным и, стало быть, важнейшим его характеристикам. Но Декарт ведь представлял себе ум в качестве самостоятельной субстанции, сама специфика которой – именно сосредоточение на предмете своего внимания. Так что уделять повышенное внимание той составляющей этой его специфики, которая состоит и в рефлексивном сосредоточении на себе, как и придавать ей особую роль, при этом может не представляться столь уж значимым делом: субстанция эта такова сама по себе. В итоге Декарт относительно как своего примера с архитектором, так и трактовки им ума как особой самостоятельной субстанции делает следующие утверждения. «И хотя действительно не может быть архитектора, который бы часто не сознавал или, по крайней мере, не мог сознавать, что он обладает строительным опытом, тем не менее ясно, что такого сознания не требуется для того, чтобы стать зодчим. Подобное созерцание или рефлексия точно так же не нужны для того, чтобы поднять мыслящую субстанцию над материей. Ведь первая – какая угодно – мысль, посредством которой мы что-то примечаем, не более отличается от второй, посредством которой мы замечаем, что замечаем, нежели эта вторая – от третьей, благодаря которой мы замечаем, что замечаем, что замечаем. При этом нельзя привести ни малейшего основания (в том случае если первую мысль относят за счет телесной вещи), согласно которому туда же нельзя было бы отнести и вторую» [Декарт, 1994б. С. 415–416].

Как видим, последним предложением этого своего текста Декарт демонстрирует понимание того, что если то, что он характеризует здесь как «первую мысль», относить «за счет телесной вещи», то и вторую мысль, а именно уже рефлексивный уровень человеческого мышления, следует признавать продуктом, или способом, функционирования тоже «телесной вещи», т. е. человеческого мозга. Но в том-то и дело, что Декарт не приемлет такую материалистическую и тем самым монистическую концепцию человека. Более того, он заявляет, что в пользу этой последней «нельзя привести ни малейшего основания», причем делает это, не приводя никаких доводов, подтверждающих такое заявление. Вместе с тем самим этим изложением сути материалистического истолкования Бурденю феномена как человеческого мышления в целом, так и рефлексивной его составляющей Декарт продемонстрировал, что он все-таки понимает то, о чем тот говорил ему. Из этого можно сделать вывод, что не сам по себе факт несогласия Бурдена с его концепцией задел Декарта за живое. На мой взгляд, допустимо предположить, что Декарт

был уязвлен главным образом тем, что на критику Бурденом его концепции сам он не сумел ответить по существу. И подтверждением того, что дело могло обстоять именно так, является уже упомянутая мной ранее жалоба на Бурдена, с которой Декарт обратился к его начальству, и даже, как мы убедимся в этом далее, потребовал при этом его наказания.

А сейчас еще раз в качестве историко-философских фактов зафиксирую как то, что Декарт наглядно продемонстрировал: для него не осталась незамеченной и непонятой существенная составляющая той позиции Бурдена, с которой тот подверг критической оценке его, Декарта, концепцию, так и то, что составляющая эта фактически была материалистической. И чтобы адекватно оценить степень неприятия Декартом этой позиции Бурдена, следует иметь в виду, что уже в «Предисловии для читателя» к своему обсуждаемому в полемике с Бурденом трактату Декарт следующим образом оценивает аргументы атеистов: они «не имеют никакой силы для тех, кто понимает суть моих доводов» [Декарт, 1994а. С. 10]. Ведь сделанного там же Декартом предупреждения своим читателям относительно таких аргументов: «я не желаю здесь на них отвечать...» [Там же] он придерживается и в ответах на критику Бурдена, поскольку в ней тот исходил из материалистических, а, стало быть, и атеистических, допущений. А уже упомянутым мной выше последующим обращением к церковному начальству Бурдена Декарт, как мы вскоре убедимся, фактически подтвердил, что он именно уклонился от содержательной полемики с самим Бурденом по сути данных тем критических оценок основополагающих пунктов его позиции.

Бурден же рассматриваемым мной сейчас его текстом демонстрирует, что он настоятельно ищет у Декарта то, что тот характеризовал словами «малейшее основание» этого самого его неприятия фактически материалистического понимания человека. Отсюда и способ представления Бурденом читателю позиции Декарта при таком ее рассмотрении. А именно Бурден использует такие у самого Декарта отсутствующие формулировки при изложении сути его позиции, которые сделали бы отчетливо видимыми оттенки его мысли, в которых можно было бы усмотреть это самое «малейшее основание» неприятия тем фактически материалистической концепции человека. Но таковых Бурден обнаружить не смог даже посредством использования таких переформулировок утверждения Декарта. А Декарт попытался представить читателю эту работу Бурдена как проявление неспособности этого последнего понять его результаты во всем якобы богатстве их содержания. Соответственно, Декарт следующим образом оценивает данную составляющую усилий Бурдена. «А посему надо отметить, что наш автор в данном случае заблуждается гораздо опаснее, чем каменотес: уничтожая истинное и вполне постижимое различие, существующее между телесными и бестелесными веща-

ми (поскольку последние мыслят, а первые – нет), и ставя на его место другое различие, которое ни в коем случае нельзя рассматривать как существенное (оно состоит в том, что одни из этих вещей созерцают себя в качестве мыслящих, другие же – нет), он делает все от него зависящее, для того чтобы запутать понимание реального отличия человеческого ума от тела» [Декарт, 1994б. С. 416].

Разумеется, настаивая на отличии человеческого ума от тела, Декарт прав. Но ведь конкретная трактовка Декартом этого отличия несостоятельна. А именно снова и снова он просто голословно утверждает, что существенным в понимании сути человеческого мышления следует признать бестелесность его, так сказать, органа. А потому якобы не следует усматривать в его природе ничего, в малейшей степени зависящего от чего бы то ни было телесного. Более того, как мы только что видели, Декарт оценивает признание такой зависимости как в высшей степени опасное. И здесь уместен вопрос: опасное для чего? Судя по дуалистической философской позиции Декарта, он имеет в виду опасность признания такой зависимости для прежде всего концептуальной основы этой его позиции. А поскольку мировоззренческая составляющая такой ее основы такая же, как и у христианской религии, то и для этой последней. И конкретно в этом, нельзя не признать, Декарт был прав.

Значительное количество страниц, завершающих публикацию отзыва Бурдена и комментариев на него Декарта, этот последний посвятил сравнению своего труда с трудом архитектора, построившего здание, а труда этого своего оппонента – с трудом ремесленника, возмнившего себя тоже строителем здания, но кроме рытья траншеи под фундамент своего здания не умеющий больше ничего делать и поэтому ничего более и не сделавший (см.: [Декарт, 1994б. С. 398–417]). И этой оценкой Декарт тоже по сути дела проигнорировал фактически сделанное Бурденom и, соответственно, не удостоил это конкретно-предметного рассмотрения. А ведь сделал Бурден следующее. Он осуществил проверку надежности именно фундамента здания, возведенного Декартом. И поскольку он пришел к обоснованному выводу о негодности этого фундамента, то для последующей оценки добротности всего здания, построенного Декартом на таком фундаменте, тоже, разумеется, отрицательной, ему уже и не должно было представляться целесообразным отдельно обследовать на предмет пригодности и остальные его составляющие.

И Бурден прямо указал Декарту как на негодность такого фундамента, так и на ненадежность всего построенного на нем здания. Вот этот текст Бурдена, обращаясь к Декарту. «Однако, возражаешь ты, я пользуюсь отрицанием, дабы воздвигнуть постамент и колонны, как это делают зодчие. Разве они не пользуются временными сооружениями для возведения столпа и не устанавливают их в нужном месте, с тем чтобы потом, когда эти сооружения исправно выполняют свою

роль, разрушить их и убрать? Почему мне не поступить также точно? Что ж, подражай им, если угодно, но смотри, чтобы твои фундаменты и колонны не навалились всей тяжестью на временную постройку, так что с ее удалением они тоже рухнут. Я считаю это достойным порицания в твоём методе. Фундамент устанавливается ложный, а опора на него тяжела, так что если убрать основу, придется убрать и сам метод» [Декарт, 1994б. С. 392].

Декарт же в оценке того, что сказал ему приведенным сейчас текстом Бурден, повел себя так, будто не заметил сказанного ему. Ибо отреагировал Декарт на это следующим образом. Он поставил Бурдену в вину то, что тот якобы занят даже не оценкой фундамента построенного им здания, а только рвом под этот фундамент, тем самым будто бы демонстрируя, что он несведущ в строительном мастерстве. Для этого Декарт сначала приводит следующие суждения Бурдена относительно сравниваемого этим последним его (Декарта) творчества с искусством архитектора. *«Это... искусство... для постройки какого-то здания закладывает не вещественную основу, а другую: оно разрушает, раскапывает, отбрасывает старые основы все до единой и... лепит и прилаживает себе восковые перья, устанавливая новые принципы, прямо противоположные старым. Так оно избегает прежней неустойчивости, ... воздвигает высокое здание, однако лишь с тем, чтоб оно рухнуло; так, в конце концов, из ничего громоздится постройка, но не получается никакого результата»* [Там же. С. 401]. Считаю уместным специально отметить (чтобы предупредить возможное недоумение читателя), что здесь курсив у Декарта означает: он цитирует Бурдена. А далее Декарт следующими словами реагирует на эту приведенную им оценку Бурденом результатов своей деятельности и дает этим же результатам также и собственную самооценку. *«Смехотворную лживость всех этих разглагольствований доказывало одно лишь присутствие часовни, воздвигнутой архитектором. Было очевидно, что и фундамент он под нее подвел крепчайший, и ничего не разрушил из того, что не подлежало разборке; он также не отклонился ни на йоту от чужих наставлений, кроме тех случаев, когда располагал более верным решением; он воздвиг свое здание таким образом, что оно никак не должно было рухнуть; наконец, он построил его вовсе не из ничего, но из крепчайшего материала и получил результат – прочное и надолго рассчитанное святилище Бога»* [Там же. С. 402].

Как видим, в осуществленной здесь самооценке скромностью Декарт не отличился. А столь радикальное отличие этой оценки себя от того, как оценил его Бурден, Декарт объяснил тем, что в отличие от него самого Бурден не архитектор, а всего лишь каменщик да еще умеющий рыть траншеи. Поэтому Бурден якобы и не сумел увидеть все построенное Декартом-архитектором здание во всей его целостности. Соответственно, подобно тому как каменщик «лишь предъявил ар-

хитектору претензию, будто единственным результатом его деятельности было обнаружение камня, и скрыл тот факт, что на этом камне была выстроена затем часовня, так и наш автор только лишь сетует на мое отречение от сомнительного, уверяя, будто единственным плодом этого отречения явилась избитая максима *Я мыслю, я существую*, и ни во что не ставит основанные на этой максиме доказательства бытия Бога и других вещей» [Декарт, 1994б. С. 409]. Руководствуясь этими своими уничижительными характеристиками способностей Бурдена, главное в позиции, с которой этот священник критически оценивал им сделанное, Декарт фактически не смог воспринять как нечто заслуживающее серьезного отношения. Декарт попросту отверг несогласие Бурдена с обособлением в человеке его ума как самостоятельной субстанции, дуалистически отделенной от тела как столь же самостоятельного, но всего лишь модуса, второй, а именно материальной субстанции.

Не могу не обратиться и к тому, каковы итоговые оценки Декартом сделанного Бурденом. А они следующие. «Наконец, во всем ясно просвечивает... стремление [Бурдена. – В. Г.] ... думать не об истине и правдоподобию, но лишь о том, как бы опорочить противника и представить его круглым невеждой и дураком в глазах тех, кто его не знает, и не заботиться о том, чтобы досконально выяснить истину» [Там же. С. 416]. И это Декарт публикует в книге, где как раз и помещен его собственный текст, причем текст, являющийся итогом его усилий по созданию своей концепции. И как с учетом этого обстоятельства следует оценивать обвинение Декартом Бурдена в намерении обмануть тех читателей, кто якобы «не знает» этой самой концепции Декарта? Кто оказывается в этой ситуации обманщиком – Бурден, который имеет в виду знакомство своего читателя с критикуемым им произведением, или же Декарт, который исходит из того, что читатель текста Бурдена не осведомлен о критикуемой им его позиции? Нельзя не признать, что таковым предстает в этой ситуации не Бурден, а Декарт.

Заслуживает внимания и еще один момент в отношении Декарта к Бурдену. Дело в том, что ведь сам Декарт в своем трактате предложил читателю как бы определенную игру. А именно он предложил не воспринимать всерьез предлагаемую им предварительную оценку решительно всего, что вызывает малейшее сомнение в истинности, а только условно считать это совершенно ложным, чтобы затем посредством самой тщательной проверки на истинность каждого такого пункта либо подтвердить его ложность, либо опровергнуть ее и установить тем самым его истинность как уже несомненную (см.: [Декарт, 1994а. С. 12, 19–21]). Но заслуживающая сейчас нашего внимания специфика ситуации состоит в том, что и сам Декарт этот предложенный им читателю прием как бы интеллектуальной игры последовательно не реализовал. Ведь уже в самом начале этой искусст-

венно-игровой ситуации, а именно при рассмотрении вопроса об онтологическом статусе человеческого ума, он эту предложенную читателю установку не выдержал. Ведь выводу о том, что всего лишь при таком игровом абстрагировании этот самый ум может рассматриваться как нечто существующее независимо от того, от чего при этом предложено абстрагироваться, Декарт придал значимость отнюдь уже не начального этапа всего лишь игры, а того, что охарактеризуется абсолютной достоверностью. И не потому ли, поскольку Бурден до конца выдерживал предложенный самим Декартом стиль интеллектуальной игры при обсуждении затрагиваемых в его трактате вопросов, Декарт постоянно сердится на него за это и характеризует его как неспособного к серьезному подходу к важнейшим философским вопросам? А в итоге Декарт перешел и на прямое оскорбление Бурдена, охарактеризовав отношение того к предложенному в своем трактате приему искусственно-игрового сомнения следующим образом: «...его словесный аппарат хотя направлен всего лишь на одно-единственное мое сомнение – не скажу на его опровержение, поскольку он не пользуется аргументами, но скорее (да позволено мне будет употребить грубоватое словцо: мне не подвергается никакое другое для выражения истины) на его облаивание. Он не стал бы также поминать пустословие, если бы приметил, сколь многословно, пустопорожне и полно бессмысленной болтовни рассуждение, в конце которого он заверяет, будто стремится к краткости» [Декарт, 1994б. С. 417]. И все это утверждает, еще раз обращу на это внимание моего читателя, в издании, где помещен не только критический анализ Бурденом трактата Декарта, но и сам этот трактат.

В приведенном мной только что фрагменте текста Декарта показательна еще одна составляющая его позиции. А именно, в этой, по сути дела завершающей, оценке им сделанного Бурденом он, как и прежде, не нашел ничего сказать относительно содержательной его составляющей, а счел уместным говорить исключительно о факте многословия этого человека. Этим Декарт наглядно продемонстрировал, что содержательной составляющей позиции Бурдена он не то чтобы не усмотрел. Ее он, что я уже имел возможность фиксировать, как раз отчетливо видел, но главного в ней, а именно признания того, что мышление человека – это функционирование специфического телесного его органа, не пожелал делать предметом своего публично демонстрируемого внимания. В итоге Декарт просто проигнорировал то, что несогласие с ним Бурдена по данному важнейшему для его философии вопросу есть прямая демонстрация ложности оценки им самим своей позиции как якобы настолько очевидно истинной для человеческого ума, что достаточно предъявить ее любому человеку, чтобы тот не смог не признать эту ее истинность. Ведь своим несогласием, самым фактом такого несогласия Бурден как раз и продемонстрировал, что это не так, а именно что таков как раз не любой че-

людек. Этот факт уже сам по себе есть наглядное опровержение убедительности Декарта в отстаивании им данной составляющей его позиции. И то, что Декарт проигнорировал этот факт, тоже есть демонстрация ее слабости.

В результате сложилась парадоксальная ситуация. Бурден, занимающий видное место в церковной иерархии, отстаивает фактически материалистическую позицию, а Декарт, внесший значительный вклад в формирование нововременной научной картины мира, причем прежде всего в том, что касается ее физической составляющей, вместе с тем рьяно отстаивает в споре с этим церковным деятелем именно религиозный подход к решению одной из ключевых для того времени мировоззренческих проблем. Более того, этот один из выдающихся творцов науки Нового времени обращается к церковной администрации в лице провинциального настоятеля Дины с фактическим доносом на Бурдена, поскольку он был религиозным иерархом и, более того, даже с требованием наказать его за его материалистические взгляды. Причем особенно показательно то, каким Декарт мыслит такое наказание. Привожу соответствующую часть этого обращения Декарта к «отцу» Дине. «И подобно тому, как сильное несоответствие функций одной части тела общим его законам показывает, что эта часть страдает какой-то своей, особой болезнью, так и из рассуждения преподобного отца Бурдена становится ясно, что он не обладает тем здоровьем, кое отличает всю вашу корпорацию в целом. Мы не меньше ценим голову или всего человека из-за того, что, может быть, дурные соки против его воли и без его вины проникают в его ногу или палец; напротив, мы уважаем его твердость и мужество, когда он не отвергает болезненного лечения; никто никогда не презирал Гая Мария за варикозные расширения в голених, наоборот, он заслужил большую похвалу за то, что мужественно вытерпел ампутацию одной ноги, чем за семь своих консулатов и бесчисленные победы над врагами» [Декарт, 1994в. С. 419–420]. Как видим, здесь Декарт делает весьма прозрачный намек на то, что и относительно Бурдена как члена религиозной корпорации он предлагает осуществить операцию, подобную ампутации неизлечимо больной ноги у человека, т. е. операцию изгнания из корпорации.

Конечно же, нельзя не признать и то, что Декарт не зря сердился на Бурдена и жаловался на него церковному начальству. Ведь тот использовал предложенный, как я отметил это выше, самим Декартом искусственный прием рассуждений посредством допущения ложности каких бы то ни было прежде признаваемых достоверными утверждений с тем, чтобы заново, так сказать, с нуля, осуществить поиск истины. А использовал Бурден этот прием, чтобы посредством его, в том числе и фактически, осмеять первый и, тем самым, один из ключевых полученных при этом Декартом результатов. Вместе с тем, использованием этого приема Бурден демонстрировал, что, принимая всего лишь стиль игры, который предложен Де-

картом своим читателям, он, тем не менее, при этом будет вести свою собственную игру, а именно отстаивать таким способом свою позицию, которая оказалась альтернативной позиции Декарта. При этом фактом является то, что Бурден к осмеиванию сделанного Декартом прибег применительно к тому в его позиции, что соответствовало церковным представлениям. Так что у Декарта были и основание, и повод обратиться с жалобой на Бурдена его церковному начальству. Но нельзя при этом не признать также и того, что Бурден рассматриваемым мной сейчас приемом фактически осмеяния сделанного Декартом действительно демонстрировал, что он не считал заслуживающим серьезного отношения прежде всего главное в концепции этого последнего – дуалистическое решение им вопроса о соотношении ума и тела в человеке. И всем этим Бурден так вывел Декарта из себя, что тот не смог ли или же не захотел заметить, что этот его оппонент усмотрел в его позиции и составляющие, заслуживающие такого критического к ним отношения.

Вместе с тем, уже окончательно в заключение, следует не оставить без внимания и то, что Декарт все-таки пытался отвечать на критику Бурдена также и по существу. Но делал он это, отмечу еще раз, весьма странно, а именно просто повторяя то, что Бурден в его концепции отвергал. И получается, что этим Декарт только наглядно демонстрировал правоту своего оппонента, когда тот, по сути дела, верно указывал ему на ущербность соответствующих составляющих его позиции. Наглядной демонстрацией того, что рассматриваемая здесь мной ситуация имела и эту составляющую, является то, что итоговым действием Декарта были, как мы видели, и неприкрытая брань в адрес самого Бурдена, и жалоба на него его начальству, содержащая фактический донос на него. Этим Декарт как бы и невольно фактически подтвердил, что убедительно опровергнуть своего оппонента он по сути его критики так и не смог, и, вместе с тем, для себя не признал эти свои усилия результативными. И если уж в своем обращении к церковному начальству Декарт позволил себе предложить тому решение ситуации с дальнейшим пребыванием Бурдена в церковной структуре по аналогии с ампутацией у древнеримского консула Гая Марция его неизлечимо больной ноги, то и при оценке поведения самого Декарта в этом его противостоянии Бурдену уместно вспомнить тоже древнеримское крылатое выражение: «Юпитер, ты сердишься – значит, ты не прав». Ведь оно также характеризовало ситуацию, когда в споре одна из сторон горячится, тем самым фактически демонстрируя недостаток у нее аргументов.

Список литературы / References

- Декарт Р.** Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994а. Т. 2. С. 3–72.
- Descartes R.** Razmyshleniya o pervoi filosofii, v koikkh dokazyvaetsya suschestvovanie boga i razlichie mezhdushoi i telom (Meditations on First Philosophy in which the Existence of God and the Immortality of the Soul are Demonstrated). In: Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 2, p. 3–72. (in Russ.)
- Декарт Р.** Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994б. Т. 2. С. 73–417.
- Descartes R.** Vozrazheniya nekotorykh uchenykh muzhei protiv izlozhennikh vyshe «Razmyshlenii» s otvetamy avtora (Objections to the Meditations and Descartes's Replies). In: Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 2, p. 73–417. (in Russ.)
- Декарт Р.** Глубокопочтимому отцу Дине, провинциальному настоятелю Франции // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994в. Т. 2. С. 418–446.
- Descartes R.** Glubokochtimomu ottsu Dine, provintsial'nomu nastoyatelyu Frantsii [Epistola ad Patrem Dinet]. In: Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 2, p. 418–446. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

19.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author**Горан Василий Павлович**

доктор философских наук, профессор

главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Vasily P. Goran

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor

Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

goran@philosophy.nsc.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-195-207

Понятие позиции и позиционное мышление

А. В. Нечипоренко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В работе развывается постановка задачи о философской проработке понятия «позиция». На примерах из истории науки и философии от Г. Галилея до работ Московского методологического кружка (ММК) второй половины 60-х – начала 70-х годов XX века рассматривается культурный феномен позиционного мышления. Особое внимание уделено философии И. Г. Фихте. Высказывается и обосновывается предположение, что диалектика Фихте является образцом специфически позиционного мышления и дает основание для определения объективного содержания понятия позиции. Описывается контекст возникновения позиционных схем, их специфическое устройство и употребление в работах ММК как нормативно-логического аппарата, альтернативного формальной логике. Очерчивается область актуальных проблем, связанных с понятием позиции.

Ключевые слова

позиция, позиционное мышление, наблюдатель, точка зрения, деятельность, самоопределение, единица, обособление, позиционная схема, рефлексия, экспериментирование, Галилей, Кант, Фихте, Маркс, Московский методологический кружок, ММК

Для цитирования

Нечипоренко А. В. Понятие позиции и позиционное мышление // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 195–207. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-195-207

The Concept of Position and Positional Thinking

A. V. Nechiporenko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper elaborates on and develops the concept of “position”. Drawing on the examples from the history of science and philosophy from G. Galileo to the works of the Moscow Methodological Circle in the second half of the 60s – early 70s of the 19th century the author considers the cultural phenomenon of positional thinking. Special attention is paid to the philosophy of I. G. Fichte. An assumption is made and

substantiated that Fichte's dialectics is a model of specifically positional thinking and provides a basis for determining the objective content of the concept of "position". The paper also describes the context of the emergence of positional schemes, their specific structure and use in the works of MMK as a normative-logical apparatus, an alternative to formal logic. It also outlines the area of topical problems associated with the concept of "position".

Keywords

position, positional thinking, observer, point of view, activity, self-determination, unit, isolation, positional scheme, reflection, experimentation, Galileo, Kant, Fichte, Marx, Moscow Methodological Circle, MMC

For citation

Nechiporenko A. V. The Concept of Position and Positional Thinking. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 195–207. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-195-207

1

Есть слова, которые активно употребляются в философском дискурсе, но медленно, трудно и исторически поздно доводятся до формы (статуса) понятий. Например, «значение», «смысл», «задача». К таким словам относится и «позиция». О позициях говорится в смысле мировоззренческой установки, или подхода к решению определенной проблемы («реализм», «скептицизм», «математический платонизм», и т. п.), в смысле отношения к иным подходам («заял критическую позицию»), в смысле отстаивания некоторого положения («такая позиция вызывает удивление»), в смысле определенного аспекта рассмотрения (близкие выражения – «точка зрения», «в ракурсе», «различие перспектив»).

Слово «позиция» восходит к греческим θέση, θέσις («тезис») и к латинскому *positio*. Значения многообразны:

- положение в пространстве; тем самым θέσις по смыслу близко с τόπος (место) и χώρα (помещение, округ, регион) [Mendel, 2015. P. 24];
- расположение или конфигурация – позиция войска, шахматная позиция;
- тезис, положение в мысли;
- тема, тезис в речи – так обозначали тему риторы и поэты Возрождения.

Задача данной статьи: показать, что слову «позиция» и близким к нему языковым выражениям соответствует культурно-историческое содержание – способы деятельности и методы мышления, развитые в истории науки и философии. Данное содержание я буду называть *позиционным мышлением*. Ограничивая содержание таким образом, я выношу за скобки ключевую в значительной степени тему позиций в *коммуникации*: я стремлюсь не столько эксплицировать понятие *позиции* в его полноте, сколько очертить историческую линию, значимую для философского чистого мышления.

2

Смысл *позиции* как «точки зрения» можно эксплицировать, обратившись к термину *наблюдатель* в физике. Принцип релятивизма содержит операции перехода между точками зрения двух *наблюдателей* из двух систем отсчета, движущихся относительно друг друга. Прием не нов и применялся еще Аристотелем в «Физике» для разрешения одной из апорий Зенона. Также понятие «точка зрения» присутствует в теории перспективы, созданной в эпоху Возрождения, и давшей начало проективной геометрии. В этих случаях *наблюдатель* – это материализация функционального места «точки зрения», он имплицитно мыслится как абстрактный «субъект» со всеобщими свойствами, с «общечеловеческой» формой организации сознания, независимой от разницы «точек зрения» [Мамардашвили, 1994]. Однако уже Г. Галилей указывал, что применение приема абстрактного *наблюдателя* к движению Земли наталкивается на возражения, которые «столь очевидны и доступны чувствам, что если бы чувство, более возвышенное и более совершенное, чем обычное и природное, не объединилось с разумом, то я сильно сомневаюсь, не был бы и я еще противником системы Коперника...» [Галилей, 1948. С. 423–424]. Абстракции *наблюдателя* противостоит представление о носителе жизнедеятельностных стереотипов, определенной картины мира, имеющем практически и ментально «нагруженное» видение. Пробрасывая линию к проблемам современной физики, можно увидеть развитие идеи «нагруженного» наблюдателя до понятия *приборной обстановки* и *принципа относительности к средствам наблюдения* [Фок, 1971. С. 648].

3

Смысл *позиции* как философского подхода рассмотрим на примере «Критики чистого разума» И. Канта. «Критика» была написана, когда гносеологическая проблема оформилась в противостоянии философских лагерей эмпиристов и рационалистов, и Д. Юм сформулировал в отношении к ним обоим скептические аргументы. Решая проблему, И. Кант самоопределялся относительно всех трех подходов. Принципиально новым было то, что Кант отошел от эмпирической фактичности и попытался на основе знания о способностях познающего разума *теоретически вывести* полный набор возможных философских подходов к познанию. Тем самым в отношении к истории философии впервые были поставлены теоретически сконструированные *типы подходов*: формальный идеализм, формальный реализм, материальный идеализм, материальный реализм [Лоскутов, 2019. С. 15–16]. Себя И. Кант определил как *дуалиста*. Позже И. Г. Фихте трактовал критическую философию Канта как позицию, внешнюю ко всем выведенным позициям, объемлющую и взаимоувязывающую их.

4

С моей точки зрения решающим пунктом в становлении философского позиционного мышления стала диалектика И. Г. Фихте.

Прежде всего, следует указать, что Фихте продолжил линию И. Канта на дедукцию философских подходов. Во второй, теоретической части «Основы общего наукоучения» (WL 1794) Фихте выводит ряд философских позиций, соотнося их с фактическими учениями философов: догматический идеалист (Лейбниц), догматический реалист (Спиноза), количественный идеалист, количественный реалист, качественный идеалист, качественный реалист, критический идеалист (Кант). Позиция Канта (и самого Фихте) вводится как рефлексивно замыкающая, связывающая и «снимающая» все противоположные друг другу позиции. В этой дедукции философские воззрения соотнесены с выводимыми конфигурациями категорий так, что последние выступают трансцендентальными предпосылками, фундирующими позиции. Таким образом, каждый философский подход характеризуется своеобразным видением («картиной мира»), порождаемым определенной категориальной конфигурацией.

Далее, нужно указать на форму *двух рядов*, которую Фихте придал трансцендентальному методу. Речь идет об особой методической процедуре экспериментирования с мышлением и сознанием [Нечипоренко, 2014. С. 136–138]. «Помещая» себя во «втором ряду», наукоучитель формулирует гипотезу, *набросок* деятельностно-мыслительного акта и создает особое искусственное условие для его осуществления – *задачу* в форме противоречия¹. Затем переходит в «первый ряд» и осуществляет решение задачи – собственно свободный мыслительный акт. Возвращаясь во «второй ряд», прорабатывает содержание полученного опыта в понятийной и категориальной форме. Так осуществляется связывание двух форм – философского мышления и обыденного сознания. У Гегеля в «Феноменологии духа» мы находим тот же метод, хотя и модифицированный. Гегель использует выражение «мы», «наше», когда пишет о точке зрения философствующего автора и присоединяющихся к нему читателей, и выражение «само сознание», когда пишет об исследуемых формообразованиях сознания. Характерный оборот: «мы должны занять место в том же пункте времени и пространства и заставить показать нам ее (истину чувственной достоверности. – А. Н.), то есть превратить себя в то же самое “это я”» [Гегель, 1992. С. 56]. Здесь описывается операция, по типу такая же, как заимствование точки зрения *наблюдателя*. На этом основании

¹ М. Хайдеггер, комментируя «Основы общего наукоучения», реконструирует экспериментальную процедуру так: «основание наброска – совершение наброска – разработка того, что в наброске было выявлено» [Хайдеггер, 2016. С. 78].

можно характеризовать два ряда как *две позиции*, а указанную выше операцию – как *занятие позиции*. Форма трансцендентального метода предстает как движение, регулярный переход между двумя *позициями*.

Может показаться, что Фихте просто различил предметный и метапредметный планы, и его подход – это философия рефлексии. Однако сам Фихте отвергал такую интерпретацию. Так, в «Ясном как солнце сообщении...» он описывает рефлексивные переходы в метапланы. Исходная степень – это «действительная жизнь», «первые и основные определения», которым следует «лишь отдаться». Следующие степени возникают при «свободном возвышении» над предыдущими, «исходя из себя самих»: вторая степень – самосознание, третья степень – рефлексия самосознания и т. д. Далее Фихте пишет: «...отныне мы будем рассматривать исключительно систему первой степени», «пребывание в этой сфере называют также преимущественно *реальностью*, *фактом сознания*. Его называют также *опытом*» [Фихте, 1993. С. 587–589]. Можно характеризовать степени рефлексии как *рефлексивные позиции*, однако Фихте интересуется в первую очередь сфера первой степени – реальность жизни или опыта, и следует рассмотреть, не укоренено ли в ней сущностное содержание *позиции*.

Для Фихте знание и опыт – это единство теоретического и практического моментов, и «только посредством подобной деятельности возможно самосознание» [Фихте, 2014. С. 23]. Как единое Я приходит в форму различных и соотносенных практического и теоретического? Разворачивание формы по Фихте осуществляется согласно закону пятиричности, впервые введенному в *WL nova methodo*. Дж. Коглиандро пишет, что, согласно Фихте, в пятиричности Я обнаруживает себя парящим между двумя актами определения – созерцанием и понятием. Я определяет себя и находит себя делающим, создает понятие себя самого и созерцает себя. Я «отграничивает область созерцаемого от понятийного, находясь в центре двух неразделимых рядов определений. Поэтому самоопределение Я ограничено только его созерцаемостью, и, наоборот, созерцание, которое Я имеет о себе, может быть понято только как действующее»². При разворачивании пятиричности из неопределенности определяются и взаимопосредствуются понятие цели и созерцаемый объект, созерцание действия и понятие себя действующего. Важнейшим является переход от неопределенного единства к определенности. «Я колеблется между двумя определяемыми «массами»: с одной стороны, идеальной определяемостью, многообразием, призывающим к определенному действию, которое здесь является синонимом определения вообще. Второй определяемой «массой» является пред-

² См.: Cogliandro G. Die Dynamik der Fünffachheit in der Wissenschaftslehre nova methodo. URL: https://www.academia.edu/8239773/Die_Dynamik_der_Funffachheit_in_der_Wissenschaftslehre_nova_methodo (дата обращения 06.05.2020).

ставленное чувственное многообразие (которое возникает как представление продуктивного воображения). В идеальном ряду Я направляет свою деятельность на объект; это определяется понятием цели, которое является условием воли. С другой стороны, в действительном ряду та же изначальная деятельность предстает как самоопределяющаяся через понятие причинности, посредством которой она воздействует на объект»³.

Приведенный выше фрагмент можно понять так, что если «действительная масса» – предметно-чувственный материал, то идеальная «масса» – это универсум способов деятельности и действий духа (интеллигенции).

Разворачивание пятиричности есть конкретизация, индивидуализация и обособление в тотальности Я. Понятие *обособления* является ключевым. Его значение подчеркивает Матиас Беккер: «Фихтевскую философию можно выразить и так: нужно было бы так упредить распадение на мышление и бытие, что все другое зависело бы от определения Я, ... определение внутри него несет с собой нечто более важное, чем различие мышления и бытия, и одновременно не терять из поля зрения это различие... В конце концов все сводится к этой способности (или возможности) обособления. Обособление остается при себе и снова снимается, но именно постольку, поскольку оно делает Я содержательным, но это было бы содержание в двояком рассмотрении: *в-себе-содержание* и *себя-содержание*» [Беккер, 2012. С. 198–199].

Мое предположение состоит в том, что описываемые Фихте обособление и генезис пятиричности следует интерпретировать как становление позиции, *позиционирование*, или в перспективе свободно действующего индивида – как личностное *самоопределение в позиции*. Сама же *позиция* – это конкретизированная и обособленная деятельностная единица, в которой, следуя Фихте, различаются действие, объект, цель, а также действующее, созерцающее и себя определяющее Я. Следует подчеркнуть, что речь идет не о формах сознания и не о психических функциях индивида. В *позиции* экзистентно осуществляется сущность *яйности* – единство бытия и знания (интеллектуального созерцания) – демонстрируемая в первых основоположениях «Основ общего наукоучения».

Характерно, что, интерпретируя Фихте, М. Хайдеггер пишет о «Я-бытии», бытйствовании *яйности* в определенном «способе условия-бытия» [Хайдеггер, 2016. С. 90–91], для которого его бытие с необходимостью «для себя и обязательно только для себя» [Хайдеггер, 2016. С. 92]. Я-бытие сближается Хайдеггером с экзистенциальной структурой *Dasein*.

³ Cogliandro G. Die Dynamik der Fünffachheit in der Wissenschaftslehre nova methodo.

Онтологический характер яйности подчеркивает и А. К. Судаков, указывая, что в первых основоположениях «Основ общего наукоучения» «бытие мыслится в необходимой связи с чистым и эмпирическим самосознанием», что «метафизическое, а на известном уровне и трансцендентально-теологическое, содержание этих положений совершенно непозволительно растворять в рефлексивных рядах «философии самосознания». Самая вещь (пласт дорефлексивной онтологии) присутствует в них в неразрывной и неслиянной связи с чистым самосознанием⁴ Я, а в известном смысле, – присутствует даже до сознания и безотносительно к нему»⁵.

Таким образом, у Фихте в обособленной и конечной деятельностной единице яйности осуществляется единство бытия и для-себя-бытия, бытийствования и данности самому себе (*Intellektuelle Anschauung*, видения). Основные моменты этой единицы различаются и разворачиваются по закону пятиричности и являются результатом самоопределения. В одном аспекте это определенный *способ действия*, опосредствованный определенной категориальной формой и конфигурацией, в другом аспекте это «схваченный» и «повернутый определенной стороной» *объект* действия, в третьем – это созерцание или *точка зрения*, в четвертом – это выражение свободы, нравственно-этического и мировоззренческого само-стояния.

Высказываемая мной гипотеза заключается в том, что все эти моменты в единстве и образуют содержание понятия *позиции*.

5

Приведенное выше понимание *позиции* как обособленной единицы деятельности может быть соотнесено с понятием *разделения труда*, введенным в политэкономии А. Смитом и активно использованным в марксизме. К. Маркс заимствует из немецкого идеализма деятельностные представления и, реализуя мировоззренческую установку материализма, в качестве базовой полагает деятельность материального производства – труд. «Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. ... Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т.е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 20]. Мож-

⁴ Я полагаю, более точным здесь было бы не «чистое самосознание», а «интеллектуальное созерцание» (*die Intellektuelle Anschauung*).

⁵ См.: Судаков А. К. Всеединство абсолюта и двуединство Я. Метафизика и рефлексия в структуре «дедукции» основоположений наукоучения Фихте. URL: <https://esse-journal.ru/?p=717> (дата обращения 06.05.2020).

но видеть, что обособленная деятельность характеризуется у К. Маркса такими элементами, как *материал, продукт, орудие*, в иных фрагментах к ним добавлены *потребность* или *цель* труда ⁶.

6

В новейшее время понятие *позиция* было проработано и заняло важное место в трудах Московского методологического кружка (ММК, 1958–1994). Создание в 1964–1965 гг. позиционных схем и выработка понятия *позиция* было во многом ключевым моментом в развитии философско-методологической программы ММК. Можно проследить два истока, в синтезе давших понятие.

Первый источник – это представление об *управленческой деятельности*. С 1963 г. в ММК активно прорабатывалось понятие управления. Это работы О. И. Генисаретского по анализу кибернетического понятия управления, работы Г. П. Щедровицкого по социальному и педагогическому исследованию детских игр [Щедровицкий, 1966], а также работы В. А. Лефевра. По этой линии была получена и начала активно практиковаться схема управленческой деятельности как надстраиваемой над управляемой деятельностью и организационно-технически охватывающей ее ⁷.

Второй источник – это представление о *рефлексии* и схема рефлексивного выхода.

К началу 1960-х гг. в ММК были выработаны представления об *акте деятельности*, в котором выделялось пять элементов: цель, исходный материал (или объект преобразования), продукт, действия и орудия (средства). В схеме рефлексивного выхода рефлексия описывается как *кооперация двух деятельностиных актов*. Первичным рассматривается акт, в котором деятельность сталкивается с затруднением. Для преодоления трудности сам этот акт становится предметом анализа во вторичном рефлексивном акте, в котором вырабатываются рефлексивные знания и то, что передается в исходный акт в качестве средств, разрешающих затруднение [Щедровицкий, 1995. С. 173–278].

Важным контекстом создания схемы рефлексивного выхода была проработка темы рефлексии в педагогических исследованиях Г. П. Щедровицкого, Н. Г. Алек-

⁶ Эту характеристику деятельности можно сравнить с тем, как в работе «Замкнутое торговое государство» Фихте определяет различные виды деятельности их *объектом, способом и целью* [Фихте, 2010. С. 66].

⁷ См.: Щедровицкий П. Г. Заметки к истории формирования понятия управления в СД подходе. URL: <https://shchedrovitskiy.com/zametki-k-istorii-formirovaniya-ponjatija-upravlenija-v-sd-podhode/> (дата обращения 06.05.2020).

сеева и В. В. Давыдова, а также на семинаре О. И. Генисаретского, посвященном философии Гегеля.

В создании схемы рефлексивного выхода решающую роль сыграли «1) необходимость объяснить специфику и происхождение методологических знаний, 2) полемика с В. А. Лефевром по поводу предложенных им схем и формальных описаний рефлексии» [Щедровицкий, 1995. С. 273].

В. А. Лефевр предложил модель рефлексии как отражения на «планшете сознания» индивида, и в статье 1965 г. впервые появилось изображение «человечка», отображающего на «планшете» других «человечков» и самого себя [Лефевр, 1965]. Если В. А. Лефевр строил «научную психологию» и разрабатывал «алгебру сознания», то для Г. П. Щедровицкого принципиальной была установка антипсихологизма. Думается, Г. П. Щедровицкого не устраивал «оператор отражения» в алгебре Лефевра – из истории философии известна вся критика концепции отражения. Схема рефлексивного выхода была построена Щедровицким как связь кооперации деятельностных актов. Тем самым *рефлексия* определялась в рамках *онтологии деятельности*, через функциональные деятельностные структуры, имеющие онтологический статус безотносительный к реальным индивидам, тогда как последние выступали носителями деятельности. В психологическом же аспекте в схеме был реализован подход *интерсубъектности*, что соответствовало культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и его понятию *интериоризации*.

Позиция (схематизированная «человечком») стала обозначать специфическую обособленную единицу деятельности – деятельностный акт в целостности всех его элементов, или способ деятельности. Связи кооперации (и связи рефлексии как особого вида кооперации) позволяли строить из этих деятельностных единиц многообразные структуры. Созданный понятийно-схематический аппарат использовался для дедукции методом восхождения от абстрактного к конкретному сложных систем деятельности (например, взаимосвязь практики, инженерии, науки и философии). При дедукции восстанавливались и имитировались типовые затруднения («разрывы») в деятельности, они выступали «задачами», требующими решения. Переход к средствам и способам, преодолевающим затруднения, осуществлялся на основе рефлексии, которая таким образом выступала механизмом развития деятельностной системы [Щедровицкий, Дубровский, 1967].

Стенограммы семинарских обсуждений ММК свидетельствуют, что слово «позиция» употреблялось активно, причем в разных смыслах [Анналы ММК, 2009]. С одной стороны, оно использовалось как термин, относящийся к действительности «схем с человечками» (позиционных схем). А с другой стороны – в русле общекультурного словоупотребления: для обозначения оппозиций в дискуссии или при предъявлении мировоззренческих и теоретических установок. Это создало

совершенно особый контекст рисованию и использованию позиционных схем – прежде всего возможность *в смысловом плане схематизировать реальную ситуацию здесь и сейчас*. С одной стороны, позиционные схемы единообразно стягивали на себя по смыслу различные моменты интеллектуального процесса – мышление, действие, коммуникацию, рефлекссию, а с другой – обеспечивали рефлекссию и логическое нормирование собственной живой работы. По-видимому, это был во многом переломный и решающий момент в истории ММК. С 1968 г. семинары ММК стали осознаваться как «экспериментальный полигон» мышления и деятельности, воспроизводящий, как «микрокосм», проблемы современной интеллектуальной ситуации в мире [Анналы ММК, 2009. С. 72]. Выработка теоретических представлений о деятельности, мышлении, рефлексии, коммуникации начала осознанно вестись методом *экспериментирования с собственными мышлением и деятельностью*. Язык позиционных схем – с его характерными операторикой («вхождения в позицию», «помещения себя в схему» и т. п.), техниками нормирования деятельности и рефлексивного оборачивания – оказался *инструментальным условием и важнейшей предпосылкой* осуществления этого метода.

7

Подведем итоги проделанного исторического очерка. Он был призван поставить вопрос о *позиции* как значимом философском понятии, требующем проработки.

Даже немногие кратко описанные примеры позволяют заключить, что вопрос о *позиции* затрагивает контексты различных проблем, актуальных для современной философии. Это и вопрос о теоретическом и операциональном описании и нормировании мышления иным методом, чем формальные логики; и вопрос о связи мышления и интенциональных форм воззрительности; и проблемы междисциплинарного взаимодействия, синтеза разнопредметных знаний, разделения и соединения деятельности (кооперации и коллаборации), особенно актуальные в условиях современного инновационного развития; и проблематика мировоззренческого самоопределения и пр.

Специфика мыслительных понятий, операций и способов, затронутых в статье, дает основание, с моей точки зрения, для постановки задачи об историко-философской реконструкции *позиционного мышления* как особой, развивавшейся в истории формы рациональности и как особого метода.

Список литературы / Reference

- Анналы ММК. Семинары 1969/70: Методологическая работа. Теория деятельности. М.: Наследие ММК, 2009.
- Annaly ММК. Seminary 1969/70: Metodologicheskaya rabota. Teoriya deyatelnosti. Moscow, Nasledie ММК, 2009. (in Russ.)
- Беккер М.** Чистый свет – чувственный образ или конструктивный принцип в Наукоучении 1804 г. // Позднее наукоучение Фихте: Материалы междунар. Фихтевской конф. (СПб., РХГА, 27–28 ноября 2008 г.). СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 176–212.
- Becker M.** Das reine Licht – Sinbild oder konstruktives Prinzip in der Wissenschaftslehre von 1804. In: Fichtes späte Wissenschaftslehre. Beiträge zur Internationalen J.-G.-Fichte-Konferenz (Russische Christliche Humanitäre Academy. St. Petersburg 27–28.11.2008). St. Petersburg, Verlag der Russische Christliche Humanitäre Academy, 2012, S. 176–212. (in Russ.)
- Галилей Г.** Диалог о двух главнейших системах мира. М.: ОГИЗ, 1948.
- Galiley G.** Dialog o dvukh glavneyshikh sistemakh mira. Moscow, OGIZ, 1948. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Система наук. Часть первая. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
- Gegel G. V. F.** Sistema nauk. Chast pervaya. Fenomenologiya dukha. St. Petersburg, Nauka, 1992. (in Russ.)
- Лефевр В. А.** О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании // Проблемы исследования систем и структур / Под ред. М. Ф. Веденова и др. М.: АН СССР, 1965. С. 61–67.
- Lefevr V. A.** O samoorganizuyushchikhsya i samorefleksivnykh sistemakh i ikh issledovaniy. In: Vedenov M. F. et al. (eds.). Problemy issledovaniya sistem i struktur. Moscow, AN SSSR, 1965, p. 61–67. (in Russ.)
- Лоскутов Р. В.** Понятия идеализма и реализма в философских системах И. Канта и И. Г. Фихте // Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. (Новосибирск, НГУ, 14–19 апреля 2019). Серия: Философия и политология. Новосибирск: НГУ, 2019. С. 15–16.
- Loskutov R. V.** Ponyatiya idealizma i realizma v filosofskikh sistemakh I. Kanta i I. G. Fikhte. In: Proceedings of the 57th International Student Scientific Conference (Novosibirsk, NSU, April 14–19, 2019). Series: Philosophy and Politology. Novosibirsk, NSU Press, 2019, p. 15–16. (in Russ.)
- Мамардашвили М. К.** Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Азбука, 1994.

- Mamardashvili M. K.** Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti. Moscow, Azbuka, 1994. (in Russ.)
- Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. / Ред. Я. Б. Турчинс. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Marx K., Engels F.** Nemetskaya ideologiya. In: Turchins Ya. B. (ed.). Marx K., Engels F. Works. In 50 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1955, vol. 3, p. 7–544. (in Russ.)
- Нечипоренко А. В.** Диалектика Фихте и онтология деятельности // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2014. Т. 12, № 14. С. 132–139.
- Nechiporenko A. V.** Dialectics of J. G. Fichte and the Ontology of Activity. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 4, p. 132–139. (in Russ.)
- Фихте И. Г.** Замкнутое торговое государство. М.: УРСС, 2010.
- Fichte J. G.** Zamknutoe torgovoe gosudarstvo. Moscow, URSS, 2010. (in Russ.)
- Фихте И. Г.** Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: Канон+, 2014.
- Fichte J. G.** Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya. Moscow, Kanon+, 2014. (in Russ.)
- Фихте И. Г.** Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии // Фихте И. Г. Соч.: В 2 т. / Под ред. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 563–667.
- Fichte J. G.** Yasnoe, kak solntse, soobshchenie shirokoy publike o podlinnoy sushchnosti noveyshey filosofii. In: Volzhskii V. (ed.). Fikhte I. G. Works. In 2 vols. St. Petersburg, Mifril, 1993, vol. 1, p. 563–667 (in Russ.)
- Фок В. А.** Квантовая физика и философские проблемы. М.: Наука, 1970.
- Fok V. A.** Kvantovaya fizika i filosofskie problemy. Moscow, Nauka, 1970. (in Russ.)
- Хайдеггер М.** Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности. СПб.: Владимир Даль, 2016.
- Heidegger M.** Nemetskiy idealizm (Fikhte, Shelling, Gegel) i filosofskaya problematika sovremennosti. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2016. (in Russ.)
- Щедровицкий Г. П.** Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
- Shchedrovitskiy G. P.** Izbrannye trudy. Moscow, Shkola kulturnoi politiki, 1995. (in Russ.)
- Щедровицкий Г. П.** Методологические замечания к педагогическому исследованию игры. // Психология и педагогика игры дошкольника / Под ред. А. В. Запорожца, А. П. Усовой. М.: Просвещение, 1966. С. 92–112.

Shchedrovitskiy G. P. Metodologicheskie zamechaniya k pedagogicheskomu issledovaniyu igry. In: Zaporozhets A. V., Usova A. P. (eds.). *Psikhologiya i pedagogika igry doshkolnika*. Moscow, Prosveshchenie, 1966, p. 92–112 (in Russ.)

Щедровицкий Г. П., Дубровский В. Я. Научное исследование в системе «методологической работы» // Проблемы исследования структуры науки / Под ред. В. Н. Борисова. Новосибирск, 1967. С. 105–115.

Shchedrovitskiy G. P., Dubrovskiy V. Ya. Nauchnoe issledovanie v sisteme “metodologicheskoy raboty”. In: Borisov V. N. (ed.). *Problemy issledovaniya struktury nauki*. Novosibirsk, NSU Press, 1967, p. 105–115. (in Russ.)

Mendel H. What’s Location Got to Do with It? Place, Space, and the Infinite in Classical Greek Mathematics. In: Risi V. De (ed.). *Mathematizing Space: The Objects of Geometry from Antiquity to the Early Modern Age*. Springer International Publishing Switzerland, 2015, p. 15–63.

Материал поступил в редколлегию

Received

07.04.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Нечипоренко Александр Валерьевич

кандидат философских наук

ассистент кафедры истории философии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Aleksander V. Nechiporenko

Candidate of Sciences (Philosophy)

assistant professor at the Chair of History of Philosophy, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

a.v.nechiporenko@gmail.com

УДК 167

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-208-213

**Категориально-системное мышление
как инструмент реинжиниринга интеллектуальной деятельности
(ответ на вызов современной когнитивной ситуации)**

Рецензия на книгу:

**Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования
(в кандидатских и докторских диссертациях): Учебник.
М.: ИНФРА-М, 2020.**

А. А. Шеремет

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия*

Аннотация

Учебник Г. Д. Боуш и В. И. Разумова «Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)» восполняет существенный недостаток в фундаментальных и систематизированных работах по методологии научных исследований. Авторы последовательно и глубоко освещают логику и процедуру подготовки научного исследования, раскрывают эвристический потенциал значимых методологических подходов, технологий и научных методов. Особое внимание уделено категориально-системной методологии, позволяющей анализировать объект на сущностном уровне и достигать целостного, непротиворечивого знания. Учебник должен быть рекомендован каждому, кто заинтересован в развитии собственного когнитивного потенциала, логики и методологии мышления, понимаемой как инструмент реинжиниринга интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова

методология научного исследования, категориально-системная методология, научный метод, технологии мыследеятельности, высокоэвристичная поисковая платформа

Для цитирования

Шеремет А. А. Категориально-системное мышление как инструмент реинжиниринга интеллектуальной деятельности (ответ на вызов современной когнитивной ситуации). Рецензия на книгу: Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссер-

© А. А. Шеремет, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2

Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

тациях): Учебник. М.: ИНФРА-М, 2020 // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 208–213. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-208-213

Categorical-Systemic Thinking as a Tool for the Reengineering of intellectual Activity (Response to the Challenge of the Modern Cognitive Situation)

A. A. Sheremet

*Omsk State University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The textbook by G. D. Boush and V. I. Razumov “The methodology of scientific research (in candidate and doctoral dissertations)” fills in the lack of fundamental and systematized works on the methodology of scientific research. The authors consistently and deeply expound the logic and procedure of preparing scientific research, reveal the heuristic potential of significant methodological approaches, technologies and scientific methods. Particular attention is paid to the categorical-system methodology, which allows to analyze the object at the essential level and achieve holistic, consistent knowledge. The textbook should be recommended to anyone who is interested in developing their own cognitive potential, logic and methodology of thinking, understood as a tool for reengineering intellectual activity.

Keywords

scientific research methodology, categorical-systemic methodology, scientific method, thought activity technologies, highly heuristic search platform

For citation

Sheremet A. A. Categorical-Systemic Thinking as a Tool for the Reengineering of intellectual Activity (Response to the Challenge of the Modern Cognitive Situation). *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 208–213. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-208-213

Современная реальность характеризуется перманентно возрастающим уровнем сложности и нестабильности. С нашей точки зрения, понятие жидкого мира, предложенное З. Бауманом в отношении положения человека и социума [Бауман, 2008], в настоящее время уместно трактовать расширенно как тотальную утрату фундаментальности, гарантированности онтологических, аксиологических и гносеологических оснований. Узкая специализация и дифференциация областей знания привела к крайней многогранности и фрагментарности наличных научных достижений, зачастую обнаруживающих свою рассогласованность и противоречивость. Исследовательские объекты демонстрируют сложность и многоаспектность,

что затрудняет познавательную деятельность как начинающих, так и состоявшихся ученых. Текущая реальность и соответствующие ей вещи, явления и процессы как элементы когнитивной ситуации требуют нового уровня интеграции и систематизации, способствующего достижению ясности понимания и целостности знания. Необходимы новые технологии мышления, базирующиеся на прочных метафизических основаниях, необходима методологическая культура для реинжиниринга интеллектуальной деятельности. Примером подобной методологии выступает методология научных исследований, в основе которой лежат методы категориально-системного мышления, выраженные в форматах категориальных схем. Категориально-системная методология разрабатывается профессором В. И. Разумовым и не имеет аналогов в мировой практике [Разумов, 2004]. Данная методология научных исследований позволяет строить качественные модели объектов на подложке общенаучных и философских идей, обеспечивающих глубину и связность осмысления. Схемы выступают носителями когнитивной нагрузки, не только выражают конкретные принципы и закономерности, но переносят последние на описываемые с их помощью предметные области. Интеллектуальная схематехника продуцирует когнитивные шаблоны и выступает полноценной познавательной технологией.

Новое когнитивное направление нашло широкое отражение в трудах В. И. Разумова, его коллег и учеников. Однако особого внимания заслуживает недавно вышедший в свет учебник по подготовке научных исследований под названием «Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)», разработанный В. И. Разумовым в соавторстве с Г. Д. Боуш.

Данная книга является более чем актуальной ввиду того, что, с одной стороны, она отвечает на познавательные вызовы описанной выше реальности, а с другой – восполняет недостаток серьезных, основательных работ по методологии научных исследований.

Учебник адресован аспирантам всех направлений подготовки, докторантам, исследователям, а также преподавателям курса «Методология научных исследований» и смежных учебных дисциплин.

В работе изложены теоретические и практические аспекты методологии научных исследований в рамках научно-квалификационных и диссертационных работ. Особой заслугой книги выступает то, что в ней в емкой, ясной, последовательной форме представлен весь алгоритм подготовки исследования, раскрыта методологическая цепь, разъяснены ключевые понятия научной деятельности.

Авторами тщательно проработаны аспекты выбора темы, обоснования ее актуальности, формулирования проблемы и гипотезы, объекта и предмета. Данные вопросы часто вызывают сложности у начинающих исследователей, однако явля-

ются принципиально важными в качестве задающих рамки и логику всей работы, репрезентирующих квалификационный уровень автора.

Учебник освещает разработку концепции и программы исследования, формирование методологии исследования, применение научных методов, интерпретацию полученных результатов, их описание и представление в научных текстах.

Структура курса включает четыре раздела.

В первом разделе «Введение в методологию научного исследования» изложены теоретические основы научного исследования, а также приведены нормативные требования к диссертациям в Российской Федерации.

Второй раздел «Организация подготовительного этапа научного исследования» посвящен описанию методологических технологий разработки концепции и программы исследования, формирования авторской методологии и исследовательской позиции.

Раздел третий «Методологические подходы и методы научного исследования» является наиболее ценным и содержательно уникальным. Данная часть посвящена теоретическому и практическому раскрытию ключевых значимых методологических подходов исследования объектов – системному, категориальному и информационно-динамическому, – условиям и логике их применения. При этом рассматривается история возникновения методов с акцентуацией на их онтологичности, метафизичности и мировоззренческой значимости.

В качестве высокоэвристичной поисковой платформы в рамках интенсивно-технологической когнитивной парадигмы в книге представлена категориально-системная методология В.И. Разумова. В частности, методы интеллектуальной схемотехники, методы исследования, основанные на идее триадичности, методы исследования активного качества в объектах, методы исследования объектов с внутренними противоречиями, методы категориальной символики, методы теории динамических информационных систем (ТДИС) [Разумов, Сизиков, 2016].

В учебнике систематически раскрыт потенциал каждого метода, обладающего безусловной эвристической ценностью и позволяющего постичь сущностные аспекты исследуемого предмета на качественном уровне. Так, метод триадных сетей позволяет выделять определенный набор категорий и понятий, а также связей между ними, описывающих исследуемый объект, с целью формирования исследовательской программы путем осмысления категориально-понятийного поля. Методы исследования активного качества направлены на конструирование качественной модели объекта, в которой отражаются сам объект как целое, его части, части его части (частей) с целью представления многокомпонентной, иерархически организованной во времени связи между ними. Метод позволяет выявлять структурные элементы, являющиеся носителями атрибутов объекта, обеспечивает

исследование структуры объекта, его классификацию и типологизацию. Методы исследования объектов с внутренними противоречиями предполагают обнаружение противоречащих элементов в структуре объекта и механизмов существования и развития последнего на базе присущего ему противоречия (противоречий), а также способствуют дальнейшему исследованию эволюционных аспектов объекта. Методы категориальной символики позволяют осуществлять углубленный анализ предмета исследования, формировать развернутое представление об элементах, связях, процессах в их взаимосвязанности и взаимообусловленности. Методы теории динамических информационных систем обеспечивают осмысление природы и сущности изучаемого феномена. ТДИС является универсальной теорией, направленной на преодоление различия в устройстве материальных (физических) и знаниевых систем на основе синтеза математики, физики и философии. «Системный подход позволяет конструировать системы знаний таким образом, чтобы они обеспечивали адекватное восприятие объектов, их устройства, функционирования, развития [Боуш, Разумов, 2019, с. 171]».

Освоение предлагаемых методов включает наглядные примеры, а также практические задания, выполнение которых открывает возможности для нетривиального видения исследуемого объекта, обнаружения его новых, неочевидных уровней, граней и связей и гарантирует достижение наиболее полного целостного знания о предмете. Осмысление такого порядка всегда характеризуется новизной получаемого результата, что является крайне важным в диссертационных и иных квалификационных работах.

Четвертый раздел «Обработка и представление результатов научного исследования» отражает упорядочение, структуризацию результатов и их представление в научных текстах, таких как научные доклады, статьи, монографии, диссертации и авторефераты. Заслуживают отдельного упоминания проработанные авторами аспекты логики научного исследования и критерии научного стиля. Эти моменты не могут быть переоценены в связи с тем, что именно они достаточно часто являются слабой позицией многих исследователей.

Учебник В. И. Разумова и Г. Д. Боуш должен быть рекомендован каждому, кто заинтересован в развитии собственного познавательного потенциала, заботится о логике и методологии мышления, стремится к пониманию, осмыслению предмета исследования, фундированному общей онтологической базой. Книга будет полезна всем, для кого эвристически значимые научные результаты в сложной, противоречивой когнитивной ситуации являются безусловным приоритетом и ценностью.

Список литературы / References

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Current fluidity]. St. Petersburg, Peter, 2008. (in Russ.)

Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): Учебник. М.: ИНФРА-М, 2020.

Boush G., Razumov V. Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiyakh) [Methodology of scientific research (in candidate and Doctoral dissertations)]. Textbook. Moscow, INFRA-M, 2020. (in Russ.)

Разумов В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: Учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004.

Razumov V. Kategorial'no-sistemnaya metodologiya v podgotovke uchenykh [Categorical-systemic methodology in the preparation of scientists]. Educational allowance. Omsk, Omsk State Uni. Press, 2004. (in Russ.)

Разумов В. И., Сизиков В. П. Автоматизация рассуждений: программирование мутаций ДИС-компьютера уровня 2 // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 1. С. 53–69.

Razumov V., Sizikov V. Automation of reasoning: programming mutations DIS-computer of level 2. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 1, p. 53–69. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

10.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Шеремет Анна Александровна

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Anna A. Sheremet

Candidate of Philosophy

Associate Professor, Department of Philosophy, Omsk State University F. M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation)

sheremetAA@omsu.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-214-221

Особенности становления таджикского просветительства

Д. А. Муллобоева

Аннотация

Анализируются особенности становления таджикского просветительства. Осуществлена оценка значения просветительства как социального, политического и культурного явления в обществе. Дана характеристика периода становления и развития таджикского просветительства, и исследованы его внутренние и внешние причины. Особое внимание уделено тому, что под идейным предводительством родоначальника новой таджикской философии Ахмада Дониша как культурный феномен таджикское просветительство на определенном этапе исторического развития таджикского народа оформилось в движение джадидизм.

Ключевые слова

просветительство, таджикское просветительство, феномен, культурный феномен, мировоззрение, общество, концепция, джадидизм

Для цитирования

Муллобоева Д. А. Особенности становления таджикского просветительства // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 214–221. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-214-221

Special Aspects of the Formation of Tajik Enlightenment

D. A. Mulloboeva

Abstract

The article provides an analysis of the special features of the formation of Tajik enlightenment. The author also analyzes the concept of enlightenment as a social, political and cultural phenomenon in society. She indicates the periods of formation and development of Tajik enlightenment. It is noted that the emergence of Tajik enlightenment has internal and external causes. The author of the article relies on the available research to prove that Tajik enlightenment as a cultural phenomenon at a certain stage in the historical development of the Tajik people became the movement of jadidism.

Keywords

enlightenment, Tajik enlightenment, phenomenon, cultural phenomenon, worldview, society, concept, jadidism

For citation

Mulloboeva D. A. Special Aspects of the Formation of Tajik Enlightenment. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 214–221. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-214-221

© Д. А. Муллобоева, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2

Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

Приобретение Таджикистаном государственной независимости привело к ключевым изменениям во всех составляющих общественной жизни, в том числе и в научной и интеллектуальной. Начался новый период и актуализировалась потребность внести значительные изменения в интеллектуальную сферу посредством активизации изучения общественного и философского наследия таджикского народа. Это было связано с тем, что без углубления исследования общественно-политических, философских и социальных воззрений таджикских мыслителей оказывать влияние на самопознание нации и развитие современного общества, а также воспитание молодого поколения в духе гуманизма и патриотизма было бы невозможным.

Среди того огромного наследия, которое подвергается теперь особо тщательному исследованию, – произведения и идеи мыслителей второй половины XIX – начала XX в. Представляя общественно-политическую мысль таджикского народа, они являются ключевыми источниками. В этот период появилось таджикское просветительство, хотя, конечно, просветительские идеи имели исторические корни в общественной мысли таджикского народа и предшествующих времен.

Указанный период тесно связан с именами основателей и представителей реформаторско-просветительского движения, среди которых выделяются Ахмад До-ниш (1827–1898), Мирзо Сиродж Хахим (1877–1914), Садриддин Айни (1878–1954), Абдулвохид Мунзим (1875–1934), Абдурауф Фитрат (1886–1938), Абдукодир Мухиддинов (1892–1934), Файзулла Ходжаев (1896–1938) и др. Изучение и объективная оценка идей таджикских просветителей и их философского наследия в современных условиях приобретают особую практическую значимость, так как могут служить лучшими средствами в культурном преобразовании нашего общества и решении культурных и образовательных проблем.

Как известно, просветительство является социально-политическим и литературно-культурным движением. Его представители считали духовность и просвещение народа основными факторами развития общества, а непросвещенность и бездуховность – признаками отсталости членов социума и самого общества в целом. Просветители также считали, что просвещение является не только залогом развития общества, но и средством освобождения народа от гнета и притеснения.

Ведя речь о просветительстве, следует констатировать, что в научных исследованиях мы встречаемся с разными определениями данного термина. Некоторые ученые считают, что просветительство – это социальный, политический и литературно-культурный процесс, направленный на преодоление недостатков конкретной социальной структуры и изменение политики и образа жизни людей путем пропаганды и продвижения идей общего блага, справедливости, науки

и мудрости. По их мнению, просветители считают мораль ключевым и решающим фактором развития и процветания любого общества.

Наряду с данной характеристикой, в «Таджикской советской энциклопедии» термин «просветительство» определяется следующим образом: «Просветительство является литературно-культурным и общественно-политическим течением, которое при помощи пропаганды идей добра и справедливости, науки и образования хотело уничтожить недостатки определенных общественных формаций, изменить их традиции, быт и политику» [Таджикская советская энциклопедия, 1983. С. 198].

Что касается «Философского энциклопедического словаря», то в нем просветительство определяется как «политическая идеология, философия, культура времен упадка феодализма и становления капиталистического общества» [Там же. С. 540]. Таким образом, «просветительство» можно считать общественным явлением, последователи которого стараются ликвидировать недостатки общества с помощью идей справедливости и передовых научных знаний.

В целом понятие «просветительство» в науке трактуется в двух значениях. Во-первых, новое мировоззрение, которое зародилось в социально-философских и культурных сферах общества и основная цель которого заключалась в поиске путей реформирования социальной и культурной жизни общества, отображения основных факторов прогресса и развития науки и техники. Во-вторых, просветительство является направлением, которое пропагандировало идею развития науки, знаний и культурных достижений.

С нашей точки зрения, таджикский исследователь Г. А. Ашуров дает более ясное определение понятия просветительства по отношению к таджикскому обществу. Он, исследуя социально-культурные и реформаторские взгляды таджикских просветителей, в своей статье «Маорифпарвари хамчун чахонбинии нав» («Просветительство как новое мировоззрение») отмечает, что в конце XIX – начале XX в. просвещённые люди Бухары вместо терминов «просветительство», «просветитель» использовали понятия «джадидизм», «джадид», «реформация», «реформатор», «просвещённый», «младобухарцы», изредка «сторонники развития, или прогрессисты» и т. п. Г. А. Ашуров, в частности, отмечает: «Просветительство в целом, как культурный феномен, возникает на определенном этапе исторического развития как интернациональное явление» [Ашуров, 2001. С. 14].

История показывает, что таджикское просветительство сформировалось тогда, когда в обществе царили феодальные отношения. По этой причине данное социальное явление было ответом на потребности общества и вызовы времени. В этот период Бухарский эмират являлся административным, политическим и культурным центром Средней Азии. Вместе с тем он был неотъемлемой частью исламско-

го мира. В силу этого, несмотря на мировой прогресс науки и техники, в XIX в. в Бухаре никаких изменений практически не происходило. По сведениям источников, в стране царил тогда безвластие, беззаконие, а большинство населения было безграмотным. Поэтому просветительство в Бухарском эмирате как социальное явление имело «антифеодальный и антиколониальный характер» [Ашуров, Диноршоев, 1978. С. 55]. Действительно, во второй половине XIX в. Центральная Азия, особенно Бухарский эмират, находились в социально-политическом и культурном кризисе. В стране продолжали господствовать феодально-патриархальные отношения. Отгороженность среднеазиатских ханств от всего мира, застой в развитии производительных сил, господство схоластического образования были основными причинами этой политической, военной и культурной отсталости. Феодальные междоусобицы препятствовали объединению регионов и вели к разрушению единого хозяйства государства.

В названный период в Бухаре правила династия Мангитов. Многие исторические источники и научные исследования подтверждают, что эпоха правления Мангитской династии характеризовалась экономической и культурной отсталостью. По этой теме мы имеем особенно емкую информацию в трудах С. Айни «Таърихи амирони мангитияи Бухоро» («История мангитских эмиров Бухары»), Б. Г. Гафурова «История таджикского народа» В. В. и Бартольда «История культурной жизни Туркестана». Также по данному вопросу можно получить конкретные сведения из трудов профессора А. А. Семенова, который, в частности, пишет: «Несчастливая страна, ввергнутая в пучину тупоумия, невежества, корыстолюбия и разврата своих государей и феодальной знати, представляла собой своеобразный, замкнутый в себе мир, куда не проникало никакое чуждое ему влияние, изолированный почти совершенно от всего остального “неверного” и “правоверного” мира» [Семенов, 1954. С. 5].

Появление и первый этап развития таджикского просветительства относится к 70-м годам XIX в., когда Средняя Азия стала протекторатором царской России: «В течение 1864–1894 гг. территория Средней Азии и Памира была полностью захвачена и присоединена к царской России. Средняя Азия была разделена на четыре части: Степное генерал-губернаторство (северо-восточная часть современного Казахстана), генерал-губернаторство Туркестана (Ташкент, Самарканд и северо-восточная часть нынешнего Таджикистана), Транс-Каспийская периферия (центром которой был современный Туркменистан) и, наконец, протектораты – Бухарский эмират и Хивинский ханат» [Закиров, 2011. С. 35]. Это историческое событие кардинально изменило общественную и политическую обстановку в регионе. Сложившаяся обстановка стала импульсом к зарождению просветительства в регионе. Академик А. М. Богоутдинов справедливо отмечает: «... изменения в соци-

ально-экономическом укладе и политической жизни Бухарского ханства второй половины XIX века нашли отражение в развитии общественно-политической мысли таджикского народа» [Богоутдинов, 1980. С. 356].

Именно в такой обстановке и как ответ на социальную потребность общества вышеуказанного периода появилось таджикское просветительство. По оценке большинства исследователей, одним из основоположников таджикского просветительства является Ахмад Дониш (1826–1897). Он сделал важный шаг в развитии общественно-политической и философской мысли таджикского народа конца XIX – начала XX в. Как отмечают таджикские ученые М. Диноршоев и Г. Ашуров, Ахмад Дониш «основал в истории таджикской философии новое направление – просветительскую социальную философию» [Ашуров, Диноршоев, 1978. С. 48].

Действительно, Ахмад Дониш был не только просветителем своего времени, но и социологом, философом, астрономом и дипломатом. В качестве представителя Бухарского эмирата он трижды был в России (в 1856–1857, 1868–1869 и 1873 гг.). В своих произведениях как просветитель он касался актуальных социально-политических проблем своего времени. Следует подчеркнуть, что его прогрессивные и передовые мысли впоследствии оказали огромное влияние на мировоззрение других мыслителей, уже упомянутых нами Мирзо Сироджа Хакима, Абдурауфа Фитрата, Мунзима, Садриддина Айни, а также Тошходжы Асири (1864–1915) и множества других литераторов и ученых.

Таджикский исследователь Н. М. Закиров в своей работе «Реформаторско-религиозные взгляды Ахмада Дониша» отмечает, что «его (Ахмада Дониша. – Д. М.) просветительская социальная философия в своем развитии прошла два этапа: первый – 70-80-е годы XIX века; второй – начало 90-х годов XIX века» [Закиров, 2011. С. 93].

В своей общественно-философской концепции Ахмад Дониш стоял на позициях просветительства, он надеялся, что путем просвещения, пропаганды и ознакомления с гуманистическими идеями можно создать лучший строй и справедливое общество. Мыслитель являлся сторонником принципов социальной справедливости, защиты прав каждого члена общества, а также справедливого распределения материальных благ между ними. Ахмад Дониш, изучив прогрессивные идеи предков, развил их и внес в историю общественно-политической и литературной мысли таджикского народа свой весомый вклад. Поэтому Академик Бертельс Э. справедливо назвал Ахмада Дониша основоположником новой литературы: «Когда мы изучаем таджикскую литературу XIX века, прежде всего, мы встречаемся с отцом новой таджикской литературы Ахмадом Донишем, который основал литературное течение, которое после Октябрьской революции привело к возникновению таджикской советской литературы» [Бертельс, 1936. С. 19].

Появление выдающейся элиты просветителей во главе с Ахмадом Донишем стало показателем того, что в этом отсталом регионе появились реформаторы, мыслящие прогрессивно. Поэтому мы можем поставить Ахмада Дониша в один ряд с такими выдающимися исламскими мыслителями-реформаторами, как Джамалиддин аль-Афгани (1849–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905), Абдер-Рахман аль-Кавакиби (1849–1910) и другими прогрессивными деятелями того времени.

Следует подчеркнуть, что таджикское просветительство, как и просветительские движения в других регионах, имело религиозную форму. Эти просветители не отрицали религию, и выступали с позиции своей религии – ислама: «Религиозная окрашенность была специфической не только для Ахмада Дониша, но и для всего восточного просветительства, в том числе просветительства Сайида Джамалиддина Афгани, Кавакиби, Абдо и других» (см.: [Ашуров, Диноршоев, 1978. С. 56]). Другими словами, таджикские просветители, в том числе Ахмад Дониш и его круг, были не противниками ислама и религиозного мировоззрения вообще, а выступали против религиозных деятелей, которые, прикрываясь религией, прибегали к несправедливости и насилию по отношению к трудовому народу.

Согласно утверждению большинства исследователей, Ахмад Дониш открыл в истории культуры таджикского народа новую страницу. По этому поводу С. Айни отмечает, что «Ахмад Дониш в Бухаре являлся основоположником научной, литературной, общественной и политической революции» [Айни, 2010. С. 288]. Огромная заслуга Ахмада Дониша заключается также в том, что он распространял свои идеи среди народа, для чего собрал вокруг себя единомышленников, которые активно поддерживали его идеи.

Наряду с вышеизложенным мнением Э. Бертельса и С. Айни о том, что Ахмад Дониш является отцом-основоположником новой таджикской литературы, по нашему твердому убеждению, его можно считать и родоначальником новой таджикской философии. Действительно, во-первых, в произведениях мыслителя впервые в истории общественно-философской мысли нашего народа встречаются идеи о приобщении к ценностям нового индустриально развитого мира, так называемого нетрадиционного, современного общества; во-вторых, именно идеи Ахмада Дониша и его учеников стали основой для всех последующих просветительских и общественно-философских течений в истории нашей нации, в том числе для таких новаторских движений, как джадидизм.

Подводя итог анализу вышеизложенных идей просветителей, необходимо подчеркнуть, что даже при самом общем подходе к таджикскому просветительству конца XIX – начала XX в. выясняется, что, хотя у них отсутствовала отдельная специальная программа, но одной из основных их целей было реформирование школы и культуры в целом. Они стремились изменить содержание и методы обу-

чения в медресе, предлагая ввести в мусульманские школы общеобразовательные предметы, в частности преподавание родного и русского языков. Второе поколение таджикских просветителей стремилось к созданию в обществе предпосылок для претворения в жизнь этой программы, для этого они издавали газеты, журналы, новые учебные пособия. В целом просветители намеревались полностью изменить содержание и методы обучения в учебных заведениях своей страны.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что на мировоззрение таджикских просветителей второго периода повлияло также ранее сформировавшееся просветительское движение в среде тюркских народов России, в первую очередь татар. По этой причине газеты, журналы, статьи и сочинения татарских просветителей разных направлений и течений широко распространялись и в Средней Азии [Ашуров, Диноршоев, 1978. С. 21].

Таким образом, таджикское просветительство как общественное движение со времени своего появления до начала XX в. прошло различные этапы развития и совершенствования под идейным предводительством родоначальника новой таджикской философии Ахмада Дониша и в конце оформилось в виде отдельного общественно-политического течения, получившего название джадидизм.

Список литературы / References

- Айни С.** Намунаи адабиёти тоҷик (1926). Душанбе: Адиб, 2010.
- Aini S.** Namunai adabietī tojik. Dushanbe, Adib, 2010. (in Tajik)
- Ашуров Г. А., Диноршоев М. Д.** О просветительской социальной философии Ахмада Дониша // Изв. АН ТаджССР. Отделение обществ. наук. 1978. № 3. С. 48–59.
- Ashurov G. A., Dinorshoev V. D.** O prosvetitel'skoi sotsialnoi filosofii Ahmada Donisha. *Proceedings of the Tajik SSR Academy of Sciences. Series: Social Sciences*, 1978, no. 3, p. 48–59. (in Russ.)
- Ашуров Г. А.** Академик А. М. Богоутдинов – учёный, педагог, просветитель // А. М. Богоутдинов – основоположник новых философских исследований. Душанбе: Пайк, 2001. С. 99–118.
- Ashurov G. A.** Akademik A.M. Bogoutdinov – uchenyi, pedagog, prosvetitel. In: A. M. Bogoutdinov – osnovopolozhnik novyh filosofskih issledovaniy. Dushanbe, Paik, 2001, p. 99–118. (in Russ.)
- Бертельс Э.** Рукописи произведений Ахмада Каллэ // Тр. Тадж. базы АН СССР. 1936. Т. 3: Лингвистика.
- Bertels E.** Rukopisi proizvedenii Ahmada Kalle. In: *Proceedings of Tajik Section of the USSR Academy of Sciences*, 1936, vol. 3: Linguistics. (in Russ.)

Богоутдинов А. М. Избранные произведения. Душанбе: Дониш, 1980.

Bogoutdinov A. M. Izbrannye proizvedeniya. Dushanbe, Donish, 1980. (in Russ.)

Закиров Н. М. Реформаторско-религиозные взгляды Ахмада Дониша: Дис. ... канд. филос. наук. Душанбе: Ин-т философии, политологии и права АН Республики Таджикистан, 2011.

Zakirov N. M. Reformatorsko-religioznye vzglyady Ahmada Donisha. Dissertation in partial fulfillment of the requirements for the degree of Candidate of Sciences (Philosophy). Dushanbe, Institute of Philosophy, Politics and Law, Republic of Tajikistan Academy of Sciences, 2011. (in Russ.)

Таджикская советская энциклопедия. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1983. Т. 4.

Tajik Soviet Encyclopedia. Dushanbe, Tajuk SSR Academy of Sciences, 1983, vol. 4. (in Russ.)

Семенов А. А. Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1954.

Semenov A. A. Ocherki ustroistva tsentralnogo administrativnogo upravleniya Buharskogo hanstva pozdneishego vremeni. Stalinabad, Tajuk SSR Academy of Sciences, 1954. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

29.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Муллобоева Дилфуза Абдусаматовна

кандидат философских наук, доцент

заведующая кафедрой социальной работы философского факультета Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан)

Dilfuza A. Mulloboeva

Candidate of Sciences (Philosophy)

Head of the chair of Social Work, Philosophy Faculty, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

УДК 165.4

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-222-235

Скептическая проблема – псевдопроблема

Открытая лекция: Существует ли внешний мир?

Часть II. Скептический сценарий бессмыслен *

И. Е. Прись

*Институт философии НАН Беларуси
Минск, Беларусь*

Аннотация

Объединённый витгенштейновско-дисджанктивистский подход Притчарда не является исключительно терапевтическим и делает значительный прогресс в понимании скептической проблемы. Однако в его рамках природа петлевых предложений раскрывается не полностью. Наша трактовка петлевых предложений как укоренённых в реальности витгенштейновских правил позволяет усилить подход Притчарда. В конечном итоге мы утверждаем, что для устранения скептической проблемы в дисджанктивизме нет нужды вовсе. Скептический сценарий бессмыслен, потому что всякое понимание предполагает употребление концептов, которые, в свою очередь, имеют смысл лишь в том случае, если они укоренены в реальности. Наша точка зрения согласуется с контекстуальным реализмом Жослена Бенуа, а также с позицией Роберта Брэндона, согласно которой рационалисты и редуктивисты материалисты разделяют общую ложную семантическую предпосылку о возможности чёткого разделения и независимой трактовки семантики и эпистемологии.

Ключевые слова

скептицизм, петлевые предложения, эпистемологический дисджанктивизм, байскопический подход, сначала-знание эпистемология, контекстуальный реализм

Благодарности

Я благодарен директору Института философии и права НГУ профессору Владимиру Серафимовичу Диеву, а также заведующему кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Никите Владимировичу Головкину и, конечно, руководству университета и Программе 5-100 НГУ за приглашение, за предоставленную возможность поработать вместе с вами здесь в Сибири, в Новосибирском государственном университете.

* Открытая лекция «Существует ли внешний мир? О некоторых новых подходах к проблеме картезианского скептицизма» была прочитана в Новосибирском государственном университете 11 декабря 2019 года в рамках Программы приглашения иностранных специалистов по Проекту 5-100. Это вторая часть лекции, первая часть опубликована в: Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 180–194.

Для цитирования

Прись И. Е. Скептическая проблема – псевдопроблема. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Часть II. Скептический сценарий бессмыслен // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 222–235. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-222-235

The Sceptical Problem Is a Pseudo-Problem Open Lecture: Does the External World Exist? Part II. The Sceptical Scenario Is Meaningless *

I. E. Pris

*Institute of Philosophy of NAS of Belarus
Minsk, Belarus*

Abstract

Duncan Pritchard's hinge-disjunctivist approach is not purely therapeutic, it represents a significant step forward. But, within it, the nature of the hinge propositions themselves is not fully disclosed. We interpret the hinge propositions as reality-rooted Wittgenstein rules. This allows us to strengthen the joint interpretation of the sceptical paradox. Finally, we express our doubts about the need for a disjunctivist component to solve/dissolve the sceptical problem. A sceptical scenario is meaningless, because any understanding involves the use of concepts, which, in turn, make sense only if they are rooted in reality. Our point of view is consistent with Jocelyn Benoist's contextual realism, as well as with Robert Brandom's position, according to which rationalists and materialistic reductionists share a common false semantic premise about the possibility of a clear separation and independent treatment of semantics and epistemology.

Keywords

scepticism, hinge propositions, epistemological disjunctivism, biscopical approach, knowledge first epistemology, contextual realism

Acknowledgements

I would like to thank Professor⁶ Dr. Vladimir Serafimovich Diev, the Director of the Institute for the Philosophy and Law of NSU, and Dr. Nikita Vladimirovich Golovko, the Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, as well as the university officials of the Project 5-100 initiative, for the invitation and the opportunity to work together here in Siberia, at Novosibirsk State University.

For citation

Pris I. E. The Sceptical Problem Is a Pseudo-Problem. Open Lecture: Does the External World Exist? Part II. The Sceptical Scenario Is Meaningless. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 222–235. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-222-235

* The open lecture “Does the external world exist? (On some new approaches to the problem of Cartesian scepticism)” was held at Novosibirsk State University on December 11, 2019 under the Program of Foreign Specialists Invitation under the Project 5-100 initiative. This is the second part of the lecture. The first part of the lecture was published in: *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 180–194.

Введение

В первой части лекции мы показали, что теоретические подходы к проблеме скептицизма являются неудовлетворительными, поскольку они основываются на ложных метафизических предпосылках, для устранения которых требуется применить терапевтический метод Витгенштейна. Во второй части лекции мы продолжим рассмотрение витгенштейновско-дисджанктивистского подхода Притчарда. Мы покажем, что для решения скептической проблемы в дисджанктивистской компоненте подхода нет нужды. На самом деле эпистемологический дисджанктивизм не объясняет перцептивное знание, а представляет собой его рациональную реконструкцию. Проблема скептицизма – псевдопроблема, устраняемая в рамках витгенштейновского по духу контекстуального реализма, принимающего во внимание тесную связь между семантикой, эпистемологией и онтологией, а скептический сценарий, строго говоря, бессмыслен. Мы подтвердим наш вывод ссылками на современных аналитических и континентальных философов.

Дискриминационные и благоприятствующие рациональные основания

Итак, если занять позицию антискептика, то первая форма скептического парадокса утверждает наличие рационального отрицания скептической гипотезы (но каким образом это возможно, если мозг-в-баке имеет ту же видимость, те же мысли и доступные рефлексии рациональные основания, что и нормальный субъект?), а вторая форма парадокса утверждает наличие обыденного знания, несмотря на отсутствие дискриминационных или так называемых «благоприятствующих» рациональных оснований в пользу обыденного сценария по сравнению со скептическим. В самом деле, в обыденном сценарии дело обстоит иначе. Например, хотя в зоопарке мы не можем по внешнему виду (при помощи зрительного восприятия) отличить зебру от подделанного под зебру мула, у нас, тем не менее, есть благоприятствующие (но не дискриминационные) рациональные основания вида: «Нет смысла подделывать мула под зебру», «Подделка дорого бы стоила и могла бы быть легко обнаружена». И так далее. Благодаря этим основаниям мы знаем, что перед нами зебра, а не подделанный под зебру мул.

Описанная ситуация есть ситуация локального скептицизма, в которой под сомнение ставится лишь ограниченное число утверждений, которые обычно считаются знанием. Основные (и общие для обыденного и скептического сценариев) петлевые предложения, в частности, отрицание скептической гипотезы, утвержде-

ние о существовании зоопарка, нас самих и так далее, сомнению не подвергаются. Указанные выше благоприятствующие основания их предполагают, на них «опираются». Но в случае радикального скептического сценария ПП нет вообще (и, следовательно, нет общих для скептического и нескептического сценариев ПП). Поэтому не имеет смысла выдвигать «благоприятствующие» рациональные основания в пользу нескептического сценария.

Мне только кажется, что передо мною компьютер, или же передо мною на самом деле компьютер? Постановка скептической проблемы такова, что у меня нет благоприятствующих оснований в пользу того, что передо мною на самом деле компьютер. Здесь, согласно Притчарду, вступает в игру эпистемологический дисджанктивизм (ЭД). С точки зрения ЭД, у меня всё же есть одно благоприятствующее основание: доступное рефлексии фактивное основание, что я вижу, что передо мною компьютер. Это основание не дискриминационное, поскольку мозг-в-баке тоже будет думать, что у него есть это основание. В терминологии Уильямсона это та форма скептицизма, которая основана на понятии очевидности. Скептик слишком сильно ограничивает то, что можно отнести к очевидности. Для него в плохом случае, то есть для мозга-в-баке, и в хорошем случае очевидность одна и та же. Это интерналистский подход. На самом деле, очевидность мозга-в-баке значительно более бедная, так как у мозга-в-баке знание об окружающем мире отсутствует.

Две ложные теоретические предпосылки

Притчард показывает, что два вида скептического парадокса основаны на двух ложных теоретических предпосылках. Он их устраняет, сохраняя при этом принцип замкнутости знания и принцип недоопределённости рационального обоснования.

(1) Первый вид парадокса основан на *тезисе об универсальности эпистемической рациональной оценки*, утверждающем, что нет предела для степени рациональной оценки наших мнений. В частности, допускается возможность глобальной рациональной оценки. Применение принципа замкнутости в рамках скептического парадокса как раз это и подразумевает, поскольку оно представляет собой переход от локального рационального утверждения к глобальному. Но согласно витгенштейновскому анализу структуры рациональной оценки, всякая рациональная оценка локальна и по самой своей природе предполагает нерациональное принятие некоторых (нерациональных) ПП. Неограниченное расширение области применения принципа замкнутости знания (когда ставятся под сомнение или обосновываются сами ПП) нелегитимно.

(2) Второй вид парадокса основан на *тезисе об ограниченности рациональных оснований* (insularity of reasons) ¹. Тезис утверждает, что даже наилучшие рациональные основания, которые мы имеем в пользу наших обыденных мнений, могут быть ложными, т. е. мы можем радикально ошибаться. (Этот тезис тесно связан с интуицией о новом декартовском демоне.) Парадокс предполагает, что в обоих сценариях, скептическом и нескептическом, рациональные основания субъекта одни и те же². Утверждение об ограниченности (insularity) рациональных оснований является именно неверным (интерналистским) тезисом, а не утверждением здравого смысла. Оно отвергается эпистемологическим дисджанктивизмом (ЭД).

Поскольку первый парадокс предполагает тезис о возможности глобальной (неограниченной) рациональной эпистемической оценки, а второй – наоборот, тезис об ограниченности наших рациональных оснований, то устранение первой формы парадокса автоматически не устраняет более слабую вторую форму. На первый взгляд, мы имеем две разные скептические проблемы.

Устранение скептического парадокса в рамках байскопического подхода Притчарда

Анализа Колива справедливо называет подход Притчарда «странные интимные партнёры» (strange bedfellows). В самом деле, этот подход синтезирует теоретический ЭД и терапевтическую петлевую эпистемологию. Притчард, однако, утверждает, что он позволяет устранить недостатки ЭД и петлевого подхода, в то же время сохраняя их достоинства. ЭД и петлевая эпистемология, якобы, усиливают и поддерживают друг друга.

I. *Устранение скептического парадокса, основанного на принципе замкнутости знания*: Для Притчарда петлевые предложения/обязательства, будучи эксплицированы в виде предложений, – особые (не имеющие истинностных условий) пропозициональные установки, которые не могут быть рациональными мнениями. Поскольку они не удовлетворяют первому условию знания, к ним неприменим принцип замкнутости знания. В частности, для Витгенштейна в понимании Притчарда отрицание скептической гипотезы есть ПП, а не рациональное мнение/знание, или знание *per se*. Поэтому принцип замкнутости знания, хотя он и

¹ Шёнбаумсфелд говорит о «тезисе тождественности рациональных оснований» (в нормальном и скептическом сценариях).

² Для Уильямсона, например, это не так: очевидность, а, следовательно, и рациональные основания, разные, поскольку в обыденном сценарии у нас есть знание, а в скептическом нет. С точки зрения ЭД в обыденном сценарии у нас есть фактивные (*factive*) основания.

является с точки зрения Притчарда универсальным принципом, к нему неприменим.

II. Устранение скептического парадокса, основанного на принципе недоопределённости рациональных оснований осуществляется, как было объяснено выше, при помощи ЭД.

Критика I и II

I. Первый вид парадокса

Одна из проблем заключается в том, что для Притчарда ПП – это пропозициональная установка. Если, например, пропозицию, что Земля существовала задолго до моего рождения, можно логически вывести из знания, что Бородинское сражение состоялось в 1812 г., то почему нельзя сформировать соответствующее убеждение и знать, что Земля существует уже давно? На наш взгляд, лучше говорить не о логическом выводе пропозиции (которая, согласно Притчарду, ни истинна, ни ложна), а об экспликации правила. Эксплицированное правило правилом и остаётся. По определению оно не имеет истинностных условий, но его можно сформулировать в виде пропозиции. Собственно о логическом выводе можно говорить лишь в рамках одной и той же системы правил, формы жизни. Принцип замкнутости знания тоже применим лишь в рамках формы жизни, а не к её грамматике. Иными словами, он может быть применён только для обыденных эмпирических предложений на обеих сторонах логического вывода, или во всяком случае не для петлевых предложений, а для предложений, которые познаваемы и, соответственно, могут быть мнениями.

В то же время с точки зрения контекстуального реализма ПП вида «Это рука», «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» суть правила, укоренённые в реальности. Это означает, что существуют истинные парадигматические их применения. Существуют также контексты, в которых они являются ложными эмпирическими предложениями (всё же такие контексты являются исключительными). Поэтому можно сказать, что мы действительно знаем, что у нас две руки, что Земля существовала задолго до нашего рождения и так далее. Наши правила (нормы, концепты, теории) «соответствуют» реальности. Но это не «внешняя реальность». Подобным же образом, все те обыденные вещи, о которых у меня есть эмпирическое знание, принадлежат некоторой форме жизни, а не «внешней реальности».

II. Второй вид парадокса.

Выше мы уже указывали на то, что эпистемология Витгенштейна позволяет разрешить (устранить) оба вида скептического парадокса. В самом деле, само по-

нятие петлевого предложения (ПП), понятое в рамках контекстуального реализма как укоренённое в практике и реальности правило / норма наших нормативных эпистемических практик и форм жизни, позволяет с ходу отвергнуть ложную теоретическую предпосылку скептического парадокса второго вида. В обыденном (нескептическом) сценарии существуют ПП, которых нет в скептическом сценарии. Поэтому структура рациональности в двух сценариях будет различной. Чтобы это утверждать, нет необходимости прибегать к помощи ЭД. Поскольку ПП могут быть сделаны эксплицитными, я могу иметь рациональное знание (знание, что я знаю), что передо мною компьютер, что у меня две руки и так далее. Знание в обыденном сценарии основано на ПП. Это знание предшествует доступным рефлексии фактивным основаниям, о которых говорит ЭД, объясняет последние, а не наоборот. У мозга-в-баке нет ПП (во всяком случае, у него нет тех ПП, которые есть у нас), поэтому у него нет и знания о том, что перед ним компьютер, что у него две руки и так далее.

Петлевое предложение «Я не мозг-в-баке»

Притчард рассматривает отрицание скептической гипотезы как ПП, которая является промежуточной между зависящими от контекста персональными ПП типа «Я говорю по-русски», «Я никогда не был на Луне», «Меня зовут Игорь» и не зависящим от контекста «над-петлевым» (*über-hinge*) предложением, что мы не можем радикально ошибаться в наших убеждениях. Персональные ПП кодируют (каждая по-своему) одно общее, не зависящее от контекста над-ПП, играющее роль общего ядра и представляющее собой отрицание радикальной ошибочности наших мнений. Мы не можем ошибаться во всём. Однако философский скептический сценарий эксплицитно ставит под сомнение «над-петлевую» достоверность. Поэтому отрицание скептической гипотезы является не зависящей от контекста и общей для всех персональных петель петлёй – прямое следствие принятия над-ПП.

На первый взгляд, вместе с Притчардом мы можем утверждать, что «Я не мозг-в-баке» – ПП. Эквивалентным образом, к ПП мы можем отнести предложение о существовании внешнего мира³. В то же время мы подозреваем, что, приписы-

³ На самом деле между ними можно сделать различие. Предположим, что «Внешний мир существует» – ПП (логический, а не субстанциальный тезис). Но если само различие между внешним и внутренним мирами ложно, следует ли нам говорить о внешнем мире, хотя бы даже и в логическом смысле? Можно, например, сказать, что «Вода есть H₂O» – ПП. Но вода действительно есть (объект) H₂O. Предложение о воде осмысленно. «Внешний мир», однако, в концепции форм жизни не объект. Поэтому, на наш взгляд, предложение «Внешний мир существует» следует скорее понимать в смысле категориаль-

вая предельно теоретическим предложениям «Я не мозг-в-баке», «Внешний мир существует» статус ПП, вводя над-ПП, Притчард злоупотребляет витгенштейновским подходом. Вместо этого следует внимательно проанализировать сам концепт реальности и связь между семантикой, эпистемологией и онтологией. В парадигматических случаях наши концепты по самой своей природе, как правило, отсылают к тому, к чему они предназначены отсылать. Не существует никакого трансцендентального ПП, в том числе и над-ПП. Если мы не уверены, что части нашего тела и окружающие нас вещи реальны, то мы просто не владеем концептом реальности.

В конечном итоге разделение на внешний и внутренний миры не имеет смысла в рамках концепции форм жизни. Мы сами часть реальности. Между нашим (не-концептуализированным) перцептивным опытом и реальностью, как утверждает Бенуа, нет никакой дистанции.

Эпистемологический дисджанктивизм (ЭД) излишен

Рациональность локального знания

Притчард утверждает, что рациональное знание об обыденных вещах, гарантируемое ЭД, облегчает принятие локального характера нашей рациональности, утверждаемого витгенштейновской эпистемологией, то есть усиливает витгенштейновское устранение первого вида парадокса. Мы оспариваем это заключение Притчарда, а также его утверждение, что для решения второго вида парадокса витгенштейновская эпистемология неприменима. На наш взгляд, Притчард понимает витгенштейновскую эпистемологию ограниченно – лишь как утверждение о локальном характере нашей рациональности. Другими словами, он понимает её чисто эпистемологически, не анализируя сам концепт реальности. Притчард считает, что логически могло бы быть и то, и другое: рациональные основания существенно локальны и в то же время они удовлетворяют представлению об ограниченности рациональных оснований (именно поэтому вдобавок к витгенштейновской петлевой эпистемологии ему нужен ЭД). Однако заметим, что, согласно витгенштейновскому контекстуальному реализму, локальны они именно потому, что они

ного утверждения о реальности, то есть как утверждение позиции реализма. Напротив, предложение «Я не мозг-в-баке» есть отрицание предложения «Я мозг-в-баке». Если последнее предложение бессмысленно (а оно бессмысленно, если скептический сценарий, как утверждает Витгенштейн, бессмыслен), подобно тому как бессмысленно предложение «Коты растут на деревьях», то бессмысленно и его отрицание (подобно тому, как бессмысленно предложение «Коты не растут на деревьях» (пример Витгенштейна) – это предложение лишь имеет видимость осмысленности и истинности). Можно ли тогда назвать отрицание бессмысленного предложения – «Я не мозг-в-баке» – ПП?

укоренены в реальности – локальность и означает укоренённость в реальности. Но тогда не может быть верен тезис об ограниченности рациональных оснований, который как раз и отрывает рациональные основания от реальности, интернализирует их. Рациональное основание, оторванное от реальности, оказывается псевдорациональным основанием. Таким образом, локальность рациональных оснований автоматически означает, что структура рациональности и у меня, и у мозга-в-баке различная. ЭД, на наш взгляд, пытается принять сказанное выше на свой теоретический манер, как тезис о существовании доступных рефлексии фактивных рациональных оснований. Притчард также считает, что чтобы утверждать, что наша существенно локальная рациональность (поскольку она всё-таки локальная) является подлинной, *bona fide*, также дополнительно требуется ЭД. Однако псевдорациональные основания, как уже сказано выше, возникают именно из-за их неукоренённости в реальности, о которой мы только что говорили. ЭД излишен.

Неразделимость семантики, эпистемологии и онтологии

В парадигматических случаях зрительного восприятия витгенштейновская эпистемология объясняет знание не хуже ЭД. Например, знание, что это рука (если речь не идёт о ПП), возникает в рамках языковой игры корректного применения концепта «рука», который играет роль, аналогичную роли ПП. Просто утверждать, что «Это рука» – ПП, хотя и позволяет устранить проблему эпистемического фундамента, оставляет нерешённым вопрос о том, действительно ли рука как реальный объект существует. В рамках языковой игры применения концепта «рука», при нормальных условиях семантика, эпистемология и онтология не отделимы друг от друга. Как пишет Витгенштейн в *О достоверности*: «Рискни я усомниться, что это моя рука, – как бы я умудрился побороть сомнение в том, что слово “рука” вообще имеет какое-то значение? Так что это я, видимо, все-таки *знаю*» (§ 369). Рациональность локального знания не просто совместима с принципиальным отсутствием глобальной эпистемической оценки, но и на самом деле предполагает его. Глобальная рациональная оценка означала бы отсутствие какой-либо укоренённости мнений в реальности, т. е. отсутствие какого-либо знания или даже содержательных мнений. Для борьбы с радикальным скептицизмом нам не требуется помощь фактивных оснований, не требуется специфический тезис, каковым является ЭД.

Эпистемологический дисджанктивизм (ЭД) как рациональная реконструкция

Мы полагаем, что правильный ход рассуждений здесь следующий: я вижу, что p , и, следовательно, знаю, что p (перцептивный опыт, что p , – способ знать, что p). Я также знаю, что я знаю, что p , так как в парадигматическом случае у меня есть рефлексивный доступ к моему знанию, что p . То есть я знаю, что я знаю, что p , посредством зрительного восприятия: я знаю, что я вижу, что p . Таким образом, для определенных ситуаций сначала знание, что p , и лишь затем знание, что я вижу, что p . ЭД утверждает обратное: сначала знание, что я вижу, что p , то есть рефлексивный доступ к фактивному основанию «Я вижу, что p » для моего мнения, что p , и лишь затем знание, что p , как истинное фактивно обоснованное мнение, что p . Таким образом, ЭД переставляет местами причину и следствие, рационализирует, реконструирует то, что происходит в действительности.

На самом деле, в парадигматических случаях перцептивного знания мы не выводим рефлексивно-логически наше знание, что p , из нашего зрительного опыта, что p . Мы знаем, что p , непосредственно в самом опыте. Мы согласны с Уильямсоном, что наше перцептивное знание не базируется на рациональных основаниях. Для нас, как и для Уильямсона (и мы полагаем, что об этом также говорит Витгенштейна), видеть, что p , является одним из способов знать, что p . Мы также согласны с Клейтоном Литлджоном, что большая часть нашего перцептивного знания может рассматриваться как результат действия наших идентификационных способностей при подходящих условиях.

Притчард говорит, что фактивное основание «я вижу, что p » (то есть знание, что я вижу, что p), – эмпирическое рациональное основание, которое приобретается перцептивным путём (это позволяет, согласно ему, решить кажущуюся проблему априорного (рефлексивного) доступа к эмпирическому факту). Но почему нельзя сказать, что эмпирическим путём сразу же приобретается знание, что p ?

Позиция Бенуа: ни дисджанктивизм, ни конъюнктивизм

Согласно терапевтической точке зрения Бенуа, дисджанктивизм и конъюнктивизм содержат общие ложные метафизические предпосылки. Обе эти позиции – эпистемологические. Перцепция, однако, относится к порядку бытия, а не к порядку познания. непонимание этого имеет негативные эпистемологические последствия. Например, в общем случае нельзя сказать, что галлюцинация вводит в заблуждение. Правильнее сказать, что это патологический случай перцепции. В известном смысле конъюнктивизм утверждает конъюнкцию отрицаний двух составляющих дисджанктивизма. Бенуа предлагает следующую альтернативу схоластическому теоретизированию: «ни дисджанктивизм, ни конъюнктивизм». Он предлагает скорректировать дизъюнкцию, принимая во внимание, что в обыденном языке нет места для «или ... или ...». Следует говорить не: $p \vee q$, а просто – p .

На наш взгляд, эта позиция совместима со СЗЭ Уильямсона. Для Уильямсона два дисджанктивистских опыта, p и q , не равноправны. Зрительная иллюзия (перцепция-видимость), – быть может, соответствующая реальности, но, в то же время, не находящаяся в подходящей причинной связи с нею, – подразумевающая формирование соответствующего суждения и мнения, есть отклонение от знания – подлинного концептуализированного опыта (опыта, что p , который есть способ знать, что p). Это отклонение обусловлено нарушением когнитивного процесса. Поэтому нельзя сказать: $p \vee q$, но можно сказать – p , допуская при этом, что суждение может оказаться ложным или необоснованным.

Против релятивизма и непреодолимых разногласий

Может возникнуть скептическое беспокойство по поводу необоснованности самих петлевых предложений (ПП), а также их произвольности, радикальной несоизмеримости. Как пишет Витгенштейн в *О достоверности*: «где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком» (§ 611). Если предположить, что радикально отличные эпистемические системы, то есть системы, основанные на радикально отличных ПП, несоизмеримы, то возникает релятивизм относительно эпистемического обоснования и знания.

В то же время можно утверждать, что, согласно Витгенштейну и Дэвидсону, наши ПП, формы жизни, концептуальные схемы не могут различаться настолько радикально, чтобы разрешение разногласий не было возможно в принципе. В противном случае мы бы просто не поняли друг друга. Притчард оспаривает радикальную несоизмеримость ПП при помощи понятия над-ПП, существование которых есть условие рациональности, осмысленности. Поскольку все ПП – различные выражения общего над-ПП – висцеральной арациональной достоверности, что мы радикально и фундаментально не ошибаемся в наших мнениях, все они имеют несколько отличные содержания, т.е. не могут по-настоящему противоречить друг другу. Согласно Витгенштейну, наши ПП поддерживаются всем зданием мнений, которые их предполагают. Следовательно, изменяя постепенно эти мнения, мы можем в конечном итоге изменить и сами ПП. Витгенштейновская метафора реки и её русла, согласно которой ПП могут менять свой статус и эволюционировать, указывает на это решение. По большому счёту мы все в одной реке. Рациональное разрешение наших разногласий в принципе возможно.

Миф о семантической чистоте

Роберт Брэндом указывает на общую и для рационалистов эпохи просвещения (например, для Канта), и для редуктивных материалистов (например, для нигилистов) неверную наивную семантическую предпосылку, которая состоит в чётком разделении и независимой трактовке семантики и эпистемологии. Эту предпосылку он называет «мифом о семантической чистоте». Рационалисты полагают, что содержание концептов может быть понято до их действительного применения. Редукционисты полагают, что имеющие пропозициональное содержание мнения могут быть поняты без принятия во внимание концептуальной нормативности. На самом деле, отсутствие подлинной концептуальной составляющей у наших «мнений» не позволило бы нам даже сказать, что вещи тем или иным образом нам кажутся. Аналогичным образом, для Дональда Дэвидсона мы не формируем сначала концепты, а затем открываем, каким образом они применяются; в базовых случаях применение определяет содержание концепта. Базовые применения, о которых говорит Дэвидсон, – витгенштейновские примитивные языковые игры. Для Дэвидсона содержательные мнения (убеждения, верования) имеют свои реальные условия. По этой причине он считает, что не может быть так, чтобы большинство наших обыденных мнений о том, что существует в мире, были бы ложными («в природе мнения заключено предположение об [тенденция к] истинности»). Скептик ложно предполагает, что мнения могут быть массивно ложными и в то же время содержательными. Поэтому скептическая проблема – это псевдопроблема.

Лишь в употреблении языка, когда мы делаем суждения и формируем мнения, и, следовательно, несём ответственность за их содержание, выражающее состояние вещей, они приобретают смысл. Употребляя язык, мы одновременно придаём ему смысл, одновременно применяем и изменяем концептуальные нормы. Применительно к скептической проблеме сказанное выше означает, что мозг-в-баке (вследствие отсутствия какого-либо контакта с внешней средой) не мог бы мыслить и, в частности, он не мог бы сформировать суждение, что он мозг-в-баке, или суждение, что он не мозг-в-баке. Как заметил Витгенштейн в *О достоверности*: «Аргумент “быть может, я вижу сон” бессмыслен, потому что тогда мне снилось бы и это высказывание, а также и то, что эти слова имеют смысл» (§ 383). Аналогичным образом, Бенуа критикует семантический идеализм аналитической философии второй половины XX века. Согласно ему, современный идеализм – прежде всего идеализм смысла, то есть утверждение абсолютной самостоятельности смысла, а реализм в том, чтобы всегда привязывать смысл к своим действительным условиям. С другой стороны, он также критикует и феноменологию XX века, абсолютизирующую видимость, понятие феномена, принимающую феномены за самоочевидные автономные данные, лишаящие их нормативного (концептуального)

измерения. Такая феноменология есть физика видимости, перевёрнутый платонизм, а не подлинная феноменология. Современный французский феноменолог Клод Романо корректирует и расширяет традиционную феноменологию, делает её реалистской. Он приводит прагматико-феноменологический аргумент против скептицизма, согласно которому понимание требует наличия базовых способностей, предполагающих существование мира, телесную и практическую принадлежность ему.

Вернёмся к байскопическому подходу. Тезис о возможности глобальной рациональной оценки наших мнений соответствует рационалистическому полюсу семантически наивной предпосылки, а тезис о замкнутости рациональных оснований – её материалистическому полюсу. Нам представляется, что две формы скептического парадокса имеют общую семантическую предпосылку, которая проявляет себя дуально. То есть два ложных тезиса, которые выделяет Притчард и которые приводят к двум формам скептицизма, сами основаны на ещё более глубокой семантической предпосылке. Мы не нуждаемся в дисджанктивизме, чтобы устранить скептический парадокс.

Заключение

Современная эпистемология унаследовала свои проблемы от традиционной эпистемологии модерна, которая во второй половине XX века выродилась в эпистемологию постмодерна. Предпосылкой эпистемологии модерна является дуализм субъекта и объекта познания (деление на внешний и внутренний миры) и, соответственно, репрезентационализм (Декарт, Кант). Представление как бы играет роль вуали между субъектом и объектом – внешней реальностью. В результате возникает проблема доступа субъекта к реальности, а также скептические сомнения о том, что по ту сторону наших представлений вообще что-то есть. Постмодернизм отождествил реальность с её представлением и тем самым по сути отверг понятия реальности, истины и знания в пользу релятивизма и конструктивизма.

В рамках философии модерна эпистемология первична, а онтология вторична. Принимается лишь эпистемический реализм, который отождествляется с тезисом объективности истины. Если мы хотим решить проблемы традиционной эпистемологии, требуется избавиться от её ложных метафизических предпосылок, что невозможно в отрыве от исследования принимаемой концепции реальности. На наш взгляд, правильная философская позиция – витгенштейновский по духу контекстуальный реализм Жослена Бенуа, преодолевающий не только идеализм и, в частности, семантический идеализм, но и так называемые «новые реализмы», содержащие в себе много идеализма.

Различные виды дисджанктивизма и, в частности, эпистемологический дисджанктивизм, рассмотренный нами байскопический подход, предлагаемые некоторыми авторами различные варианты синтеза СЗЭ и более традиционных подходов (например, релейабиллизма, эпистемологии добродетелей), – промежуточные позиции, подобные старой квантовой механике начала прошлого века, которая частично употребляла язык классической физики для описания новых квантовых явлений. Другое дело сначала-знание эпистемология Уильямсона – альтернатива стандартной эпистемологии. В плане метафизическом, как нам представляется, она совместима с витгенштейновским неметафизическим реализмом Бенуа, который есть движение в направлении устранения разрывов между континентальной и аналитической философиями и в них самих. В этом есть необходимость, так как и та, и другая, и, в частности, аналитическая эпистемология, на наш взгляд, содержат в себе «разрывы», которые, подобно проблеме объяснения в философии сознания, не могут быть устранены ни чисто аналитическими средствами, ни чисто феноменологическими. На самом деле, это проблема идеалистических, антиреалистических способов мышления, которым подвержены не только основные философские направления XX века, но «новые реализмы» XXI века. Нам нужна подлинно реалистическая позиция. Что касается вопроса о внешнем мире, то, как сказал Жослен Бенуа в 2016 г. в своей боннской лекции «Реализм и метафизика»: «Нет никакого “большого внешнего мира”, поскольку мы всегда уже находимся во внешнем мире (где же ещё?). Мышление [и, добавим от себя, познание] есть постоянное усилие этот внешний мир измерить».

Материал поступил в редколлегию

Received

19.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Прись Игорь Евгеньевич

доктор философии, Парижский университет (Париж, Франция)
кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Igor E. Pris

PhD in Philosophy (U de Paris-Sorbonne, Paris, France)
Candidate of Sciences (Physics), leading researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus (Minsk, Belarus)

frigpr@gmail.com

Информация для авторов

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 30 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 30 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания,

том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

**Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке:
молодежный вектор**

В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санженakov

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В декабре 2018 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Организаторами мероприятия выступили НГУ и ИФПР СО РАН. Очное участие в конференции приняло более 50 молодых исследователей, общее число участников превысило 100 чел.

Ключевые слова

социальные и гуманитарные исследования, научные мероприятия, Всероссийская конференция, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет

**Humanitarian and Social Research in the 21st Century:
Youth Vector**

V. V. Petrov, O. A. Persidskaya, A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In December 2018 Novosibirsk Academgorodok became the seat of the XVI All-Russian Scientific Conference of young scientists in the field of humanities and social sciences «Current problems of humanitarian and social research». The organizers of the event were NSU and IPL SB RAS. Over 50 young researchers took part in the conference, while the total number of participants was over 100 people.

Keywords

social and humanitarian research, scientific events, All-Russian conference, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University

Основной текст статьи

Список литературы / References

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требуют пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетеия, 1999. С. 290–336.

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (in Russ.)

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения 11.09.2018).

Григорий Чудотворец. Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.

Grigorii Chudotvoretz. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsia [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (in Russ.)

Иринеи Лионский. Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.

Irinei Lionskii. Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (in Russ.)

Hieronymus Sridonensis. Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. Religious Studies, 1990, vol. 26, p. 363–375.

Slusser M. Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. D. Phil. Dissertation. Oxford, 1975.

Tertulliani Opera. Corpus Christianorum Series Latina II. Turnholt, Brepols, 1965.

Young F. M. Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

ivanov@gmail.com

ORCID 0000-0003-0738-7878